

ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ

ЗАКОННОСТИ

1

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР
ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Республиканский
межведомственный
тематический научный сборник

ВЫПУСК

1

код экземпляра

290629

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ „ВИЩА ШКОЛА“
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
1976

Сборник подготовлен редакционной коллегией при Харьковском юридическом институте.

Редакционная коллегия:

М. И. Бажанов, М. И. Бару (зам. отв. ред.), Ю. М. Грошевой (ств. секр.), Л. Я. Носко, А. А. Пушкин, И. Е. Середа, Н. Н. Страхов, В. Я. Тацкий (отв. ред.), В. В. Штерн.

Адрес редакционной коллегии:

310024, Харьков, Пушкинская, 77, юридический институт. Тел.: 40-41-01.

Редакция гуманитарной литературы
Зав. редакцией *Г. И. Шинкаренко*

Проблемы социалистической законности. Респ. межвед. темат. науч. сборник. Вып. 1. X., «Вища школа», Изд-во при Харьк. ун-те, 1976.

132 с. Списки лит. в конце статей.

В выпуске освещаются правовые проблемы научно-технического прогресса и борьбы с правонарушениями, вытекающие из решений XXV съезда КПСС о совершенствовании социалистической государственности, о дальнейшем развитии социалистической демократии, об укреплении правовой основы государственной и общественной жизни. Излагаются рекомендации, направленные на улучшение деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, анализируются вопросы совершенствования хозяйственных договоров, правового регулирования трудовых и гражданских правоотношений, а также рассматриваются актуальные проблемы административного и уголовного права, судопроизводства, криминологии и криминалистики.

Сборник рассчитан на научных работников и специалистов.

П 11002—338
М 226(04)—76 397—76

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

М. И. Бару, д-р юрид. наук

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМ ТРУДОВОГО ПРАВА

В условиях развитого социализма правовое регулирование отношений в связи с научно-техническим прогрессом призвано способствовать повышению эффективности общественного производства и подъему материального благосостояния народа. Исключительное экономическое и социальное значение научно-технического прогресса с особой силой подчеркнуто в докладе Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС: «Мы, коммунисты, исходим из того, что только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество» [5, с. 8]. Решение столь грандиозной задачи возможно только при органическом соединении достижений научно-технического прогресса с преимуществами социалистической системы хозяйства, предполагающей четко организованную планомерную деятельность всех звеньев, обеспечивающих ускорение научно-технического прогресса. К этим звеньям относятся научно-технические учреждения и организации, где зарождаются и оформляются новые открытия и научные закономерности; проектные организации, воплощающие идеи в конкретные планы действия, в проекты; строительные и монтажные организации, реализующие проекты в соответствии с утвержденными планами; производства, являющиеся конечными звеньями, претворяющими в жизнь научные идеи, открытия, изобретения, усовершенствования и т. п. Слаженная, гармоничная деятельность всех этих звеньев создает тот механизм, который реализует достижения научно-технического прогресса. Именно этот механизм обеспечивает практическое воплощение ленинской идеи: «Необходимо, — писал В. И. Ленин, — особо связать научный план электрификации с текущими практическими планами и их действительным осуществлением» [3, с. 344].

Достигнутые успехи в развитом социалистическом обществе создали необходимые экономические, технические и организационные предпосылки для разработки комплексной программы научно-технического прогресса и его социальных последствий — до 1990 г.

В осуществлении этой программы велика роль права. Советское трудовое право — это та отрасль, «которая близко стоит к научно-

техническому прогрессу и призвана обслуживать его, способствовать его развитию и одновременно корректировать в интересах трудящихся его социальные последствия» [14, с. 17]. Речь идет не только о действующих нормах, но и о рассчитанных на длительный период, т. е. о прогнозировании норм трудового права. В процессе прогнозирования должны быть учтены эффективность правовых актов и все расширяющаяся перспектива применения иных социальных норм. Если нормы гражданского права призваны регулировать, в основном, процесс продвижения и оформления реальных научно-технических идей, патентование, договоры на проведение научно-технических исследований, опытно-конструкторских, технологических и проектных работ и т. п., то нормы трудового права регулируют непосредственно те отношения, которые возникают во всех указанных выше звеньях в процессе трудовой деятельности. Социалистическая организация труда представляет производственную ассоциацию добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику рабочих [см.: 4, с. 82].

Научно-технический прогресс и процесс правотворчества и правоприменения находятся в диалектическом взаимодействии. Динамизм научно-технического прогресса непосредственно отражается на динамизме нашего права. Научно-технический прогресс влияет на производство и производительные силы в первую очередь, а через них — на производственные отношения, т. е. на базис, определяющий правовую надстройку. Так, требования технического прогресса обусловили необходимость издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 сентября 1968 г., удлинившего срок испытания при приеме на работу работников научно-исследовательских, проектных, проектно-конструкторских, технологических организаций и научно-исследовательских подразделений высших учебных заведений [см.: 12, ст. 366].

Влияние технического прогресса сказалось также на локальном регулировании [см.: 17, с. 15—18]. Ко всем коллективным договорам прилагаются планы организационно-технических мероприятий на год. Не только нормативная, но и обязательственная часть договора имеет такое же направление. Первый раздел коллективных договоров последних лет называется «Выполнение производственного плана и социалистических обязательств, осуществление научно-технического прогресса».

Трудно назвать какой-либо институт советского трудового права, который не оказывал бы активного воздействия на отношения, возникающие в связи с техническим прогрессом. Есть основание утверждать, что все нормы советского трудового права, поскольку они регулируют отношения в процессе труда и оказывают влияние на поведение участников этого процесса, активно способствуют продвижению технического прогресса во все сферы производства. Единообразное, строгое и неуклонное применение этих норм является действенным фактором внедрения достижений науки и техники в практическую деятельность.

По утверждению социологов, научно-техническая революция порождает такое явление, как неустойчивость профессионального статуса личности [см.: 7, с. 232]. Американские исследователи считают, что нынешнему молодому рабочему придется за время своей трудовой деятельности пять—шесть раз менять специальность [см.: 7, с. 233]. В условиях анархии производства, свойственной капитализму, эта смена предоставлена игре стихийных сил и порождает социальные бедствия, в частности, безработицу. В условиях же социализма этот процесс происходит планово путем координации целого ряда мероприятий, обеспечивающих подготовку и переподготовку необходимой рабочей силы, а также распределения и перераспределения ее между предприятиями, отраслями народного хозяйства. Примером служит Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 мая 1957 г. о трудовом устройстве работников, высвобожденных из управленческого аппарата в связи с дальнейшим совершенствованием организации управления промышленностью и строительством.

Увязка плана внедрения новой техники с планом по труду на каждом предприятии и в отрасли в целом дает возможность заблаговременно и безболезненно осуществить необходимые мероприятия по перераспределению кадров. Однако это не снимает необходимости издания специального нормативного акта для детального урегулирования всего комплекса отношений, возникающих при высвобождении работников в связи с техническим прогрессом (перераспределение кадров, переподготовка, трудоустройство, гарантии и пр.). Издание такого акта сыграло бы положительную роль в решении возникающих практических вопросов [см.: 33, с. 57]. На важность вопроса о трудовых ресурсах, в частности, на правильное их использование обратил внимание Л. И. Брежнев в своей речи на октябрьском (1976 г.) Пленуме ЦК КПСС (см.: «Правда», 1976, 26 окт.). Научно-техническая революция предъявляет новые и повышенные требования к личному фактору производительных сил. При этом подтверждается указание К. Маркса о том, что положительные результаты деятельности возможны только при ограничении ее сферы [см.: 1, с. 378] и что вне специализации труда у рабочего создается безразличное отношение к его содержанию [см.: 2, с. 215]. В условиях развитого социализма указанные выше требования обеспечиваются комплексом мероприятий, направленных на повышение технического и общеобразовательного уровня трудящихся. Нормы права (административного, трудового) регулируют разнообразные отношения, возникающие в этой связи. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде¹ содержат специальные главы, посвященные льготам для рабочих и служащих, совмещающих работу с обучением. Эффективность этих норм следует оценивать с точки зрения ближайшей и конечной целей, достигаемых их применением. Во-первых, строгое соблюдение требований закона, а именно предоставление указанным лицам

¹ В дальнейшем Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде будем называть Основы.

целого ряда льгот (целевой отпуск, сокращение рабочего времени и т. п.) реально способствует получению соответствующего образования. Во-вторых, как это подтверждается многочисленными социологическими исследованиями, между уровнем образования и степенью производительности труда существует прямая, непосредственная связь [см.: 36, с. 138].

Достижение более высокого уровня в образовании, а следовательно, и в специальности, и квалификации ставит вопрос о продвижении работника на более высокую ступень в процессе общественного производства. В Основах (ст. 83) и в КЗоТх союзных республик (ст. 188 КЗоТ РСФСР, ст. 203 КЗоТ УССР) предусмотрено, что при повышении квалификационных разрядов или при продвижении по работе должны учитываться успешное прохождение рабочими и служащими производственного обучения, общеобразовательной и профессиональной подготовки, а также получение высшего и среднего специального образования. Таким образом, закон устанавливает для администрации обязанность, которой корреспондирует определенное право работников, получивших соответствующее образование. Это право, характеризуемое нами как субъективное, основано не только на законе, но часто и на локальной норме. Как всякое субъективное право, оно должно обладать таким свойством, как возможность притязания [см.: 36, с. 558]. Можно было бы ограничиться замечанием, что это притязание возможно в общем порядке защиты трудовых прав. Однако следует учесть, что исковой способ защиты субъективных прав не является универсальным и всеобъемлющим: право на жалобу в вышестоящие органы, в органы народного контроля, право обращения в общественные организации, в частности в профсоюзные органы, с просьбой воздействовать на нарушителей субъективных прав, а также другие способы, широко применяемые на практике, оказываются довольно эффективными в защите права на продвижение.

Существенные льготы и гарантии установлены для новаторов производства в трудовой сфере действующим Положением об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденным 21 августа 1973 г. [см.: 26, ст. 127—142]. К сожалению, оно не воспроизводит нормы из старого Положения (1959 г.), согласно которому авторам открытий и изобретателям при прочих равных условиях предоставлялось преимущественное право занимать должности научных работников в соответствующих научно-исследовательских учреждениях и на опытных предприятиях. Действие этой нормы следовало бы в законодательном порядке восстановить. Нормы, призванные стимулировать творческую деятельность, мы обнаруживаем и в других источниках. Так, ст. 42 КЗоТ УССР предусматривает преимущественное право изобретателей и рационализаторов на оставление их на работе при сокращении численности или штата работников. Однако аналогичной нормы нет ни в КЗоТе РСФСР, ни в КЗоТх других союзных республик. Рецепция этой нормы другими союзными республиками нам представляется вполне целесообразной. Действие такой стимулирующей

щей нормы не следовало бы ограничивать лишь территорией Украинской ССР. Для этого нет ни принципиальных, ни практических соображений.

Вопрос о преимуществах и льготах для новаторов производства должен найти более широкое отражение и детальную регламентацию в локальном регулировании трудовых отношений.

Огромное значение в свете задач, вытекающих из научно-технического прогресса, в частности, задачи повышения эффективности труда специалистов и их наиболее рационального использования, имеет периодически проводимая аттестация определенных категорий работников. Отношения, возникающие при аттестации, регулируются источниками, которые исходят от различных органов и имеют различную силу. Так, для аттестации работников научно-исследовательских, проектных, проектно-конструкторских, технологических организаций и научно-исследовательских подразделений вузов Положение утверждено Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике и Госстроем СССР 5 мая 1969 г. [см.: 10]. Для аттестации руководящих, инженерно-технических работников и других специалистов предприятий и организаций промышленности, строительства, сельского хозяйства, транспорта и связи Положение утверждено Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике и Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы 5 октября 1973 г., согласованное с Министерством Юстиции СССР и ВЦСПС [см.: 11]. Последствия аттестации в двух положениях решаются по-разному, хотя цель аттестации одна: наиболее рациональное использование специалистов, повышение эффективности их труда и ответственности за порученное дело. Трудно объяснить, почему по Положению 1969 г. в результате аттестации может быть принято одно из двух решений: соответствует занимаемой должности, не соответствует занимаемой должности; в другом же Положении (1973 г.) предусмотрено, что решение может быть принято тройкого рода: соответствует занимаемой должности, соответствует занимаемой должности при условии улучшения работы в дальнейшем с повторной аттестацией через год, не соответствует занимаемой должности. Существенные различия имеются и по другим вопросам, Указанными положениями не исчерпывается круг лиц, подлежащих аттестации. Так, Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 июня 1972 г. [см.: 25] предусмотрена аттестация учителей, Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июня 1972 г. [см.: 25] — инженерно-педагогических кадров, работающих в системе профессионально-технического образования, приказами Министерства здравоохранения регулируется аттестация медицинских работников и т. д. Все эти нормативные акты отличаются мозаичностью при решении одних и тех же весьма существенных вопросов.

Нельзя согласиться с предложением о распространении аттестации на рабочих [см.: 18, с. 202]. Работа по систематическому присвоению новых разрядов вполне достаточна для выявления

производственной активности каждого рабочего, а п. 2 ст. 40 КЗоТ УССР является правовым основанием для увольнения рабочего вследствие его несоответствия выполняемой работе ввиду недостаточной квалификации.

Важное значение имеет испытание работника при заключении с ним трудового договора. Ст. 11 Основ устанавливает правило, по которому при заключении трудового договора соглашением сторон производится испытание с целью проверки соответствия рабочего или служащего поручаемой работе. Кодексы законов о труде союзных республик воспроизводят эту норму и детализируют ее в ряде статей (21—23 КЗоТ РСФСР, 26—28 КЗоТ УССР), в частности, устанавливают предельные сроки испытания, а также категории работников, которые не могут подвергаться испытанию и пр. Диспозиция ст. 11 Основ не совпадает с диспозицией ст. 38 КЗоТа 1922 г. Последняя не предусматривала необходимости соглашения сторон для испытания работника, а предоставляла решение вопроса целиком на усмотрение администрации. Однако, надо полагать, и сейчас, если администрация настаивает на испытании работника, а последний не дает согласия, он не будет принят на работу, так как стороны не пришли к соглашению. Следовательно, новая формулировка закона по существу ничего не изменила. Администрация вправе и обязана подбирать кадры по деловым признакам. Она обязана, как это предусмотрено в п. 12 Правил внутреннего распорядка, организовывать труд рабочих и служащих так, чтобы каждый работал по своей специальности и квалификации. Для выполнения этого требования администрация, если она считает необходимым, вправе подвергать работников предварительному испытанию так же, как это было и до принятия Основ.

Нельзя согласиться с тем, что ст. 21 КЗоТ РСФСР (ст. 26 КЗоТ УССР) не дает исчерпывающего перечня лиц, которым не устанавливается испытательный срок [см.: 15, с. 9]. Ссылка на определение Верховного Суда РСФСР по делу Зайцевой [см.: 9, ст. 2] также не подтверждает это, так как Верховный Суд исходил из того, что Зайцева, как беременная, не могла быть уволена в силу ст. 73 Основ, запрещающей вообще увольнение беременных женщин по инициативе администрации. Верховный Суд этим вовсе не превратил указанный выше перечень в примерный.

В юридической литературе распространено мнение о том, что предварительное испытание работника рассматривается как отменительное условие заключенного трудового договора [см.: 20, с. 242]. Этот взгляд проник и в учебную литературу [см.: 28, с. 114; 29, с. 105; 30, с. 246]. Высказана и прямо противоположная точка зрения, согласно которой предварительное испытание является отлагательным, а не отменительным условием [см.: 32, с. 9].

Известно, что ни Основы, ни КЗоТы союзных республик не предусматривают возможности заключения трудового договора под условием. Упоминание об условной сделке мы находим в гражданских кодексах союзных республик. Достаточно обратиться к ст. 61 ГК УССР и к соответствующим статьям ГК других союзных рес-

публик, чтобы убедиться в том, что предварительное испытание не является ни отменительным, ни отлагательным условием. Известно, что в сделке, обремененной условием, последнее не может зависеть ни от воли, ни от поведения сторон. Условие является постоянным, внешним по отношению к сторонам. Этого нельзя сказать о предварительном испытании, которое устанавливается по воле сторон и зависит от поведения работника. Условие, в отличие от срока, может наступить и не наступить [см.: 31, с. 175], а предварительное испытание будет обязательно. Другое дело, что результаты испытания могут быть различными. Следовательно, испытание имеет правовое значение лишь в том смысле, что в случае неудовлетворительного результата администрация может в упрощенном порядке расторгнуть трудовой договор (ст. 28 КЗоТ УССР). Увольненный, не выдержавший испытания, может обжаловать увольнение в народный суд. В связи с этим возникает вопрос, к чему сводится задача суда при рассмотрении такого рода дел? Мы полагаем, суд должен рассмотреть дело по существу и, не ограничиваясь представленными материалами, принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела (ст. 15 ГПК УССР). Суду надлежит установить, правильно ли оценила результаты испытания администрация и законно ли увольнение работника, т. е. не является ли оно результатом противоправных действий администрации. Суд пользуется всеми предоставленными ему процессуальными возможностями для ответа на указанный вопрос, в том числе и возможностью производства экспертизы, согласно ст. 57 ГПК УССР.

Правовые средства охраны жизни и здоровья работника в процессе труда составляет комплекс мероприятий, прежде всего предупреждающих вредное воздействие условий труда на организм работника. Прогресс техники и науки в социалистическом обществе непременно предполагает всемерную охрану жизни и здоровья работника. В этом направлении действует советское трудовое право, в том числе о рабочем времени, времени отдыха, о социальном страховании и т. д. Наряду с этими общими нормами действуют нормы специальные (ст. 57—73 Основ, ст. 153—173 КЗоТ УССР и соответствующие статьи КЗоТ других союзных республик), а также многочисленные подзаконные акты (инструкции, правила и т. п.). Нормы, устанавливающие ответственность за несоблюдение требований по охране труда, содержатся в Уголовном кодексе и в других актах.

Существенным для охраны труда и техники безопасности является всеобъемлющая сеть научно-исследовательских институтов и институтов охраны труда ВЦСПС, разрабатывающих новые, в соответствии с достигнутым уровнем науки, средства, обезвреживающие условия труда. Совет Министров СССР в постановлении от 22 января 1962 г. «О мерах по дальнейшему улучшению охраны труда на предприятиях и стройках» [см.: 20], обязал руководителей научно-исследовательских институтов, проектных

организаций и конструкторских бюро обеспечивать соблюдение всех требований охраны труда в разрабатываемых этими организациями технологических процессах, проектах предприятий и в конструируемом оборудовании; изыскивать более совершенные средства защиты работающих от воздействия вредных производственных факторов; предусматривать в необходимых случаях предохранительные устройства, блокировку и сигнальную аппаратуру автоматического действия; вносить обоснованные предложения о существующих изменениях в действующих нормах и правилах техники безопасности, производственной санитарии, технологического и строительного проектирования. Особое внимание постановление уделяет инструктажу рабочих. К сожалению, нарушение этого, казалось бы, несложного требования приводит к случаям травматизма. Так, 58% случаев травматизма на ХЭЛЗе явились результатом отсутствия инструктажа на заводе. До сих пор нет единого нормативного акта, который регулировал бы все вопросы, связанные с проведением инструктажа, установлением его видов и т. п. [см.: 32]. Издание такого акта — настоятельная необходимость. В связи с этим особое значение приобретает предварительный и последующий надзор за соблюдением всех требований по охране труда и технике безопасности. Действующее право знает разветвленную систему органов (государственных — межведомственных и ведомственных, профсоюзных), осуществляющих надзор за охраной труда и техникой безопасности. Так, Госгортехнадзор СССР [см.: 22, ст. 17] и его местные органы, являясь межведомственными органами, осуществляют надзор в угольной, горнорудной, горнохимической, нерудной, нефтедобывающей и газодобывающей, химической, металлургической, нефтегазоперерабатывающей промышленности, в геологоразведочных экспедициях и партиях, а также при устройстве и эксплуатации подземных сооружений, котельных установок и сосудов, работающих под давлением, трубопроводов для пара и горячей воды, объектов, связанных с добычей, транспортировкой и использованием газа, при ведении взрывных работ в промышленности, эксплуатации месторождения полезных ископаемых и охране недр.

Госэнергонадзор [см.: 21, ст. 135] осуществляет надзор за техническим состоянием электростанций, электро- и теплоустановок.

Оснащение сельского хозяйства разнообразной техникой потребовало образования технической инспекции в ведении Министерства сельского хозяйства СССР. Постановлением Совета Министров СССР от 13 февраля 1969 г. [см.: 23, ст. 34] предусмотрено образование инспекции Гостехнадзора, призванной осуществлять государственный надзор за техническим состоянием машинотракторного парка в колхозах, совхозах и других государственных сельскохозяйственных предприятиях.

Санитарный надзор осуществляет госсаннадзор за соблюдением всеми предприятиями гигиенических норм и санитарно-противоэпидемических и санитарно-гигиенических правил. Наряду с указанными инспекциями надзор осуществляют и технические инспекто-

ры профсоюзов. Техническая инспекция была передана профсоюзам в связи со слиянием НКТ с ВЦСПС [см.: 19, ст. 333]. Переход технической инспекции к профсоюзам не изменил природы и характера ее деятельности. Технические инспекции по-прежнему продолжают осуществлять государственный, а не общественный контроль. Последние осуществляют общественные инспекции профсоюзов, согласно утвержденному ВЦСПС Положению от 21 января 1944 г. [см.: 27, с. 720]. В ст. 1 Положения о техническом инспекторе, которое утверждено Постановлением Президиума ВЦСПС 26 августа 1966 г. [см.: 34, с. 232], прямо записано, что технический инспектор осуществляет **государственный** надзор. Следовательно, он действует от имени государства, а не от имени профсоюза. Отрицание властного, государственного характера надзора со стороны технического инспектора способно лишь умалить силу и значение этого надзора. Вряд ли обоснован взгляд, согласно которому этот надзор имеет общественно-государственный характер [см.: 13, с. 184]. Соображения о том, что технический инспектор в своей деятельности опирается на привлечение профсоюзного актива и что основным методом является убеждение — неосновательны, ибо вся правоохранительная деятельность государственных органов основана на привлечении широких масс трудящихся, а метод убеждения всегда и всюду является основным, принуждение же применяется в том случае, когда убеждение оказывается неэффективным.

Итак, государственный надзор осуществляют различные государственные и профсоюзные инспекции. Их функции в основном совпадают, например, право тех и других посещать в любое время поднадзорные предприятия, давать руководителям предприятий указания о приостановке работ и т. п. (п. 26 Положения о госгортехнадзоре СССР, ст. 2 Постановления о госсельтехнадзоре, п. 7 Положения о госэнергоназдоре, п. 13 Положения о техническом инспекторе профсоюзов). Имеются и различия в объеме прав, например, в применении штрафов за нарушение правил охраны труда и техники безопасности. Подчас функции различных инспекций дублируются. Нам представляется, что возросшие требования к надзору за соблюдением правил и норм по технике безопасности в связи с развитием технического прогресса требуют создания более стройной системы надзора, исключая параллелизм и дублирование органов надзора. Прогресс в технике облегчает труд, но не упрощает процесса производства. Надзор должен стать повсеместным и оперативным. Для этого необходима единая система, устраняющая ведомственные препятствия. Нужна единая система государственного технического надзора, осуществляемая государственными органами на основе единой технической линии. Это освободит профсоюзы от не свойственных им государственных функций и даст возможность сосредоточить их внимание на усилении общественных форм контроля (общественные инспекторы по охране труда, по труду молодежи, комиссии охраны труда ФЗМК и др.). Вместе с тем будут созданы необходимые организационные

и материальные предпосылки для деятельности правовой инспекции в соответствии со ст. 104 Основ.

Список литературы

1. Маркс К. Капитал. Т. I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. 908 с.
2. Маркс К. Капитал. Т. III. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. 546 с.
3. Ленин В. И. Об едином хозяйственном плане. — Полн. собр. соч. Т. 42, с. 339—347.
4. Ленин В. И. О государстве. — Полн. собр. соч. Т. 39, с. 64—84.
5. Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. — «Коммунист», 1976, № 4, с. 3—70.
6. Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., Госюриздат, 1948. 280 с.
7. Антонов Н. А. Карьера, заметки социолога. — «Дружба народов», 1974, № 6, с. 95—97.
8. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1958, № 6.
9. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1973, № 7.
10. «Бюллетень Гос. ком. Совета Министров по вопросам труда и заработной платы», 1969, № 7.
11. Там же, 1974, № 1.
12. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1968, № 40.
13. Голошапов С. А. Надзор и контроль за соблюдением законодательства по охране труда. — «Труды Всесоюз. юрид. заоч. ин-та», 1972, т. XXIV. с. 12—42.
14. Иванов С. А. Научно-технический прогресс и преимущества социализма. — В кн.: Трудовое право и научно-технический прогресс. М., «Наука», 1974, с. 5—32.
15. Иванов В., Кленов Е. Испытательный срок в трудовом договоре. — «Сов. юстиция», 1974, № 24, с. 14—18.
16. Кондратьев Р. И. Локальные нормы трудового права и материальное стимулирование. Львов, «Вища школа», 1973. 160 с.
17. Левиант Ф. М. О юридической природе локальных норм, регулирующих трудовые отношения. — «Правоведение», 1970, № 5, с. 26—33.
18. Орловский Ю. П. Правовое регулирование подготовки и повышения квалификации кадров. — В кн.: Трудовое право и научно-технический прогресс. М., «Наука», с. 162—214.
19. СЗ СССР, 1933, № 57.
20. СП СССР, 1962, № 2.
21. Там же, 1967, № 19.
22. Там же, 1968, № 4.
23. Там же, 1969, № 6.
24. Там же, 1972, № 11.
25. Там же, № 12.
26. Там же, 1973, № 19.
27. Сборник законодательных актов о труде. М., «Юрид. лит.», 1970. 936 с.
28. Советское трудовое право. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. 375 с.
29. Советское трудовое право. М., «Высшая школа», 1971. 395 с.
30. Советское трудовое право. М., «Юрид. лит.», 1972. 576 с.
31. Советское трудовое право. Т. I. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 360 с.
32. Семенов В. И. Охрана труда в СССР. Минск, 1970. 182 с.
33. Соيفер В. Г. Проблема регулирования трудовых отношений, связанных с научно-техническим прогрессом. — В сб.: Новая кодификация законодательства и развитие трудового права. Свердловск, 1974, с. 81—91.
34. Справочник профсоюзного работника. М., Профиздат, 1972. 275 с.
35. Теория государства и права. М., «Юрид. лит.», 1970. 448 с.
36. Шабанова А. И. Проблемы правового регулирования труда рабочих и служащих, обучающихся в вечерних и заочных учебных заведениях. — «Труды Всесоюз. юрид. заоч. ин-та», 1971, т. XIII, с. 84—98.

XXV СЪЕЗД КПСС И ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЙСТВИЯ НОРМ ТРУДОВОГО ПРАВА

Пути достижения цели общественного производства, определенные XXV съездом КПСС, ставят перед наукой трудового права новые теоретические задачи. Среди них — увеличение удельного веса исследований, содержащих новые знания, открытие ранее неизвестных закономерностей и тенденций правового регулирования, глубокое обобщение накопленного наукой теоретического и фактического материала [см.: 15]. Фундаментальность изучения требует предварительного социологического анализа, выявления перспективных идей и выработки общих концепций. Важно анализировать не только реальные формы и тенденции общественного развития, но предвидеть последствия тех или иных форм правового регулирования.

Одним из таких направлений в сфере регулирования трудовых отношений является проблема эффективности действия норм трудового права. Регулируя трудовые отношения рабочих и служащих, данные нормы в силу своего социального значения, несомненно, содействуют повышению эффективности общественного производства, росту производительности труда и подъему на этой основе материального и культурного уровня жизни трудящихся. Но решение конкретной задачи — достижение высшей производительности труда и повышение эффективности общественного производства [см.: 15] — во многом зависит от действенности норм трудового права. Они призваны содействовать ускоренному научно-техническому прогрессу, неуклонному росту культурно-технической подготовки трудящихся, повышению уровня организованности и дисциплинированности их труда. Право должно обеспечивать рабочим и служащим принятие оптимальных решений и их выполнение.

В новом законодательстве о труде, по сравнению с ранее действовавшим, повышается удельный вес норм, которые стимулируют правомерные действия, направленные на развитие творческих способностей людей. Нормы, соответствующие целям и задачам развития по пути достижения поставленной цели, характеризуют собой эффективность действия. Содействуя укреплению трудовой дисциплины и постепенному превращению труда на благо общества в первую жизненную потребность каждого трудоспособного человека, законодательство о труде вместе с тем устанавливает высокий уровень условий труда, всемерную охрану прав рабочих и служащих.

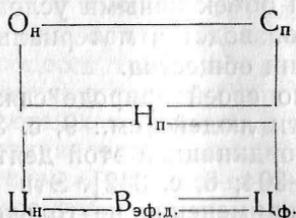
Эффективности законодательства В. И. Ленин придавал огромное значение. Он признавал необходимым отличать юридическую возможность от действительной фактической возможности [см.: 11, с. 298—299]. В этой формуле выражена суть отличия правила поведения, установленного в норме (модели), от фактического

поведения. Кроме того, В. И. Ленин неоднократно требовал установить проверку того, что действительно сделано для осуществления декретов и законов [см.: 10, с. 340; 13, с. 247—248]. Здесь, полагаем, В. И. Ленин обращал внимание на вопросы, связанные с условиями проведения в жизнь определенных, сформулированных в законах и декретах правил поведения.

Итак, модель правила поведения (правовая возможность) четко определена и сформулирована в нормах трудового права. Фактическое же поведение (правовая действительность) свидетельствует об их выполнении или несоблюдении. Превращение возможности в действительность зависит от условий, составляющих содержание правил поведения. На условия могут влиять объективные и субъективные факторы. Прежде чем проанализировать реальные формы проведения в жизнь правил поведения, объективные и субъективные факторы, сопровождающие их выполнение или соблюдение, и по-возможности предположить последствия правового регулирования (эффективность), необходимо в общих чертах выяснить, что предшествует принятию нормы.

По определению К. Маркса, законодатель «не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует» [1, с. 162]. Отсюда принятию правовой нормы предшествует субъективное познание объективной необходимости в существовании такой нормы. Исходя из этого определяется специальная цель правовой нормы. Если в норме права в достаточной степени верно отражены объективные потребности, то норма сама по себе должна быть эффективной, с одной стороны. С другой же, право «имеет свойство как закреплять уже сложившиеся отношения, так и толкать, вызывать, способствовать, по крайней мере, зарождению тех взаимоотношений, к которым законодатель сознательно стремится» [14, с. 80]. В норме права, таким образом, отражается уже познанное и четко представляемое правило поведения, и то, к чему «законодатель сознательно стремится». Оба эти момента и выражают социальную цель нормы права, которую оформляют в виде желаемой модели поведения. Период между сформулированной и четко выраженной в норме права социальной целью (или принятием нормы) и достижением цели (фактическим поведением) характеризуется временем действия нормы. Складывается ситуация, при которой речь должна идти не об эффективности самой нормы (по своей природе она должна быть эффективной), а об условиях, способствующих проведению в жизнь желаемой модели поведения. Поэтому, полагаем, основное внимание и должно быть сосредоточено на условиях. Только они могут сделать действие нормы права либо эффективным, либо неэффективным. При этом не имеются в виду нормы, которые с момента их принятия не соответствуют объективно сложившимся условиям процесса труда и не являют собой результат субъективного познания объективной необходимости. Такая участь ожидала, например (и это было очевидно), постановление Госкомтруда СССР и ВЦСПС от 9 ноября 1966 г., допускавшее перевод на другую работу независимо от специальности

и квалификации работника в качестве меры дисциплинарного взыскания. Сформулированная мысль представлена в схеме.

Здесь O_n — объективная необходимость;

C_n — субъективное познание объективной необходимости;

N_n — норма права как результат познания объективной необходимости;

C_n — цель, выраженная в норме;

$V_{эф.д.}$ — время эффективного действия нормы права;

C_f — фактически достигнутая цель.

В период действия нормы права, который предшествует фактическому поведению, подлежат учету факторы, определяющие наиболее эффективные способы воздействия на поведение рабочих и служащих для достижения поставленной цели. В это время имеет значение все то, что влияет на мотив поведения и определяет так называемую мотивацию поведения. Мотивация поведения есть не что иное, как уровень заинтересованности рабочего или служащего в соблюдении нормы права, в достижении соответствия фактического поведения социальной цели. Чаще эти факторы закреплены в других нормах, которые определяют условия и средства достижения цели. Они-то и влияют на эффективность действия правовой нормы и превращают фактическое поведение в модель, закрепленную в норме права [см.: 16, с. 190—191; 17, с. 18—21, 32—35].

Применительно к исследуемому вопросу механизм действия норм законодательства о труде, направленных на осуществление высшей цели общественного производства при социализме, выполняет двуединую задачу. С одной стороны, устанавливая права и обязанности в процессе труда, определяет желаемую модель поведения рабочих и служащих, соответствующую интересам развитого социализма; с другой — закрепляет условия, средства и гарантии их осуществления, а также включает нормы, устанавливающие права профессиональных союзов в регулировании трудовых отношений.

Разграничение норм трудового права по их направленности (установление прав и обязанностей и закрепление гарантий их осуществления) способствует правильному их применению и выбору средств для достижения поставленной в них цели. На способ выбора средств влияет тот факт, что необходимость труда диктуется жизненными условиями и не зависит от воли людей [см.: 3, с. 26—27]. Применение же индивидуального труда и его организация — явления осознанные, а поэтому сопровождаются волевыми действиями его участников. Право призвано выполнять роль регулятора отношений, возникающих по поводу применения и ор-

ганизации труда в условиях государства. Отсюда право по сути служит связующим звеном между волевыми поступками людей (способность к труду) и объективными условиями (необходимость труда), требующими производства материальных благ для обеспечения продолжения жизни общества.

Применение труда по своей природе связано с организацией как формой деятельности людей [см.: 9, с. 377—378], объединенных единой целью, и координацией этой деятельности внутри коллектива [см.: 4, с. 303—304; 6, с. 342]. Эти взаимообуславливающие моменты требуют применения не только наиболее оптимальных средств правового регулирования, но и разграничения понятий «эффективность правовых норм» и «эффективность действия норм трудового права».

Под эффективностью правовых норм в науке понимается соотношение между достигнутым результатом и социальной целью нормы, положенной в основу правового предписания [см.: 22, с. 19—20, 24, 26; 29, с. 43, 45]. Эффективность действия норм трудового права выражается в совпадении намеченных (выбранных) и примененных средств и способов достижения поставленной цели в период действия нормы и фактически достигнутых результатов. Эффективность правовой нормы и эффективность ее действия — взаимообуславливающие явления, но не совпадающие по времени. Первое характеризует соотношение конечного результата и социальной цели, т. е. итог реализации нормы права; второе относится к условиям достижения конечного результата и представляет собой действие, которое обуславливает выбор средств достижения поставленной в норме права цели.

В научной литературе нередко обращают особое внимание на социальную эффективность норм права, развивая ту мысль, что эффективность и есть соответствие норм целям правового регулирования или результатам [см.: 17, с. 18, 20, 78; 23, с. 41; 26, с. 30]. Думается, вопрос об эффективности правового регулирования должен охватывать не только конечный результат, но и те факторы, которые раскрывают пути достижения результата: как, каким образом, с какими затратами. Немаловажную роль здесь играет и экономическая целесообразность условий достижения поставленной задачи. Например, на комбинате «Ташкентвино» установлен собственный распорядок дня для рабочих основных цехов, при котором перерыв сокращен на четверть часа и введен лишний час работы после смены. На Харьковской фабрике «Красная нить» в сентябре и октябре 1975 г. план удалось выполнить в основном за счет изменения режима рабочего времени: каждый работник работал дополнительно по пятнадцать часов сверхурочно. Конечно, такой распорядок дня нормами права не закреплен. На первый взгляд, предприятия извлекли из этого пользу: план выполнен, а рабочие получили более высокую заработную плату и премию. Но какой ценой достигнут результат? В каких условиях действовала правовая норма? Социальная цель норм об ограничении рабочего дня известна — обеспечить рабочим и служащим гаранти-

рованное социалистическим государством право на отдых [см.: 8, с. 299]. На достижение этой цели направлены и нормы, регулирующие условия, порядок и пределы привлечения к сверхурочной работе. Сами по себе эти нормы эффективны, социальная цель всеми участниками процесса труда осознана и никаких сомнений не возникает. Но условия, в которых они применяются, не отвечают заложенным в нормах требованиям. Они рассчитаны, отмечается в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», на надлежащую организацию труда, на неуклонный рост культурно-технической подготовки трудящихся, повышение уровня организованности и дисциплинированности их труда [см.: 15].

На уровень организованности и дисциплинированности влияют многие факторы, включая и штурмовщину в конце каждого месяца, квартала, года. На упомянутой фабрике «Красная нить» только в июле 1975 г. потери рабочего времени составили 23,8% к общему числу отработанных человеко-дней. Совершенно очевидно, что в последующем тезис «план любой ценой» приведет фабрику к неритмичности и необходимости применения сверхурочных работ. Несомненно, правильный в своей основе тезис «эффективно все то, что в наибольшей мере способствует скорейшему достижению поставленных перед экономикой задач» [30, с. 84], нуждается в уточнении, обусловленном гарантиями прав и обязанностей рабочих и служащих.

Одним из первых этапов в определении эффективности правовой нормы должно быть установление цели, на достижение которой норма направлена. Но выявить цель — еще не значит определить эффективность действия той или иной нормы, которая зависит от соотношения прав и обязанностей участников отношения и реальных гарантий их осуществления [см.: 29, с. 27, 29—30]. Выявить эффективность действия норм права — это значит выбрать оптимальные средства достижения поставленной в ней задачи, создать условия для наиболее рационального соблюдения установленного ею правила поведения [см.: 21, с. 23; 17, с. 32]. Выбор средств и условий достижения поставленной цели во многом определяется соотношением прав и обязанностей участников трудового правоотношения. Предоставление сторонам трудового правоотношения возможности выбора варианта решения в определенных пределах есть эффективное средство действия правовой нормы. Здесь открывается широкое поле для локального регулирования.

Реальное поведение нередко отличается от модели, содержащейся в норме. Такое различие объясняется не только субъективными особенностями участников отношения, но и сложившейся производственной ситуацией на момент реализации нормы. Мотивация поведения в период действия нормы, т. е. уровень заинтересованности в соблюдении правил поведения, во многом зависит от двух факторов: а) *стимулирования надлежащего поведения* и б) *угрозы применения санкции*.

Интересы людей выражают их потребности. Материальная заинтересованность — это лишь первоначальный внутренний импульс к труду. Задача состоит в том, чтобы посредством норм права, в которых воплощена объективная необходимость, этот первоначальный внутренний импульс, во-первых, развить в процессе труда путем стимулирования творческой активности и сознательной волевой деятельности работника по соблюдению правил поведения и, во-вторых, правильно увязать его с коллективными и общественными интересами. В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» указывается на необходимость «усилить стимулирующую роль оплаты по труду, зависимость доходов каждого работника от его личного трудового вклада и вклада коллектива в развитие общественного производства, повышение его эффективности» [15]. Вот почему оплата труда должна зависеть не только от выполненной нормы рабочего времени, установленной в законодательстве о труде, но и от результатов затраченного труда (объективный критерий), от личных качеств работника, его отношения к труду, инициативы в труде, строгого соблюдения правил поведения и т. д. (субъективный критерий). Учет этих моментов осуществляется через условия и показатели премирования, а их оценка — через повременное-премиальные и сдельно-премиальные системы оплаты труда, которые призваны развить материальную заинтересованность рабочих и служащих в выполнении и перевыполнении производственных планов, повышении эффективности и рентабельности производства, в росте производительности труда, в улучшении качества продукции и экономии ресурсов и т. д. Выбор показателей и условий премирования применительно к особенностям и специфике производства и процессу труда есть пример определения средств достижения поставленной цели. Соответствие показателей и условий премирования поставленной в норме права социальной цели развивает первоначальный внутренний импульс и приводит к желаемым результатам. И если именно эти показатели и условия развивают заинтересованность в труде, то действие нормы является эффективным. В связи с этим представляют интерес результаты социологического исследования, проведенного кафедрой трудового права на Харьковском заводе дорожных машин. Среди вопросов, на которые предполагалось получить ответ, был вопрос об эффективности норм, устанавливающих вознаграждения по итогам годовой работы в следующих направлениях: а) развитие материальной заинтересованности в результатах ежедневного труда и б) предотвращение текучести кадров.

Социальная цель четко выражена в норме: усиление материальной заинтересованности работников в повышении эффективности производства, улучшение качества, рост объема реализации продукции и т. д. В заводском Положении о выплате вознаграждения по итогам годовой работы размер его определяется с учетом продолжительности непрерывного стажа работы на заводе и в процентном отношении к среднемесячному заработку. Среднемесяч-

ный заработок — пока это универсальный критерий, который характеризует собой результаты работы каждого работника.

Результаты исследования были несколько неожиданными. По первому направлению обций вывод: *увеличить размер ежемесячного премиального вознаграждения* из фонда материального поощрения и оставить значительно *меньшую часть* этого фонда на вознаграждения по *итогам годовой работы*. Иными словами, большинство рабочих хотят ощущать действие этой нормы на развитие заинтересованности в результатах ежедневного труда, отдалённая перспектива не сразу понимается. По второму направлению, как ни странно, ни один уволившийся работник не указал на ежегодное вознаграждение по итогам годовой работы как на сдерживающий фактор.

Эффективность действия норм трудового права, регулирующих дисциплину труда, зависит от различного рода объективных факторов, в том числе организационно-технических. Именно последние существенно влияют на состояние дисциплины труда, а потому пренебрежительное к ним отношение нередко сводит эффективность действия норм права до минимума. Данные наших исследований свидетельствуют о том, что сверхурочные работы, штурмовщина в последнюю декаду месяца неизменно влекут за собой заметное увеличение числа нарушений, связанных с потерей рабочего времени в первую декаду следующего месяца. Безавансовая выплата заработной платы в этом смысле является одним из стимулирующих способов равномерного распределения работы в течение всего месяца, хотя Р. О. Халфина считает, что стимулирование не всегда оказывает положительное влияние на процессы общественной жизни. В качестве причины она указывает на ненадлежащее соотношение прав и обязанностей, в результате чего не создаются эффективные препятствия для антистимулов. Происходит это потому, по ее мнению, что некоторые нормы не снабжены эффективной санкцией и не определяют в достаточной мере мотивацию принимаемых решений [см.: 29, с. 46]. Как видим, приоритет отдают не стимулированию, а санкциям. Неточность такого вывода в области трудового права подтверждает только одна статья 140 КЗоТ УССР. Трудовая дисциплина на предприятиях, в учреждениях, организациях обеспечивается сознательным отношением к труду, методом убеждения, а также поощрением за добросовестный труд. И только по отношению к отдельным недобросовестным работникам применяют в необходимых случаях меры дисциплинарного или общественного воздействия.

Эти нормы, ограничивающие применение сверхурочной работы, снабжены санкцией: должностные лица, виновные в нарушении законодательства о труде, несут дисциплинарную, административную и уголовную ответственность. Но это не мешает некоторым руководителям предприятий применять сверхурочные работы в случаях, когда по законодательству они не допустимы [см.: 24; 25]. Поэтому задача состоит в том, чтобы изменить систему материального стимулирования за выполнение плана, а не снабжать

норму какими-то дополнительными санкциями. Видимо, следует учесть опыт социалистических стран, где материальное поощрение за выполнение плана применяют только в том случае, если выпуск продукции был налажен равномерно. Соответственно выполнению плана по декадам месяца следует и премировать из фонда материального поощрения, предварительно обусловив это в Положении о премировании и выплате вознаграждения из фонда материального поощрения.

Конечно, режим рабочего времени есть одно из средств повышения экономической эффективности производства, но не эффективности действия самой нормы. Здесь на помощь приходят элементы, посредством которых государство приводит в движение нормы, определяющие цель, — это интерес, личный материальный интерес.

Рассматривая вопросы соблюдения права, Имре Сабо утверждает, что эффективность права выступает как критерий его юридической действительности [см.: 20, с. 148]. Анализируя позицию Кельзена о действительности (валидарность) нормы и ее действительности (эффективность), Имре Сабо эффективность права свел к вопросу «употребления или неупотребления» нормы права. Думается, это неправильно. Речь должна идти об эффективности самого применения.

Жизнедеятельность людей в процессе труда, проявляемая в разнообразных связях и отношениях, является способом существования трудовых и тесно с ними связанных отношений. Поэтому объективные факторы — условия и средства достижения поставленной в нормах права цели, детерминирующие деятельность людей в процессе труда — проходят через их сознание и выступают в виде желаний, интересов, стремлений, потребностей. Они являются непосредственными побудительными мотивами тех или иных действий, т. е. субъективными формами объективной необходимости. «...Не избежать того обстоятельства, — писал Ф. Энгельс, — что все, что побуждает человека к деятельности, должно проходить через его голову...» [5, с. 290].

Источник эффективности действия правовой нормы — это те факторы, которые побуждают, стимулируют и обуславливают определенную деятельность людей и обстоятельства, делающие ее успешной. «История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [см. 2, с. 102]. Потребности и интересы, выступающие побудительными мотивами деятельности людей, должны лежать в основе выбора средств и условий достижения цели, поставленной в норме трудового права. В этой связи задача состоит в том, чтобы сделать эффективным действие норм, стимулирующих творческую деятельность рабочих и служащих, ибо в самой норме, если она правильно отражает объективную необходимость развития общества, заложена правовая возможность выбора наиболее эффективных способов и средств поставленной цели. Все искусство управления и политики состоит в том, — писал В. И. Ленин, — чтобы своевременно учесть и знать, где сосре-

доточить свои главные силы и внимание [см.: 12, с. 85]. В этом кроется ответ на вопрос, как сделать правовую норму эффективной.

Хорошо известен опыт Шекинских химиков, сущность которого заключается в обеспечении роста производительности труда путем высвобождения персонала и производства работы меньшим количеством работников по сравнению с установленными нормативами. Стимулирующую роль играет экономия фонда заработной платы, расходуемая в определенных пределах на доплаты и премирование [см.: 28, с. 224]. Эксперимент шекинцев есть доказательство умелого уяснения смысла норм трудового права и правильного их применения. Продолжением этого опыта следует считать эксперимент с единым нарядом, учитывающим специфику предприятия. Единый наряд — это одно из средств стимулирования надлежащего выполнения правил поведения в процессе труда. Выяснение и анализ обратной связи позволит использовать форму единого наряда как способ развития общих интересов. Известно, что фонд заработной платы возрастает с увеличением производственного задания. Отсюда — заинтересованность предприятий в напряженных планах. Такое положение приводит к экономии средств, которые идут на материальное поощрение за высокие трудовые показатели, качество продукции т. п.

Напряженный план надо выполнять без увеличения численности персонала. «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» предусматривают необходимость «обеспечить на действующих предприятиях весь прирост продукции или работ, как правило, при той же или меньшей численности работников» [15]. Поэтому широко следует практиковать совмещение профессий с учетом новой формы организации труда — бригадного наряда. Именно он позволяет сменные и месячные задания планировать на всю бригаду, а не каждому в отдельности. Конечно, здесь велика роль бригадира, который при распределении работы должен учитывать возможности каждого члена бригады (его квалификацию, навыки, склонности и т. п.). Здесь же, думается, заложены истоки коллективной ответственности за результаты труда; ответственности не материальной, а моральной, воспитывающей чувство товарищества и взаимного уважения. Коллективная материальная ответственность, применяемая на отдельных предприятиях Свердловской области, в основе своей противозаконна. Для нее характерно не воспитание чувства ответственности путем стимулирования и сознательного отношения к труду, «привлечения к ответственности всякого злостного нарушителя» [см.: 11, с. 144—145], а угроза лишения премиального вознаграждения всех членов бригады. Этот принцип совершенно не присущ социалистическому способу производства.

С бригадным нарядом связаны и такие вопросы, как повышение квалификации, рациональное и полное использование рабочего времени, соблюдение трудовой дисциплины, ибо выполнение его будет быстрее и качественнее тогда, когда каждый выполнит свое

задание в соответствии с этими требованиями. Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» вытекает необходимость специального исследования вопросов, связанных с оплатой труда, укреплением трудовой дисциплины и снижением текучести кадров [см.: 15]. Бригадный наряд и рациональное использование рабочего времени позволяют ввести безавансовую выплату заработной платы. Это способствует привлечению самих рабочих к поиску резервов производства и, главное, к ритмичной работе в течение всего месяца. Заработная плата в одинаковой степени действует в течение всего месяца — в соответствии с количеством и качеством. Безавансовая выплата заработной платы повлекла значительное улучшение нормирования труда. Известно, что важную роль в экономии рабочего времени играет улучшение технического нормирования. По инициативе рабочих предприятий Владимирской и Ростовской областей начался пересмотр действующих норм труда и замена их более прогрессивными [см.: 27; 18, с. 3—14] на основе дальнейшего улучшения организации труда, более экономного использования рабочего времени, повышения квалификации и профессионального мастерства работающих. Почин рабочих еще раз подтверждает мысль о том, что правовые нормы, регулирующие порядок изменения норм выработки, времени обслуживания и численности персонала, сами по себе эффективны. Но эффективность зависит от условий и выбора средств достижения поставленной в них социальной цели. Для исключения же случаев необоснованного сокращения численности персонала против штатных расписаний следовало бы разработать и утвердить в установленном порядке оптимальные и в то же время прогрессивные нормативы численности. Такие нормативы способствовали бы достижению желаемого соответствия норм труда мере вознаграждения с последующим сокращением численности персонала, экономически обоснованным совмещением профессий и соответствующими за это доплатами.

Фактором, обуславливающим эффективность совмещения профессий, является круг (объем) обязанностей по должности или профессии, указанный в Едином тарифно-квалификационном справочнике работ и профессий рабочих народного хозяйства СССР и Квалификационном справочнике служащих или нормативах обслуживания. В расширении круга обязанностей заложены истоки эффективности действия норм и соответствующих доплат за совмещение профессий, которые выступают как форма существования эффективности труда. Доплата за совмещение профессий как способ расширения объема обязанностей — это не премия, выплачиваемая за выполнение своих обязанностей. При совмещении профессий повышается эффективность труда по сравнению с общенормативной, а потому производится доплата. Вот почему и эффективность применяемых систем оплаты труда зависит от соответствия тарификации работ и рабочих, правильности применения перечня профессий рабочих и работ, оплачиваемых по повышенным ставкам, качества действующих норм и их своевременного

пересмотра, обязательного стимулирования совмещения профессий, многостаночного обслуживания, увеличения зон обслуживания и т. п. Кроме того, системы оплаты труда должны своевременно реагировать на конкретные показатели труда. Речь идет об усилении стимулирующей роли оплаты труда в росте производительности труда, повышении качества продукции, росте квалификации работников и их трудовых достижений, выполнении и перевыполнении техничеки обоснованных норм выработки [см. 15].

Уже сейчас намечаются перспективы изменения труда. Он приобретает все более свободный творческий характер, что находит выражение в социалистическом соревновании, технической учебе и повышении квалификации, достижении рационализаторов и изобретателей. Потребность в труде получает широкие возможности для развития, труд превращается в первую жизненную необходимость. В связи с этим важную роль приобретают нормы трудового права. Эффективность их действия зависит от правильного выбора средств для индивидуального и коллективного материального стимулирования развития производства, а также от условий, которые соответствуют таким принципам организации труда, как: социалистическое соревнование, развитие коммунистического отношения к труду, распространение передового опыта и т. п. На эффективность действия норм трудового права известное влияние оказывает научно-техническая революция «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» предусматривают развитие исследований по проблемам научно-технической революции и ее влияния на повышение эффективности и интенсификации общественного производства. Развитие прав рабочих и служащих в этих условиях представляет особый интерес. Здесь усматривается несколько направлений. Во-первых, достижения науки и техники создают условия для расширения прав в области сокращения рабочего времени, увеличения времени отдыха, улучшения охраны труда и, таким образом, высвобождения времени для свободного и полного развития человека, которое, в свою очередь, как величайшая производительная сила воздействует на производительную силу труда [см.: 7, с. 65]. Во-вторых, под воздействием науки и техники совершенствуется процесс и организация труда, что не может не сказаться на трудовых обязанностях, на трудовой функции (расширение зон обслуживания, совмещение профессий, повышение квалификации и т. д.). В-третьих, наблюдается усиление обратной связи, выражающейся в активном влиянии самих рабочих и служащих на развитие научно-технической революции в результате получения образования и возможности внесения творческого элемента в трудовую функцию [см.: 19, с. 315—316].

Несомненно, эффективность действия норм трудового права с большей силой проявляется тогда, когда соотношение прав и обязанностей участников правоотношения отвечает условиям и сложившейся ситуации. Одним из условий является участие ФЗМК профсоюза в установлении и последующем регулировании правил

поведения. Представляя интересы рабочих и служащих в области производства, труда, быта и культуры, профессиональные союзы, прежде всего, призваны мобилизовывать трудящихся на выполнение главной экономической задачи, участвуя в решении всех производственных вопросов, в том числе в организации социалистического соревнования, укреплении трудовой дисциплины, установлении условий труда, заработной платы и т. п. В то же время одной из основных задач профсоюзов является защита интересов трудящихся [см.: 15]. Формы реализации предоставленных профессиональными союзами прав могут быть самыми разнообразными. Но все они направлены на усиление юридических гарантий и способствуют выбору целесообразных средств эффективности действия норм трудового права.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Проект закона о разводе. — Соч. Т. 1, с. 161—164.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство или критика критической критики. — Соч. Т. 2, с. 3—230.
3. Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8, с. 3—113.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». — Соч. Т. 19, с. 304—305.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Соч. Т. 21, с. 269—317.
6. Маркс К. Процесс производства капитала. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23, с. 43—784.
7. Маркс К. Из неопубликованных рукописей. — «Большевик», 1939, № 11/12.
8. Ленин В. И. Новый фабричный закон. — Полн. собр. соч. Т. 2, с. 263—314.
9. Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад. — Полн. собр. соч. Т. 8, с. 185—414.
10. Ленин В. И. Противоречивость позиций. — Полн. собр. соч. Т. 32, с. 338—340.
11. Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. — Полн. собр. соч. Т. 36, с. 283—314.
12. Ленин В. И. Речь на совещании председателей губернских и уездных исполкомов 1 февраля 1920 г. — Полн. собр. соч. Т. 40, с. 85—86.
13. Ленин В. И. Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. — Полн. собр. соч. Т. 45, с. 245—251.
14. Калинин М. Статьи и речи 1919—1935 гг. М., Политиздат, 1965.
15. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 111 с.
16. Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., Госюриздат, 1961.
17. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., «Юрид. лит.», 1966. 187 с.
18. Бюллетень Госкомтруда СССР, 1975, № 4.
19. Государственно-монополистический капитализм. Т. 1. М., «Прогресс», 1973.
20. Имре Сабо. Основы теории права. Пер. с венгерского. М., «Прогресс», 1974. 268 с.
21. Лебедев М. И. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения. — «Сов. государство и право», 1963, № 1.
22. Никитинский В. И. Эффективность норм трудового права. М., «Юрид. лит.», 1971. 247 с.
23. Пашков А. Я., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования). — «Сов. государство и право», 1970, № 3.

24. «Правда», 1975, 5 авг.
25. «Правда», 1975, 1 ноября.
26. Смирнов О. В. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии. М., «Юрид. лит», 1968. 183 с.
27. «Труд», 1975, 9 дек.
28. Трудовое право и научно-технический прогресс. М., «Наука», 1974. 563 с.
29. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношениях. М., «Юрид. лит», 1974. 351 с.
30. Хачатуров Т. О критериях и показателях эффективности общественного производства. — «Коммунист», 1975, № 7.

И. Е. Красько, канд. юрид. наук,
В. Н. Гайворонский, канд. юрид. наук

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И НОВЫЕ ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ Организации промышленного производства

В условиях социализма цель промышленного производства, как и производства вообще — наиболее полное удовлетворение потребностей трудящихся. Это достигается путем его совершенствования при широкой реализации достижений научно-технического прогресса. Взаимозависимость производства и научно-технического прогресса заключается в том, что, с одной стороны, наиболее высокие темпы роста могут быть достигнуты только при всемерной реализации научно-технических достижений, а с другой — только при постоянном совершенствовании организации и управления производством возможно наиболее эффективное использование достижений научно-технического прогресса.

«Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» предполагают «усилить комплексное воздействие плана, экономических рычагов и стимулов, всей системы управления на ускорение научно-технического прогресса, улучшение качества продукции, повышение эффективности общественного производства, достижение конечных народнохозяйственных результатов» (Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 171).

Система управления народным хозяйством развивается и изменяется под влиянием таких объективных факторов, как общественное разделение труда, усложнение отраслевой структуры производства, внутриотраслевых и межотраслевых связей, а также связей между наукой, техникой и производством. Укрепление связей между наукой, техникой и производством — важнейшее условие создания материально-технической базы коммунизма, ибо интенсификация общественного производства, одна из кардинальных задач его дальнейшего развития, возможна, как уже отмечено, лишь на основе органического взаимодействия единой развивающейся системы — «наука — техника — производство». Вот почему совершенствование управления экономикой требует создания таких организационно-правовых форм, которые позволили бы связать науку, технику и производство в единые комплексы, способные сократить до минимума разрыв во времени

между началом проведения научных исследований, конструкторских и технологических разработок до их практической реализации.

Система существующих органов управления промышленностью далеко не всегда отвечает требованиям тесной связи науки, техники и производства. Она опосредствует скорее механическое, а не органическое слияние их, что осложняет практическую реализацию научных и технических идей. Это объясняется, прежде всего, тем, что задачи повышения эффективности научных исследований, внедрения их в производство решаются часто в отрыве от самого производства. Еще несколько лет назад такой путь был единственно правильным. Он отражал возрастающую специализацию науки и техники, позволяя укреплять опытно-производственную базу научно-исследовательских, конструкторских и проектных организаций, осуществлять специализацию и кооперирование производства. Эти процессы, происходили, начиная со второй половины 60-х годов, на основе единства хозяйственного и технического руководства. Связи науки, техники и производства осуществлялись путем сложной координации деятельности научно-исследовательских, проектных, конструкторских и других организаций, внедрения в их деятельность хозяйственного расчета. Это, в свою очередь, способствовало всемерному распространению договорной взаимосвязи науки, техники и производства. Договорная форма связи обеспечивала проникновение науки в сферу материального производства.

Научно-исследовательские, конструкторские, проектные и технологические работы превратились в одну из стадий производственного процесса — научно-техническую его подготовку. Ранее экономические интересы научных, конструкторских и т. п. организаций увязывались с интересами производственных звеньев путем регулирования взаимных прав и обязанностей. Но организационная разобщенность контрагентов далеко не всегда приводила к такой увязке их интересов, которая позволяла бы оптимально использовать научно-технические решения в процессе производства. Вместе с тем внедрение хозрасчета создало объективную возможность унифицировать правовое положение научно-исследовательских, конструкторских, проектно-технологических и других организаций путем распространения на них действия Положения о государственном социалистическом производственном предприятии¹, а также использовать при исчислении общественно-необходимых затрат творческого труда, методы исчисления затрат, применяемые в промышленности.

Это явилось предпосылкой для органического слияния науки, техники и производства в единых комплексах, что нашло отражение в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1973 г. «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью» [см.: 4, ст. 31].

¹ В дальнейшем будем называть Положением о предприятии.

Созданию новых производственно-хозяйственных комплексов предшествовал процесс формирования производственных звеньев, представлявших собой переход от системы автономных предприятий к более сложным организационным формам. Эти новые формы промышленного производства должны были воплотить в себе черты органа хозяйственного руководства и предприятия [см.: 3, с. 60]. Роль таких организационных форм сыграли фирмы, концентрировавшие преимущественно однородные предприятия, которые теряли в процессе объединения юридическую самостоятельность, но сохраняли текущий счет в Госбанке и отдельный баланс, что отличало их от цехов.

Создание фирм позволило:

1. Сократить количество мелких предприятий, не обладающих необходимыми техническим возможностями и в связи с этим малорентабельных.

2. Укрепить кооперированные связи между предприятиями одной отрасли народного хозяйства на базе их специализации.

3. Создать единые централизованные производства (службы), способные с меньшими затратами и штатами обеспечить производственно-хозяйственные потребности предприятий, объединенных по территориально-отраслевому принципу.

4. Сократить вспомогательные производства, которые начали расти непомерно большими темпами.

Однако такая модель концентрации производства не способствовала дальнейшему укреплению связи науки и производства: фирмы объединяли, как правило, однородные предприятия, в то время как современный уровень развития общественного производства требует для укрепления научно-технических возможностей низовых хозяйственных звеньев объединения в единых комплексах разных не только по своей отраслевой принадлежности, но и по содержанию деятельности предприятий и организаций (промышленных, научно-исследовательских, конструкторских, проектных и др.), не нарушая при этом их специализации.

В различные периоды существования Советского государства формы концентрации производства менялись с учетом потребности индустриализации народного хозяйства. В условиях научно-технического прогресса концентрация промышленного производства приобретает ряд особенностей, вызванных закономерностью его развития, а также развития науки. Превращаясь в непосредственную производительную силу общества, сосредоточив значительные материальные, трудовые и финансовые ресурсы, наука нуждается в установлении самых тесных связей с материальным производством, которое, в свою очередь, требует глубокой перестройки, технического переоснащения, внедрения полностью автоматизированного поточного производства на научной основе. Все это порождает необходимость создания крупных специализированных производственно-научных комплексов с централизацией основных планово-экономических и научно-технических функций, как новой

формы управления и наукой, и производством. Эту задачу призван обеспечить новый тип объединений — производственные объединения. Создание их преследует иные цели, чем организация фирм, с использованием многих полезных свойств, которыми обладали последние.

В отличие от автономных предприятий и фирм, производственные объединения могут самостоятельно внедрять крупные научно-технические разработки, а также использовать достижения новой техники. Это особенно сказывается на техническом перевооружении производства, представляющем исходный пункт и сущность технической революции. Уровень технического перевооружения и автоматизации автономных предприятий и фирм не соответствуют современным достижениям науки и техники. Экономическая эффективность затрат на научно-технические разработки у отдельных предприятий низкая. Вместе с тем, переведенные на хозрасчет научно-исследовательские организации и конструкторские бюро преследуют часто свои узковедомственные интересы. Это проявляется в стремлении к завышению сметной стоимости выполненных работ, в отклонениях фактических затрат от утвержденных сметных и т. д. Сказывается и отсутствие заинтересованности НИИ, КБ, ПКБ в быстрейшем внедрении выполненных ими работ. Самостоятельность этих организаций не позволяет полностью преодолеть отрицательные последствия таких нарушений. Планирование их деятельности, упорядочение договорных связей науки и производства лишь ограничивают, но не устраняют подобные недостатки. Вот почему при совершенствовании организации управления промышленностью возникла необходимость органического соединения в хозяйственных комплексах производства, НИИ, КБ, ПКБ и т. п. с установлением им показателей и нормативов, соответствующих показателям и нормативам предприятий.

Мероприятия по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью направлены на рациональное соотношение отраслей, ликвидацию главных производственных управлений министерств, унификацию систем управления промышленностью (создание двух- и трехзвенных систем), на расширение сферы централизованного управления экономикой.

Наряду с предприятиями, низовыми хозяйственными звеньями в промышленности должны стать производственные объединения и комбинаты. Они призваны выполнять весь комплекс работ, связанных с новой техникой — исследования, конструирование, изготовление и внедрение их результатов в производство. В состав производственных объединений (комбинатов) входят фабрики, заводы, НИИ, КБ, ПКБ и другие производственные и непромышленные единицы, теряющие права юридического лица и находящиеся на внутреннем хозяйственном расчете. Следовательно, постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1973 г. признает возможным существование и таких предприятий (заводов, фабрик), которые правами юридического лица не пользуются

и тем самым не приобретают возможности самостоятельного участия в отношениях, регулируемых гражданским правом. Их можно рассматривать в качестве предприятий, так как они опосредствуют собой соединение средств производства с рабочей силой и определенный способ такого соединения. Не обладая имущественной обособленностью в сфере товарного оборота, эти предприятия не лишены возможности (в определенных пределах) оперативного управления закрепленными за ними основными и оборотными фондами.

Производственное объединение (комбинат) — единый субъект права, юридическое лицо, которое не теряет качества объединения и не превращается в своеобразное сложное предприятие. Его не следует признавать и хозяйственной системой с такой имущественно-правовой и структурно-производственной обособленностью подразделений, при которой каждое подразделение — самостоятельный субъект права.

Производственные объединения (комбинаты) — особая разновидность хозяйственных органов, сочетающих в своей деятельности планово-регулирующие и оперативно-хозяйственные функции. Вместе с тем производственные объединения и комбинаты — понятия не тождественные. Для комбината характерно объединение разноотраслевых производственных единиц с законченным производственным циклом, связанных единым технологическим процессом. Это тип комбинирования, о котором В. И. Ленин писал, что он опосредствует «соединение в одном предприятии разных отраслей промышленности, представляющих собой либо последовательные ступени обработки сырья... либо играющих вспомогательную роль одна по отношению к другой...» [2, с. 312]. Управление комбинатом осуществляет особый орган, самостоятельное звено управления, организационно отделенное от производства.

Производственные единицы, входящие в состав производственного объединения, осуществляют самостоятельный производственный цикл, дают законченный продукт, который реализуется объединением как товар. При высокой степени специализации и кооперирования внутри объединения этот продукт может служить исходным для смежных подразделений. Однако единство технологического процесса в объединении не обязательно.

Управление производственным объединением, как и фирмой, осуществляет головное предприятие (завод, фабрика). Особого органа управления здесь нет. Но сочетание в едином органе планово-организационных и производственно-хозяйственных функций не приводит к слиянию их. Они осуществляются отдельно и требуют самостоятельного правового регулирования.

С точки зрения характера и объема полномочий, реализуемых во внешних хозяйственных связях, производственные объединения мало отличаются от предприятий. Это объясняется тем, что они, подобно предприятию, представляют собой основное (первичное)

звено промышленности [см.: 5, п. 1], единый производственно-хозяйственный комплекс, находящийся на самостоятельном балансе и являющийся юридическим лицом. И объединения, и комбинаты, и промышленные предприятия осуществляют производственно-хозяйственную деятельность, т. е. превращают результаты труда в товар, реализуемый на возмездных началах.

Наряду с этим, производственные объединения (комбинаты) не следует отождествлять с автономными предприятиями. Они отличаются рядом существенных особенностей, прежде всего, степенью экономической и технической интеграции структурных подразделений. Предприятие, независимо от его внутренней организации, всегда представляет собой простую структуру; производственное объединение (комбинат) — сложную. Входящие в состав объединения заводы (фабрики) имеют самостоятельную структуру, сохраняют известную правовую автономию, что дает им, например, возможность заключать в пределах своей компетенции с предприятиями, другими объединениями договоры от имени объединения (комбината) [см.: 5, п. 11]. Они также получают в свое распоряжение часть фондов материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, и, при необходимости, — часть фонда развития производства объединения (комбината). Производственные единицы могут выделяться на отдельный баланс [см.: 5, п. 40]. Следует полагать, что речь идет о балансе по видам деятельности (производственная, научно-исследовательская, конструкторская и др.) с учетом назначения закрепляемого непосредственно за производственными единицами имущества. Для подразделений промышленных предприятий такая возможность предусмотрена п. 80 Положения о предприятии, однако она используется крайне редко, главным образом, для обособления внутри предприятия отдельных вспомогательных производств и хозяйств (жилищно-коммунального, транспортного).

Отдельный баланс не создает у его обладателя (производственной единицы) прав юридического лица и не порождает самостоятельной ответственности по обязательствам, связанным с его деятельностью. Отдельный баланс — форма закрепления имущества за структурным подразделением объединения (комбината), а также форма его учета. Заключенные производственной единицей договоры [см.: 5, пп. 11, 29] порождают для объединения права и обязанности в тех случаях, когда эта производственная единица действует в пределах предоставленных ей полномочий. Вместе с тем следует полагать, что производственная единица может участвовать в арбитражном процессе от имени объединения при рассмотрении преддоговорных и имущественных споров, связанных с заключаемыми ею от имени объединения (комбината) договорами, только при наличии доверенности объединения (комбината), уполномочивающего ее на участие в спорах такого рода. Это объясняется тем, что согласно п. 11 Положения о производственном объединении (комбинате) производственная единица

может от имени объединения (без доверенности) лишь заключать договоры, не осуществляя иных юридически значимых действий, а участие ее в арбитражном процессе в качестве истца или ответчика — это совершение особых действий, требующих наличия самостоятельной процессуальной правосубъектности, которой они не обладают.

Правоспособность производственного объединения по сравнению с правоспособностью предприятий, несколько расширяется. Предприятия, осуществляя производственно-хозяйственную деятельность, реализуют в качестве товара изготовленную продукцию, выполненные работы, оказываемые услуги. Производственные объединения, кроме того, могут реализовать в качестве товара и результат деятельности своих научно-исследовательских, конструкторских, проектных и иных непромышленных подразделений, которые характеризуются особой вещной формой продукта — потребительной стоимостью обладает не его материальный субстрат, а заключенная в нем идея.

Производственное объединение — понятие видовое. Объединение как общая организационно-правовая форма осуществления социалистического производства в условиях научно-технического прогресса, если применить слова К. Маркса, есть нечто многообразно расчлененное, выражающееся в различных определениях [см.: 1, с. 21]. Для объединения вообще, как родового понятия, присущи концентрация, специализация и кооперирование производства. Эти общие признаки существенно отличают объединения от других хозяйственных органов. Отличие же производственного объединения от иных видов объединений проходит либо по линии структурно-технологических особенностей (этим оно отличается от комбината), либо по природе (профилю) деятельности концентрируемых (специализируемых) единиц (в этом его отличие от фирмы).

Но производственные объединения в свою очередь, могут подразделяться на разновидности (подвиды) в зависимости от организационного построения, целевого характера и содержания деятельности. Наряду с производственными объединениями в народном хозяйстве созданы и успешно работают научно-производственные и иные объединения.

Научно-производственные объединения так же, как и производственные, включают в свой состав разнородные предприятия (организации): научно-исследовательские, конструкторские, промышленные и др. Однако, головным (ведущим) в таком объединении является не завод или фабрика, а научно-исследовательский институт. Цель создания такого объединения — организация разработок новых идей, способов сведения до минимума пути движения научно-технических идей от их зарождения до воплощения в конкретные виды машин, приборов и т. д. Так, в 1969 г. в Ленинграде было создано научно-производственное объединение «Электроаппарат», соединившее в едином комплексе НИИ, ПКБ, технологический институт высоковольтной аппара-

туры и завод «Электроаппарат». Это позволило улучшить разработку и внедрение в производство электрических аппаратов, сократить на один-полтора года цикл освоения новой техники за счет ликвидации разрывов между этапами работ. Эффективно осуществляет деятельность и научно-производственное объединение «Пищепромавтоматика», в состав которого вошел НИИ, экспериментальный завод, монтажно-наладочное управление, контора комплектации и другие подразделения. Это объединение не только функционирует по принципу взаимосвязи всех этапов создания новой техники (от разработки технических идей до серийного производства), но и осуществляет непосредственное внедрение новых изделий на промышленных предприятиях. В Харькове организовано производственно-технологическое объединение «Союзтехоснастка». Головная организация — межотраслевое конструкторско-технологическое бюро. В состав объединения вошли: опытный завод техоснастки и другие предприятия. Основная задача объединения — создание и внедрение в производство новых видов технологической оснастки на предприятиях машиностроения и металлообработки.

Главное преимущество новых форм организации промышленного производства заключается в том, что они устраняют организационную разобщенность между звеньями, участвующими в создании новой техники. Оно сказывается только тогда, когда дело не ограничивается формальным соподчинением институтов и предприятий, а достигается органическое слияние науки и производства. В этом залог существенного ускорения научно-технического прогресса и повышения его эффективности.

Список литературы

1. Маркс К. Введение. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1-я, с. 17—48.
2. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полн. собр. соч. Т. 27, с. 309—426.
3. Лаптев В. В. Предмет и система хозяйственного права. М., «Юрид. лит.», 1969. 175 с.
4. СП СССР, 1973, № 7.
5. Там же, 1974, № 8.

З. А. Подопригора, д-р юрид. наук,
В. К. Попов, канд. юрид. наук

НОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ УСКОРЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Современный научно-технический прогресс оказывает непрерывное воздействие на развитие социалистического сельскохозяйственного производства, т. е. способствует дальнейшему углублению общественного разделения труда, усилению процесса концентрации и кооперирования аграрного производства, постепенному переводу его на индустриальную основу с целью повышения эко-

номической эффективности. Влияет технический прогресс и на выбор организационно-правовых форм общественного аграрного производства. Между научно-техническим прогрессом, эффективностью общественного производства и организационно-правовыми формами этого производства существуют объективные связи. На XXV съезде КПСС в Отчетном докладе ЦК КПСС Л. И. Брежнев, говоря о путях дальнейшего развития сельского хозяйства, отмечал: «Большие возможности быстрого роста объема производства, серьезности повышения производительности труда и снижения себестоимости заложены в специализации и концентрации производства на базе межхозяйственного кооперирования и агропромышленной интеграции» [3].

Связь между научно-техническим прогрессом и повышением эффективности аграрного производства проявляется в формах организации производства. Они, в свою очередь, способствуют ускорению внедрения в производство достижений науки и техники. Право, закрепляя формы организации производства и определяя их правовое положение, активно воздействует через них на развитие научно-технического прогресса. Таким образом осуществляется сложный и взаимосвязанный процесс. Следовательно, важное значение имеет вопрос о взаимосвязях научно-технического прогресса, форм организации аграрного производства и права.

Основные организационно-правовые формы аграрного производства в нашей стране — колхозы, совхозы и иные аграрные предприятия. Прогрессивная форма аграрного производства является важным условием повышения его экономической эффективности. Практика показала, что организационно-правовая форма, соответствующая состоянию экономики, оказывает положительное влияние на ее развитие и ускоряет научно-технический прогресс. И наоборот, та форма, которая не соответствует состоянию экономики, отрицательно сказывается на эффективности производства. В связи с этим созданные в 30-х годах аграрно-промышленные комбинаты не получили своего развития, так как уровень производительных сил не позволял органически соединить аграрное и промышленное производство [см.: 4, с. 28—30]. Примером несоответствия служит следующий факт. Достигнуты большие успехи в области применения биохимии в сельскохозяйственном производстве, однако внедрение этих достижений мелкими специализированными отрядами в системе «Союзсельхозтехника» не обеспечивает в полной мере получение экономических результатов.

Развитие научно-технического прогресса в социалистическом сельском хозяйстве обусловило коренные изменения и совершенствование форм организации аграрного производства. Так, к середине 30-х годов мелкотоварный тип крестьянского хозяйства был заменен крупным по тому времени социалистическим хозяйством (было создано 250 тыс. колхозов). Рост производительных сил обеспечил широкое внедрение индустриальных методов труда, поэтому в 50-е годы произошло укрупнение колхозов (численность их уменьшилась до 33 тыс.).

В условиях развитого социализма под влиянием научно-технического прогресса начался процесс образования новых организационно-правовых форм общественного сельскохозяйственного производства в виде межхозяйственных аграрных, аграрно-промышленных, аграрно-торговых, научно-производственных и специализированных объединений по обслуживанию аграрного производства.

В. И. Ленин именно в крупных предприятиях подобного типа видел опору нового способа производства, обеспечивающего повышение производительности труда. Он говорил, что «социализм начинается там, где начинается более крупное производство...» [1, с. 259]. Это не означает, конечно, что преобладающие в настоящее время формы организации аграрного производства (колхозы, совхозы и другие предприятия) сразу же утрачивают социально-экономическое значение. При внешнем постоянстве они внутренне изменяются под воздействием научно-технического прогресса, так как все шире осуществляется процесс специализации, механизации и автоматизации производства. Технологический процесс производства многих аграрных предприятий принимает индустриальный характер.

Процесс создания объединений в сельском хозяйстве, в отличие от промышленности, характеризуется некоторыми особенностями.

Во-первых, образование объединений происходит на базе обеих форм социалистической собственности — государственной и кооперативно-колхозной. Это предопределяет особый правовой режим имущества объединений и входящих в них предприятий и организаций, так как оно одновременно принадлежит государству и колхозам. Установленный правовой режим для государственной собственности и собственности колхозов не может быть применен в полной мере к имуществу государственно-колхозных объединений [см.: 5, с. 276].

Во-вторых, имеют свою специфику и способы образования объединений. Если в промышленности объединения во всех случаях создаются по распоряжению компетентных государственных органов, т. е. в распорядительном порядке, то в сельском хозяйстве межколхозные и государственно-колхозные объединения образуются на основании нового, ранее не известного законодательству смешанного явочно-разрешительного порядка. Данному способу присущи черты распорядительного (применительно к совхозам) и нормативно-явочного (применительно к колхозам) порядка. Особенностью образования этих объединений является также и то, что основные экономико-правовые условия деятельности предусматриваются в договоре о совместной производственной деятельности. К сожалению, такой договор еще не занял самостоятельного места в гражданских кодексах союзных республик. При создании государственно-колхозных объединений возникают смешанные государственно-колхозные отношения. Эти отношения возникают для колхозов на основе Устава и решений их коллек-

тивных органов управления, а для государственных организаций — на основе Положения о социалистическом государственном производственном предприятии¹, решения администрации, принимаемого с согласия вышестоящей организации. Главной предпосылкой заключения такого договора является решение собрания уполномоченных предприятий — участников объединения.

В-третьих, в сельском хозяйстве создаются объединения по общему правилу с включением юридически самостоятельных предприятий и организаций. В РСФСР, например, в таком порядке созданы специализированные животноводческие объединения («Братская», «Омский бекон», «Ясная Поляна»), ленинградская фирма «Лето» по выращиванию овощей в теплицах и т. д. [см.: 14, ст. 68, 69; 15, ст. 155, 157]. Аграрные предприятия, входящие в эти объединения, сохраняют за собой права, предусмотренные Положением о государственном предприятии, в соответствии с которым они действуют. Наряду с такими создаются объединения иного типа, в которых юридическим лицом признается объединение в целом, а входящие в его состав предприятия переводятся на внутрихозяйственный расчет. Данные объединения созданы пока в порядке опыта в системе «Молдвинпром» [см.: 6, с. 118]. Их образование возможно, на наш взгляд, только с участием государственных аграрных либо промышленных и аграрных предприятий и организаций. На современном этапе при наличии двух основных форм социалистической собственности создавать объединения по указанному типу с участием колхозов едва ли допустимо, так как это по существу приводит к прекращению деятельности колхоза.

В-четвертых, управление межколхозными и государственно-колхозными объединениями осуществляется коллегиально. Режим общей собственности при кооперировании в форме государственно-колхозных объединений предопределяет принципы управления деятельностью объединения. В настоящее время колхозная демократия выступает в двух основных видах, а именно: колхозно-представительной демократии (Советы колхозов) и колхозно-кооперативной демократии (организация и деятельность межколхозных организаций и объединений). При объединении колхозов с государственными организациями колхозно-кооперативная демократия не утрачивает своего значения. Вместе с тем сохраняется и единоначалие в управлении внутренними отношениями в процессе производственной деятельности государственного аграрного предприятия (совхоза). Однако управление государственным аграрным предприятием в составе объединения сочетается с демократическим принципом. Поэтому создание государственно-колхозных объединений на демократических принципах знаменует собой новую форму взаимоотношений государства и колхозов в сфере государственно-колхозного производственного кооперирования.

Названные и другие особенности должны учитываться в нормативных актах, регулирующих отношения в процессе создания

¹ В дальнейшем будем называть Положением о предприятии.

и деятельности объединений в сельском хозяйстве. Правовой основой регулирования новых форм производственно-экономических отношений в процессе межхозяйственного кооперирования в сельском хозяйстве должны быть общесоюзные специальные нормативные акты в форме положений о различных типах объединений. В них необходимо закрепить основные принципы организации объединений, определить их правовое положение и другие важные вопросы. Общие положения явились бы юридической основой для принятия положений о конкретных объединениях. Отсутствие единых специальных нормативных актов сдерживает расширение и углубление процесса кооперирования аграрных предприятий между собой и с промышленными предприятиями.

Ознакомление с положениями некоторых межхозяйственных объединений показало, что правовое положение однотипных объединений в сельском хозяйстве определяется по-разному. В значительной степени это объясняется тем, что положения разрабатываются и утверждаются различными министерствами, исполкомами областных Советов депутатов трудящихся, областными Советами колхозов, а иногда и советами министров союзных республик. Это создает разноречивость в правовом регулировании однородных производственно-экономических отношений в процессе кооперирования аграрных предприятий. Так, например, отсутствует достаточная правовая упорядоченность в создании фонда внедрения в производство достижений науки и техники. В одних объединениях эти фонды централизуются, в других же — они создаются на предприятиях, входящих в объединения. Представляется, что более правильно было бы централизовать средства в объединениях и расходовать их на внедрение в производство новых технологий, более совершенного оборудования, на проведение научно-исследовательских работ в интересах всего объединения, а также на осуществление экспериментальных работ. Не решены пока и многие другие правовые вопросы, связанные с определением правосубъектности производственных объединений в сельском хозяйстве.

Непременным условием ускорения научно-технического прогресса является органическая связь науки и производства [см.: 4, с. 57]. Поиск лучших организационно-правовых форм такой связи — это одна из актуальных проблем. В последнее время в сельском хозяйстве возникли различные правовые формы связи науки с производством. К числу основных следует отнести научно-производственные объединения, включающие в свой состав научно-исследовательские институты, специализированные опытные станции и лаборатории, проектно-конструкторские организации, производственные экспериментальные предприятия. В Молдавской ССР на базе отраслевых научно-исследовательских институтов и специализированных совхозов Министерства сельского хозяйства республики создано шесть научно-производственных объединений. В соответствии с положениями о них, в их задачу входит научная разработка современных аграрных технологий, выведение новых сортов культур и пород животных и удовлетворение потребностей хо-

зяйств республики в семенах высокой урожайности зерновых, технических и других культур, племенном молодняке скота и птицы и т. д. [см.: 6, с. 53, 54]. В Одесской области создано зональное научно-производственное государственно-колхозное объединение по семеноводству простых гибридов кукурузы. Возглавляет объединение Всесоюзный селекционно-генетический институт. В объединение входят 58 колхозов и совхозов с сохранением права юридического лица, которые занимаются выращиванием семян кукурузы для хозяйств Одесской, Николаевской и Кировоградской областей. В объединение также вошли восемь заводов по калибровке семян [см.: 11].

На принципах научно-производственного объединения работает Симферопольское объединение «Эфиромасло». В него входят опытные хозяйства, проектно-конструкторские бюро, заводы по производству прогрессивных машин для возделывания эфиронов и по переработке сырья, предприятия по выращиванию эфирных масел. Объединение обеспечивает хозяйства, возделывающие эфиромасличные культуры, современными технологиями производства. Экономический эффект от внедрения новых сортов, машин, агротехнических приемов составил 65 млн. руб. [см.: 8]. Руководит объединением Всесоюзный научно-исследовательский институт эфиромасличных культур.

Создаются научно-производственные объединения и в РСФСР [см.: 7; 17]. Их правовое положение определяется Положением о научно-производственном объединении от 30 декабря 1975 г.

Научно-производственные объединения в сельском хозяйстве необходимы для оперативного решения вопроса о реализации научных разработок, для ускорения научно-технического прогресса. Поэтому сейчас поставлен вопрос об их образовании и в других сферах сельского хозяйства [см.: 12]. Однако до сих пор не разработана методика применения Положения о научно-производственном объединении в сельском хозяйстве. Поэтому на практике встречаются большие затруднения при оформлении таких объединений. Неодинаково определено и правовое положение входящих в них организаций и учреждений. Например, в объединении «Россемсахсвекла» бывшего Министерства совхозов РСФСР на свеклосеменоводческие совхозы распространяются правила, действующие в совхозах, переведенных на полный хозрасчет, а на семенные заводы этого же объединения распространено Положение о промышленном предприятии. Едва ли такой разницей способствует нормальной деятельности научно-производственных объединений в сельском хозяйстве.

Одним из главных направлений современного научно-технического прогресса в сельском хозяйстве является его биохимизация, охватывающая почти все основные отрасли производства. К числу основных недостатков агрохимического обслуживания хозяйств следует отнести несовершенство организационно-правовых форм такого обслуживания. В настоящее время создается специальная система организаций по агрохимическому обслуживанию. Ее пра-

вовой основой служит постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1974 г. «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны СССР» [см.: 13, ст. 39]. Так, например, Постановлением Совета Министров РСФСР от 24 мая 1974 г. образовано Марийское республиканское объединение по агрохимическому обслуживанию хозяйств [см.: 16, ст. 72]. В его состав вошли районные специализированные организации, республиканская агрохимическая лаборатория и другие специализированные службы. Правоспособность данного объединения определена с учетом комплексного выполнения работ по химизации производства. Создаются такие же объединения в Украинской ССР, Орловской, Псковской и других областях РСФСР, а также в Белорусской ССР и в других республиках [см.: 9, 10]. Однако в их организационной структуре имеется большой разнотой.

Сейчас уже возникла необходимость в создании Всесоюзного объединения по агрохимизации сельского хозяйства на правах ведомства. В республиках следовало бы иметь аналогичные республиканские объединения. В областях (краях), автономных республиках целесообразны были бы производственные объединения со специализированными организациями в каждом районе. Следовало бы уже сейчас разработать общее положение об агрохимическом объединении.

В связи с переводом животноводства на промышленную основу возникла необходимость в создании кормодобывающих производственных объединений.

Таким образом, развитие научно-технического прогресса в сельском хозяйстве вызывает возникновение новых, более прогрессивных организационно-правовых форм общественного аграрного производства.

Список литературы

1. Ленин В. И. Доклад об очередных задачах Советской власти. — Подн. собр. соч. Т. 36, с. 241—267.
2. Брежнев Л. И. Речь на XIV съезде ВЛКСМ. М., Политиздат, 1974. 16 с.
3. Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971. 320 с.
4. Аграрно-промышленные комплексы. М., «Колос», 1972. 198 с.
5. Козырь М. И. Имущественные правоотношения колхозов в СССР. М., «Наука», 1966. 375 с.
6. Правовое положение аграрно-промышленных предприятий и объединений. Кишинев, «Штиинца», 1974. 744 с.
7. «Правда», 1974, 13 дек.
8. «Правда», 1974, 18 дек.
9. «Правда Украины», 1974, 21 сент.
10. «Сельская жизнь», 1974, 8 мая.
11. «Сельская жизнь», 1974, 23 мая.
12. «Сельская жизнь», 1974, 14 дек.
13. СП СССР, № 2.
14. СП РСФСР, № 13.
15. Там же, № 20.
16. Там же, 1974, № 13.

ВЛИЯНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПРИРОДУ ДОГОВОРОВ

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии отмечалось: «Успех научно-технической революции, ее благотворное воздействие на экономику, на все стороны жизни общества не могут быть обеспечены усилиями только научных работников. Все большую роль приобретает вовлечение в этот исторического значения процесс всех участников общественного производства, всех звеньев хозяйственного механизма» [1, с. 48]. В этой связи октябрьский (1976 г.) Пленум ЦК КПСС на основе анализа существующих связей науки с производством наметил пути их дальнейшего совершенствования.

В осуществлении поставленных задач гражданско-правовым договорам принадлежит основная роль — обеспечить связь научных учреждений с промышленными предприятиями. Однако нормы права еще не в полной мере регулируют возникающие отношения. Осуществлена, например, правовая регламентация договорных отношений, возникающих в связи с проектно-изыскательскими, научно-исследовательскими, опытно-конструкторскими и технологическими работами, а также работами в области научно-технической информации [см.: 8, с. 416; 9, с. 583]. Урегулированы типовым договором отношения, возникающие в связи с передачей научно-технических разработок и опытом их использования [см.: 5, с. 25].

В юридической литературе договоры рассматриваются как особый тип договора подряда [см.: 19, с. 15] или услуг [см.: 4, с. 31—37]. Однако обходит молчанием вопрос о юридической цели (результате) отмеченных договоров.

Известно, что по договору подряда к заказчику переходит право собственности (оперативного управления) на результаты работы подрядчика [см.: 12, с. 57]. Действующим нормативным актом, регламентирующим создание научно-технических результатов, предусматривается фактическая передача научно-технических материалов без полномочий на результаты работы исполнителя.

Соглашения не могут рассматриваться и как договоры услуг. Дело в том, что процесс производства и потребления услуг осуществляется одновременно, поэтому отсутствует обособленный от услуг материально-вещный продукт труда, т. е. результат услуги не может быть накоплен, в то время как результат работы исполнителя может накапливаться и одновременно потребляться.

Отсутствие юридической цели в договорах резонно объясняется «совпадением при социализме общественных потребностей с режимом, вытекающим из свойств самого объекта» [10, с. 57], или тем, что «научная информация — объект общественной собственности» [17, с. 31]. Поэтому, пишет В. А. Дозорцев, «в условиях социализма вообще не правомерно ставить вопрос о правах какого-либо субъекта на идеи. Можно говорить лишь о правовом режи-

ме этого объекта» [10, с. 58]. Ныне действующий правовой режим полученных научно-технических достижений таков, что позволяет их безвозмездное использование всеми предприятиями и организациями народного хозяйства.

Развитие научно-технической революции привело к появлению у научного производства новых функций, а именно — функций активного участия в освоении научно-технического результата промышленностью. В их содержание входит приспособление научно-технического результата к освоению производством, и непосредственное участие научных организаций в отработке и налаживании производства. Эти функции организации выполняют как при первичном освоении, так и при широкой реализации результатов научных исследований в народном хозяйстве. Участие научных организаций в освоении и использовании научных результатов возможно при наличии необходимой материально-технической и научной базы. С этой целью постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники» [см.: 9, с. 417] обязало министерства и ведомства СССР и советы министров союзных республик обеспечить научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения и предприятия экспериментальными базами (опытными установками, стендами и пр.) для осуществления проверки результатов научных исследований и конструкторских разработок в срок не более одного года. Участие научных организаций в освоении и использовании результатов научных исследований обусловлено экономическими интересами как заказчика (по договору), так и социалистического общества в целом.

Практика показала, что научные организации, участвуя в освоении конструкций и технологических процессов, могут обеспечить производству достижение обусловленного эффекта в соответствующие сроки и с меньшими затратами. Дело в том, что затраты на освоение во много раз превышают затраты на исследования. Так, по данным, приведенным Г. А. Лахтиным, расходы на освоение могут превышать затраты на исследования от 46 до 780% [см.: 14, с. 22].

Участие научных организаций благоприятно влияет на преодоление промышленностью трудностей освоения результатов науки. Существуют различные организационно-правовые формы обеспечения участия организаций науки в освоении результатов исследований. В одних случаях они объединяются с промышленными предприятиями, образуя научно-производственный комплекс, определяющий форму и содержание правовой связи. Последняя (в форме заказа) обеспечивает участие научных организаций в освоении [см.: 6, с. 8]. В других случаях на основе договоров участие в освоении обеспечивается путем стимулирования научных организаций.

Деятельность научных организаций в освоении создаваемых ими достижений привела к возникновению новых экономических отношений между наукой и производством, что с необходимостью

вызвало предоставление вышеуказанным организациям определенных правомочий. Их содержание закреплено в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники» [см.: 9, 417—437], «О взаимном использовании научно-технических достижений министерствами и ведомствами СССР и подведомственными им предприятиями и организациями» [см.: 2, с. 228—229], в постановлении Совета Министров СССР «О повышении взаимной экономической заинтересованности предприятий и организаций в передаче своих научно-технических достижений и в использовании заимствованного передового опыта» [см.: 8, с. 1061—1062]. Закрепление за научными организациями правомочий на результаты их работы определяет юридическую природу договорных отношений. Учитывая, что предмет соглашения обладает свойствами результата интеллектуального труда, представляется возможным отнести договоры к типу авторских договоров. Определяя тип соглашения, необходимо, во-первых, убедиться в совпадении общих моментов, характерных для данного типа, а также в наличии особых моментов, обуславливающих самостоятельный характер договоров; во-вторых, исследовать порядок возникновения имущественных и личных неимущественных правомочий у организаций — создателей научно-технических достижений. Общим моментом для данных договоров является то, что их предметом является результат творческой деятельности. Отсюда неопределенность в достижении поставленной договором цели и наличие специфических свойств у полученного результата. Общим является и то, что договоры заключаются по поводу готовых объектов, либо с целью их получения. Договоры имеют ряд особенностей, обуславливающих их самостоятельный характер. Так, авторские правомочия научных организаций не совпадают с правами сторон по авторским договорам в их традиционном содержании. Различны и сферы осуществления авторских правомочий.

Известно, что у создателей объектов авторского права возникают исключительные (абсолютные) права, лежащие в основе относительных правоотношений. Последние порождают имущественные правомочия в форме авторского вознаграждения. Так, по авторскому договору автор или его наследники уступают те или иные права на произведение контрагенту, а последний за уступку прав, производимую в его пользу, обязуется выплатить автору или его наследникам авторское вознаграждение [см.: 13, с. 53]. Факт создания научно-технического результата порождает возникновение имущественных и личных неимущественных правомочий у научных организаций. Однако имущественные правомочия обусловлены не фактом уступки научными организациями принадлежащих им исключительных прав, а фактом их участия в освоении созданных ими научно-технических достижений. «Право на участие в освоении» — правовая форма новой функции науки,

опосредствующая экономические отношения между научным и материальным производством.

Следовательно, имущественные правомочия научных организаций реализуются в сфере материального производства лишь при условии их участия в освоении научно-технических достижений производством.

Сотрудничество научных организаций с промышленностью в освоении происходит в различных правовых формах. Одной из таких форм является авторский надзор, осуществляемый в силу общеобязательного предписания или по соглашению сторон. Научно-исследовательские, конструкторские, проектно-конструкторские и технологические организации отраслевого профиля осуществляют авторский надзор за освоением производства разработок и технологических процессов на основе общеобязательного предписания [см.: 21, с. 11—14]. Другие научные организации осуществляют его в условиях, когда он предусмотрен в условиях договора на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы. В ряде договоров участие научной организации в освоении является существенным условием, без которого договор вообще не может быть заключен. Примером служит договор на передачу предприятиями и организациями своих научно-технических достижений другим предприятиям и организациям или оказание им помощи в использовании заимствованного передового опыта [см.: 7, с. 25—29]. Участие научных организаций в освоении выражается в осуществлении ряда мероприятий, проводимых с целью оказания услуг и контроля за правильностью реализации переданных заказчику (получателю) результатов.

Наличие различных правовых форм сотрудничества не является результатом требования практики. Их возникновение обусловлено появлением новых функций науки и отсутствием опосредствующих их правовых форм связи. Думается, что необходима выработка единого нормативного акта, регламентирующего права и обязанности сторон в период освоения научно-технических достижений промышленностью.

Содержание имущественных правомочий зависит от того, участвует научная организация в освоении впервые созданных научно-технических результатов или в широком освоении промышленностью ею созданных и уже опробованных результатов научных исследований. Так, авторские имущественные правомочия возникают в связи с освоением научно-технических результатов, полученных по договорам на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы. Научные организации, участвующие в освоении, наряду с оплатой имеют право на авторское вознаграждение. Выплата авторского вознаграждения в виде доли от дополнительной экономии, полученной в народном хозяйстве, осуществляется промышленными предприятиями, создавшими на основе научных достижений новую технику, материалы и т. д. [см.: 9, с. 432].

Научно-исследовательские, проектно-конструкторские и технологические организации, переведенные на новую систему планирования, финансирования и экономического стимулирования, вправе получить от промышленных предприятий отчисления с дополнительной прибыли, предусмотренной в оптовых ценах. Размер зависит от экономического эффекта, полученного от производства, и использования продукции в народном хозяйстве. Отчисления производятся по каждому виду изделий в течение двух-трех лет. Они осуществляются либо с начала промышленного производства данной продукции (с момента введения в действие преysкурантов оптовой цены), либо с освоения нового технологического процесса. Промышленные предприятия производят отчисления при условии, что новые виды изделий отвечают по своим параметрам показателям лучших отечественных и зарубежных образцов.

Иногда научные организации участвуют в реализации уже ими полученных и апробированных результатов исследований. В этом случае вознаграждение входит составной частью в цену договора [см.: 5, с. 25]. Полученные средства независимо от вида соглашений поступают в соответствующие фонды научных организаций.

В литературе с появлением у научных организаций новых функций и с целью защиты их имущественных прав предлагают закрепить за ними права на научно-технические достижения путем выдачи «экономических патентов» [см.: 15, с. 2]. На их основе предприятия и организации заключали бы договоры «социалистических лицензий» [см.: 16, с. 9—10]. Закрепление авторских прав, охраняемых специальным документом, вызвало бы необходимость в приобретении другими социалистическими организациями «права на использование» (лицензии) научно-технических результатов, что привело бы к многократной оплате в нашем обществе продукта общественного назначения. Полагаем, что нет необходимости предприятиям и организациям приобретать право на использование научно-технических результатов. Они вправе их осваивать и использовать самостоятельно. В случаях, когда для этого требуется помощь, предприятия и организации обязаны обратиться к создателю научно-технических результатов, так как оказывать помощь в освоении и передаче научно-технических достижений вправе только организация-разработчик. Оказывая научно-техническую помощь, организация-создатель реализует свое «право на освоение».

Наряду с имущественными в содержание авторских правомочий входят и неимущественные правомочия научных организаций. Необходимость в их правовой защите обусловлена охраной престижа государства и приоритета научной организации. Защита приоритета имеет значение при условии, что полученные научно-технические результаты несут в себе новые знания о природе, путях и методах ее освоения [см.: 3, с. 7]. Закрепление неимущественных правомочий научных организаций начиналось с защиты их авторского приоритета на научно-технический результат. Установление же авторского приоритета осуществлялось путем регистра-

ции завершенных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Регистрация указанных работ проводилась Комитетом по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР.

Дальнейшее развитие неимущественные правомочия получили в Положении об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях. Оно устанавливает, что авторский приоритет научных организаций защищается путем выдачи охранного документа, содержание которого зависит от области получения новых знаний. Так, приоритет в области науки закрепляется выдачей свидетельства на открытие, а в области техники — свидетельством на изобретение. Эти документы удостоверяют факт открытия и создания изобретения в данной научной организации [см.: 8, с. 1014—1033].

В настоящее время содержание и формы реализации авторских правомочий научных организаций регламентируются большим числом нормативных актов, что отрицательно сказывается на практике их применения. Заслуживает поддержки предложение В. Я. Ионаса о введении принципиально нового института авторского права — права на научные достижения [см.: 11, с. 150]. В новом институте должны найти свое отражение авторские правомочия юридических лиц на создание научно-технических результатов.

Список литературы

1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 111 с.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. Т. 8. М., Политиздат, 1973. 671 с.
3. Белиловский Е. И. Проблемы гражданско-правового регулирования отношений, возникающих в связи с созданием научных результатов. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1971. 20 с.
4. Брагинский М. И. Общее учение о хозяйственных договорах. Минск, 1967. 240 с.
5. «Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР», 1973, № 4.
6. Там же, 1974, № 1.
7. «Вопросы изобретательства», 1974, № 3.
8. Гражданское законодательство. Сб. нормат. актов. М., «Юрид. лит.», 1974, 1067 с.
9. Законодательство о капитальном строительстве. Вып. 1. М., «Юрид. лит.», 1970. 631 с.
10. Дозорцев В. А. Правовой режим научно-технических знаний. — «Сов. государство и право», 1973, № 6, с. 52—60.
11. Ионас В. Я. Рецензия на книгу М. М. Богусловского «Вопросы авторского права в международных отношениях». — «Сов. государство и право», 1974, № 4, с. 149—152.
12. Иоффе О. С. Советское гражданское право. Ч. II. Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. 528 с.
13. Иоффе О. С. Советское гражданское право. Ч. III. Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 346 с.
14. Лахтин Г. А. Тактика науки. Новосибирск, «Наука», 1969. 227 с.
15. Лепихов А., Старовойт В. Изобретение без границ. — «Комс. правда», 1974, 17 мая.
16. Митраков И. Л. Вопросы стимулирования разработки и внедрения изобретений. — «Вопр. изобретательства», 1967, № 6, с. 8—12.
17. Николаев А. Б. Экономические проблемы научных исследований. М., «Знание», 1969. 46 с.

18. Рачков П. А. Наукоедение. М., Изд-во Моск. ун-та, 1974. 234 с.
19. Ринг М. П. Договоры на научно-исследовательские и конструкторские работы. М., «Юрид. лит.», 1967. 200 с.
20. Сборник законодательства и рационализации. М., Госюриздат, 1960. 153 с.
21. Экономическая газета, 1970, № 52.

Г. С. Гончарова, канд. юрид. наук

ГАРАНТИИ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Немаловажное воздействие на технический прогресс оказывают общественные науки, в том числе правовая [см.: 10, с. 135—140]. Хотя право и не влияет непосредственно на материальное производство, но оно прокладывает пути наиболее эффективному использованию научных достижений, экономии трудовых ресурсов. Таким образом, правовая наука не прямо, а косвенно включается в производственный процесс, поскольку право определяет меру труда, потребления, обязанность администрации создавать нормальные условия для работы.

Трудовое право, регулируя трудовые и производные от них отношения, способствует созданию и внедрению новой техники, широкому развитию творческой инициативы трудящихся и техническому совершенствованию производства, улучшению работы по рационализации и изобретательству.

Научно-технический прогресс оказывает воздействие на характер труда, содержание трудовой функции, повышает квалификационные и профессиональные требования к рабочим и служащим. Ускоряющийся научно-технический прогресс, например, требует, чтобы обучение нынешнего рабочего включало в себя не только специальное техническое и общее образование, но также элементы инженерно-технической подготовки [см.: 16, с. 10]. Отставание от современных требований может повлечь за собой несоответствие работника выполняемой работе, увольнение. Предупреждая такой факт, администрация организует производственное обучение за счет предприятия, учреждения, организации (индивидуальное, бригадное, курсовое и др.), что является важной гарантией охраны права на труд в условиях научно-технического прогресса. Научно-технический прогресс, влекущий за собой частые и существенные изменения в технической организации труда, вызывает отмирание некоторых профессий, создает новые сферы трудовой деятельности, порождая новые виды труда [см.: 3, с. 42]. Связь научно-технического прогресса с трудовым правом очевидна. Трудовое право, с одной стороны, призвано эффективно служить научно-техническому прогрессу, развивая моральный и материальный интерес к освоению новой техники, с другой — оно призвано охранять трудовые права рабочих и служащих, повышать их гарантии не только при внесении рационализаторских предложений, но и при пересмотре нормированных заданий, при перемещениях на другие рабочие места, при прекращении трудовых отношений. Трудовое

право должно оградить рабочих и служащих от нежелательных последствий этого развития, обеспечить охрану их трудовых прав [см.: 14, с. 17].

Научно-технический прогресс и связанное с ним повышение эффективности общественного производства предполагают экономию трудовых ресурсов. Одним из средств экономии трудовых ресурсов, совершенствования и удешевления административно-управленческого аппарата является сокращение штатов. В. И. Ленин, как известно, был горячим сторонником всемерного сокращения штатов наших советских учреждений [см.: 8, с. 158—159, 193—195]. Необходимость дальнейшего сокращения управленческого аппарата предусмотрена постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 октября 1969 г. «О мерах по совершенствованию и удешевлению аппарата управления» [см.: 12, ст. 139]. В нем, в частности, отмечалось, что все более широкое внедрение в народное хозяйство автоматической системы управления, электроники и вычислительных машин создает условия для дальнейшего сокращения расходов на его содержание. Решительнее сокращать излишние звенья этого аппарата рекомендовал XXIV съезд КПСС.

Научно-технический прогресс влечет за собой также и сокращение численности рабочих, а значит, и перераспределение их из одной отрасли в другую.

Социалистический строй создает огромные возможности для научно-технического прогресса. В отличие от капиталистической экономики, где ускорение производительности труда сопровождается увеличением безработицы, высокие устойчивые темпы роста социалистического производства обеспечивают гражданам СССР при ускоренном росте производительности труда полную занятость.

В «Основных направлениях развития народного хозяйства на 1976—1980 годы» также обращено внимание на то, что весь прирост продукции или работ следует обеспечить, как правило, при той же или меньшей численности работников.

Одной из важнейших гарантий охраны права на труд при сокращении штатов и численности рабочих является обязанность администрации переводить лиц, подлежащих увольнению, с их согласия на другую работу. Такой перевод является не правом администрации, а обязанностью. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, равно как и республиканское законодательство, содержат указания о том, что рабочие и служащие, подлежащие сокращению, должны быть переведены при наличии выраженного ими желания на другого рода работу, постоянную или временную, если таковая имеется на том же предприятии или в учреждении или на другом предприятии, в учреждении того же объединения (треста, ведомства), находящихся в том же районе. Законодатель обязал администрацию принимать меры для перевода лиц на другую работу. Именно так следует понимать обязанность администрации о трудоустройстве высвобождающихся лиц, что гарантирует почти во всех случаях сокращения чис-

ленности трудоустройство лиц. Верховный Суд СССР систематически ориентирует все суды на то, чтобы они истребовали доказательства того, что администрация переводила работника, а он отказался либо администрация не имела возможности перевести работника с его согласия на другую работу.

Народные суды ведут неослабную борьбу с незаконными увольнениями по сокращению штатов. Во всех случаях, где фактическое упразднение одной или нескольких единиц не установлено или увольнение произведено с нарушением трудового законодательства, восстанавливают уволенных на работе с выплатой заработной платы за вынужденный прогул. В тех случаях, когда фактическое сокращение имело место, но администрация не выполнила обязанности по переводу работника на другую работу, суд признает увольнение незаконным, восстанавливая работника на прежней работе. Вместе с тем известны случаи, когда при незаконном увольнении по сокращению штатов восстановление работника на прежней должности или работе оказывается невозможным ввиду ликвидации предприятия, учреждения, организации в целом. Учитывая это, Верховный Суд СССР в постановлении Пленума от 19 октября 1971 г. с дополнениями от 22 января 1974 г. «О применении в судебной практике Основ законодательства Союза СССР и союзных республик о труде» разъяснил, что в таких случаях суд признает увольнение неправильным и указывает в решении причины, в силу которых работник не может быть восстановлен на работе.

Однако в судебной практике наметилась тенденция к тому, что суды отказывают в восстановлении на работе и в случаях реорганизации, которая влечет ликвидацию отдельных частей предприятий, структурных подразделений. Так, Верховный Суд СССР в решении по иску С. А. Голодного записал, что при отсутствии должности (ввиду реорганизации аппарата), которую занимал истец, суд вправе признать увольнение неправильным, не восстанавливая работника в должности, а в решении обязан указать причины по которым невозможно это сделать [см.: 16, с. 8]. Нам представляется, что отказ в восстановлении на работе возможен лишь в тех случаях, когда ликвидация отдельных должностей, частей предприятий, структурных подразделений, реорганизация повлекли за собой уменьшение общего количества штатных единиц. В противном случае увольнение по сокращению штатов недопустимо.

Современные достижения науки и техники, внедрение их в производство, совершенствование организации труда и управления, широкое совмещение профессий неизбежно ведет к сокращению штатов служащих и численности рабочих. Однако этот процесс должен не снижать гарантии трудовых прав, а наоборот, повышать их. Перевод на другую работу при сокращении штатов осуществляется лишь с согласия работника.

Процесс труда предполагает также перемещение рабочих на другие места, в силу иных объективных причин без их согласия. Это не противоречит общему принципу, изложенному в ст. 31 КЗоТ УССР, ибо перемещение не должно повлечь за собой изменение условий трудового договора.

На V Пленуме ВЦСПС отмечалось, что внедрение конвейерной системы работы, овладение смежными профессиями позволяет рабочим периодически менять свое рабочее место, делает труд более разнообразным и содержательным [см.: 15]. Таким образом, изменение рабочего места расценивается как необходимое и прогрессивное явление. При периодическом изменении рабочего места труд перестает быть утомительным и однообразным. Но такое перемещение не должно приводить к ущемлению законных интересов рабочих и служащих.

Администрация, заключив с работником трудовой договор, должна закрепить за ним определенное рабочее место, т. е. определенный участок производственной площади, станок, машину, обеспечить инструментами и приспособлениями, необходимыми для работы (ст. 29 КЗоТ УССР). Рабочее место администрация устанавливает в одностороннем порядке, исходя из производственных условий, площадей. Гарантии при перемещениях изложены в ч. 2, ст. 32 КЗоТ УССР. Перемещение в отличие от перевода допускается только в рамках предприятия. И хотя в законе содержатся четкие указания на отличие перевода от перемещения, на практике часто возникают трудности при разграничении этих понятий. Правильное применение норм законодательства о перемещениях имеет важное значение для охраны прав рабочих и служащих, рационального использования их труда, укрепления трудовой дисциплины.

Научно-технический прогресс предполагает дальнейшую концентрацию производства, укрупнение предприятий, создание производственных объединений, комбинатов. Так, в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1973 г. «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью» отмечено, что основной целью создания объединений является обеспечение ускорения научно-технического прогресса, широкое использование достижений науки, техники, передового опыта, обеспечение высокой производительности труда и эффективности производства [см.: 12, ст. 31]. Этот процесс также неизбежно влечет за собой упразднение отдельных управлений, структурных частей предприятий, сокращение одних рабочих и служащих, перемещение других. В судебной практике выкристаллизовалось правило о том, что перемещение признается переводом и не допускается без согласия работника, если работник лишается определенных льгот. Это способствует не только охране права на труд, но и охране прав граждан на дополнительные отпуска, получение пенсии на льготных условиях и т. п. Например, Сарамуд работала на Усть-Магаданском рыбокомбинате кочегаром котельной бондарного цеха. Администрация издала приказ

о переводе работницы без её согласия кочегаром в общежитие того же комбината 14 ноября 1972 г., объяснив свои действия наличием приказа вышестоящего органа об объединении всех котельных в единое паросиловое хозяйство. Это обстоятельство, по мнению администрации, давало ей право перемещать кочегаров из одной котельной в другую без их согласия, поскольку условия труда и оплаты при таком перемещении существенно не изменяются. Между тем из материалов дела усматривается, что кочегары бондарного цеха пользуются дополнительным отпуском в количестве 12 рабочих дней, а кочегары общежития — шести. В общежитии больше площадь обогрева, что требует большего расхода топлива и т. д. Кроме того, новое место работы находится на значительном расстоянии от дома Сарамуд, а она страдает рядом заболеваний и имеет предпенсионный возраст. Верховный суд РСФСР правильно признал это перемещение переводом и восстановил ее на прежней работе [см.: 7, с. 2].

Научно-технический прогресс предполагает, с одной стороны, подготовку специалистов широкого профиля, с другой — специализацию, ибо без ограничения сферы деятельности нельзя ни в одной области совершить ничего значительного [см.: 1, с. 378]. Это следует учитывать при отграничении перевода от перемещения в различных отраслях народного хозяйства: промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, строительстве и т. д. [см.: 11, с. 104].

В литературе было высказано мнение о том, что перемещение в другой производственный коллектив нужно рассматривать как перевод [см.: 13, с. 25]. С таким мнением можно согласиться лишь в том случае, если под производственным коллективом понимать другое предприятие. Если же работника перемещают на ту же работу, но в другой производственный коллектив другого цеха, части предприятия без изменения существенных условий труда, то имеет место перемещение, а не перевод. Безусловно, для работника очень важно, в каком коллективе он будет трудиться, но изменение коллектива не изменяет договорные условия труда, поскольку коллектив постоянно изменяется не по воле сторон трудового договора.

Повышенные гарантии охраны трудовых прав установлены для рационализаторов и изобретателей. Их труд всячески поощряют [см.: 5, с. 47]. Так, в соответствии со ст. 91 КЗоТ УССР за работником, сделавшим изобретение или внесшим рацпредложение, повлекшее изменение технических норм и расценок, сохраняются прежние расценки в течение шести месяцев со дня внедрения изобретения или предложения. Прежние расценки сохраняются и в тех случаях, когда изобретатель или рационализатор не выполнял работу, нормы и расценки на которую изменены в связи с внедрением его предложения, и переведен на эту работу после их внедрения. В литературе высказано предложение сохранять как прежние расценки, так и прежние нормы выработки в течение определенного времени [см.: 9, с. 73]. Однако при сдельной оплате труда

реализация этого предложения существенно не повысит гарантии оплаты труда рационализаторов.

В ст. 91 КЗоТ содержится правило о сохранении прежних расценок, но ничего не сказано о том, применительно к каким нормам следует их сохранять. На наш взгляд, при определении общей суммы доплат следует исходить из количества выработанной продукции по новым нормам выработки. Общая сумма должна быть пропорциональной количеству выработанных изделий после внедрения рацпредложений. Изобретателям и рационализаторам предоставлено право участвовать в осуществлении работ по внедрению предложений. Если предложения внедряются на том предприятии, где работает автор, то для участия в этих работах он может быть освобожден от основной работы с сохранением среднего заработка (ст. 126 КЗоТ УССР). Это же правило изложено в п. 128 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденного Постановлением Совета Министров СССР от 21 августа 1973 г. [см.: 12, с. 109].

В связи с тем, что участие автора в значительной мере ускоряет внедрение предложения в производство, не исключается возможность участия авторов во внедрении и во внеурочное время. Условия оплаты в таких случаях, полагаем, следует определять в дополнительных соглашениях. Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях предусматривает и другие существенные льготы и гарантии. Важной правовой гарантией охраны трудовых прав изобретателей и рационализаторов является также правило, в соответствии с которым ФЗМК должен всемерно содействовать развитию изобретательства и рационализации, осуществлять контроль за своевременным внедрением принятых изобретений и рацпредложений. Совместно с администрацией ФЗМК рассматривает жалобы рабочих и служащих на отклонения их рацпредложений, а также жалобы по вопросам о порядке исчисления и сроков выплаты вознаграждения за принятые предложения и изобретения. Вместе с тем труд рационализаторов и изобретателей нуждается в дальнейшем усилении гарантий. Например, следует обсудить предложение, высказанное в литературе, о предоставлении изобретателям творческих отпусков так же, как и научным сотрудникам [см.: 4, с. 61].

Показатели, характеризующие состояние работы по использованию в производстве изобретений и рацпредложений, должны включаться в условия Всесоюзного социалистического соревнования, чтобы коллективы, которые действительно борются за совершенствование техники и технологии, за выпуск продукции, отвечающей современным требованиям, действительно были поставлены в наиболее привилегированное положение [см.: 2, с. 56].

Список литературы

1. Маркс К. Капитал. Т. 1. — Марк К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23, с. 348—381.
2. Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1972. 320 с.

3. Александров Н. Г. Социалистические принципы Основ законодательства СССР и союзных республик о труде. — «Сов. государство и право», 1970, № 10, с. 45—53.
4. Александров Н. Г. Повысить роль новаторов в социалистическом соревновании. — «Коммунист», 1973, № 5.
5. «Бюллетень Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы», 1974, № 9.
6. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 5.
7. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1974, № 2.
8. Гиндин Я. Из воспоминаний о Владимире Ильиче. — В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине. Соч. Т. 4. М., Политиздат, 1969, с. 152—168.
9. Каринский С. С. Оплата труда в промышленности. М., «Юрид. лит.», 1970. 196 с.
10. Панов В. Роль науки в условиях научно-технической революции. — «Полит. самообразование», 1975, № 1, с. 135—140.
11. «Радянське право», 1968, № 10, с. 104.
12. СП СССР, 1969, № 24.
13. Ставцева А. И. Правовые формы и методы перераспределения трудовых ресурсов в СССР. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук. М., 1973. 36 с.
14. Трудовое право и научно-технический прогресс. М., «Наука», 1974, 564 с.
15. «Труд», 1974, 12 янв.
16. Технический прогресс, соревнование и творчество масс. — «Коммунист», 1973, № 10, с. 3—11.

И. Ф. Прокопенко, канд. экон. наук, А. М. Задыхайло

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Современная научно-техническая революция несет с собой качественные перемены в технологии производства, энергетике, орудиях и предметах труда, научной организации труда и управления. Она оказывает глубокое влияние на облик работника, способствуя повышению его образовательного уровня, расширению научно-технического кругозора. Как предвидели основоположники научного коммунизма, процесс производства в обществе развитого социализма превращается из простого труда в научный, ставящий себе на службу силы природы и заставляющий их действовать на службе у человеческих потребностей [см.: 1, с. 208]. В связи с этим проблемы современной научно-технической революции, интенсивное развитие науки и техники стали объектами пристального внимания партии, важнейшей задачей ее экономической стратегии.

XXV съезд КПСС с творческих, марксистско-ленинских позиций подвел итоги теоретической и практической деятельности партии и народа за прошедший период, определил узловые проблемы развития экономики на современном этапе коммунистического строительства. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев указал, что и сегодня первоочередной задачей партии и народа остается ускорение научно-технического прогресса [см.: 6, с. 57]. Это не только центральная задача в развитии экономики, но и важнейшая политическая задача, поскольку именно

в этой области проходит главная линия экономического соревнования социализма с капитализмом.

Развитое социалистическое общество по сравнению с капитализмом располагает неоспоримыми преимуществами и возможностями для развития науки и использования ее в интересах трудящихся. Задачей исторической важности, стоящей ныне перед партией и страной, является органическое соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистического строя, ибо «только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество» [6, с. 58]. Осуществление этой задачи во многом зависит от того, насколько методы правового стимулирования научно-технического прогресса соответствуют потребностям дальнейшего развития науки и техники. В правовой литературе до сегодняшнего дня не совсем точно определяется сущность научно-технической революции, что, по нашему мнению, мешает четкому определению объекта правового регулирования. Поэтому в настоящей статье предпринята попытка охарактеризовать социально-экономические аспекты научно-технической революции.

Научно-техническая революция — сложный и динамичный общественный процесс, идущий по разным направлениям, главные из которых следующие: возрастание роли науки в жизни общества и превращение ее в непосредственную производительную силу, научная организация труда, производства и управления, сплошная электрификация народного хозяйства, комплексная механизация и автоматизация производственных процессов, химизация и интенсификация производства, а также широкое использование новых материалов, технологических процессов и новых источников энергии; широкое внедрение в производство вычислительной техники и пр. Эти направления тесно взаимосвязаны друг с другом, каждое в отдельности имеет сложную и многозвенную структуру. Стимулирование научно-технического прогресса оказывает воздействие на все стороны общественных отношений как базисных, так и надстроечных.

Проблемы научно-технической революции привлекают внимание представителей философской, экономической, правовой и других общественных наук. И если в недавнем прошлом преобладал упрощенный подход к определению ее сущности и места в системе общественных отношений, то теперь настойчиво пытаются дать всесторонний анализ с точки зрения содержания, факторов роста, последствий. По данной проблеме имеется обширная литература, в которой отдельные вопросы принципиально решены. Научно-техническая революция, ее сущность, перспективы развития и социальные последствия стали предметом острой идеологической борьбы. В определенной мере это объясняется тем непреложным фактом нашей действительности, что научно-техническая революция

не является каким-то автономным явлением в развитии науки и техники. Она — неотъемлемая часть охватившего весь мир революционного процесса перехода от капитализма к социализму. Именно эта сторона научно-технической революции превратно истолковывается буржуазными идеологами. Буржуазная интерпретация современной научно-технической революции и многих процессов, связанных с техническим прогрессом, сводится, главным образом, к идеализации их отдельных сторон с превращением последних в доминирующее начало, на основе которого выводится модель общества, обеспечивающего достижение полной гармонии классовых интересов. Не останавливаясь на рассмотрении отдельных буржуазных концепций, отметим, что их особенность заключается либо в одностороннем истолковании современной научно-технической революции, либо в эклектическом соединении различных по содержанию и значимости явлений [см.: 8, с. 260, 300]. Например, сторонники теории «технического детерминизма» утверждают, что развитие техники как элемента производительных сил создает противоречие между производительными силами, экономическими и другими общественными отношениями. По их мнению, оно разрешимо не в ходе социальной революции, а в результате развития самой техники, способной автоматически изменить структуру общественных отношений, в результате чего капиталистическое общество превратится в общество всеобщего благоденствия. Подобного рода идеи обосновываются в концепциях «технократии», теории «менеджеризма» и др., согласно которым все хозяйственные и политические вопросы общественной жизни могут быть решены благодаря искусству специалистов, руководителей крупных промышленных предприятий. В данном случае фетишизируется роль управления, способного, как некая сверхъестественная сила, изменить экономические законы общества [см.: 9].

Марксизм-ленинизм в оценке научно-технической революции исходит из того непреложного факта, что производительные силы не могут функционировать и развиваться в отрыве от той общественной формы, которая соответствует определенной социальной системе, т. е. вне системы производственных отношений, основанных на отношениях собственности. Именно производственные отношения, господствующие отношения собственности, и адекватные им надстроечные отношения оказывают самое непосредственное воздействие на производительные силы, на прогресс науки и техники.

Основоположники научного коммунизма рассматривали развитие науки и техники в неразрывной взаимосвязи с системой общественного производства, во взаимодействии его двух сторон — производительных сил и производственных отношений. Это закономерно, поскольку техника — важнейший элемент производительных сил, а производственные отношения — общественная форма ее использования. Влияние технического прогресса на социальную жизнь происходит опосредствованно — через производственные и другие общественные отношения. На основе такого подхода

к характеристике социально-экономических вопросов научно-технической революции В. И. Ленин сделал вывод о том, что развитие науки, техники при капитализме есть искусство усиления эксплуатации трудящихся, искусство выжимания пота, т. е. увеличения прибавочной стоимости [см.: 2, с. 19].

Социалистический строй обеспечивает реализацию достижений научно-технической революции в целях сознательного преобразования социальной действительности. «...Только социализм, — отмечал В. И. Ленин, — освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грязного капиталистического корыстолюбия» [3, с. 381]. Преимущество социализма обеспечиваются, прежде всего, благодаря господству общественной собственности на средства производства, выступающей адекватной основой прогресса науки и техники, процесса ускоренного их развития. Планирование развития науки и техники в общегосударственном масштабе; концентрация средств и научных работников на основных направлениях научно-технической революции; использование ее достижений в интересах трудящихся; отсутствие конкурентной борьбы между предприятиями, производственными объединениями и научными учреждениями — все это реальные и неоспоримые преимущества социализма, имеющие место благодаря господству социалистических производственных отношений. Производственные отношения являются основой, общественной формой, в которой осуществляется процесс приложения науки и техники к производству, развитие производительных сил в целом. Следовательно, коренные изменения в производительных силах, ход научно-технической революции, внедрение ее результатов в практику общественного производства, зависят от характера общественных отношений, определяющих возможности и перспективы их дальнейшего развития, способствуют ускорению темпов научно-технической революции или, наоборот, сдерживают ее.

Капиталистические производственные отношения объективно сдерживают процесс внедрения выводов науки, достижений технического прогресса, являются преградой для общественного прогресса в целом. Неизбежность антагонистических противоречий капитализма имеет своей исходной базой противоречие между достигнутым уровнем развития производительных сил и системой капиталистических производственных отношений. Научно-техническая революция, ускоряя рост производительных сил, выступая основой совершенствования всей общественной жизни, в этих условиях ведет к росту антагонистического несоответствия между ее возможностями и общественными условиями, исключающими их эффективную реализацию.

При анализе социально-экономической сущности научно-технической революции в качестве исходной предпосылки необходимо рассматривать изменения, происходящие как в производительных силах, так и в общественных отношениях, и, в первую очередь, экономических. Методологическую основу такого исследования со-

ставляет структурный анализ научно-технической революции, анализ динамики происходящих изменений в производительных силах и общественных отношениях. Исследование социально-экономической сущности научно-технической революции, а равно средств ее ускорения и последствий не может обойтись без глубокого политико-экономического анализа. Сложившаяся в ряде случаев упрощенная трактовка научно-технической революции как процесса, не подчиняющегося экономическим законам и движущим силам экономического развития, по справедливому замечанию профессора В. Г. Лебедева, создает у некоторых исследователей иллюзию возможности развития естествознания и техники вне господствующих общественных и, прежде всего, экономических форм [см.: 13, с. 102]. Подобный подход порождает взгляды, согласно которым теоретически оправдано определение сущности общественного производства через категорию «техника», т. е. без помощи политической экономии. Этим подчеркивается бесполезность экономической оценки достижений науки, техники как элементов производительных сил общества. Доведение таких иллюзий до крайности объективно может быть сопряжено с конструированием выводов наподобие тех, которые следуют из буржуазных технократических теорий.

Термин «научно-техническая революция» ввел Дж. Бернал. С тех пор прошло немало времени, но полного и адекватного содержанию научно-технической революции определения еще не дано. В большинстве случаев ее содержание как сложной категории раскрывается путем выявления коренных сдвигов в развитии науки, техники, производства и управления. Многофакторность современной научно-технической революции исключает возможность определить ее содержание с позиций отдельной отрасли науки. Только при объединении усилий ученых многих наук, направленных не на выработку диффиниций, а обеспечивающих по-настоящему комплексный подход к этой проблеме, возможны разработки, которые позволят глубже проникнуть в сущность, полнее и всестороннее оценить ее последствия, дать определение этому понятию в целом.

Комплексное исследование технико-экономических, психологических, социально-правовых и других аспектов научно-технической революции, с одной стороны, углубляет наши знания, а с другой — предотвращает односторонний подход к выбору средств стимулирования научно-технического прогресса.

Методологической базой для анализа современной научно-технической революции, ее направлений и последствий является марксистско-ленинское учение. Под революцией в самом широком смысле марксизм-ленинизм понимает коренные качественные изменения в тех или иных социальных структурах, процессах прогрессивного развития общества. «...Революция,—отмечал В. И. Ленин,— есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном...» [4, с. 222]. Революционные изменения могут протекать в самых различных системах, сторонах общественной

жизни: в общественно-политической и экономической (революции социальные, в сфере материального производства и др.), в сфере духовной жизни общества (культурная революция) и др. Таким образом, современную научно-техническую революцию можно определить как сложный динамический процесс, охватывающий совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных переворотов в различных областях жизни общества, с переходом к новым научно-техническим методам осуществления материального производства, изменяющим и преобразующим всю систему общественных отношений. Данное определение не может претендовать на исключительность. Однако оно содержит рациональное зерно, акцентирующее внимание на самом существенном в содержании этого общественного явления — новом качестве в развитии производительных сил, науки, коренных сдвигов в системе общественных отношений и, прежде всего, производственных отношений.

Задача права в целом и, в первую очередь, таких его институтов, как гражданское, трудовое, хозяйственное состоит в том, чтобы, закрепляя систему новых общественных отношений, складывающихся в процессе научно-технической революции, создавать простор для дальнейшего повышения эффективности производства. Развитой социализм обеспечивает широкие возможности для развертывания научно-технической революции, неуклонного роста его производительных сил. Для претворения этих возможностей в действительность требуется большая творческая работа всех трудящихся под руководством Коммунистической партии по реализации народнохозяйственных планов, включающих и коренные вопросы научно-технического прогресса. «Научно-техническая революция, — подчеркивалось на XXIV съезде КПСС, — открывает возможности радикального преобразования методов производства, создания принципиально новых... материалов, вызывает к жизни новые отрасли, обеспечивает невиданные ранее возможности повышения эффективности всей производственной деятельности» [5, с. 139—140]. Это сила, способствующая перерастанию развитого социализма в полный коммунизм. Основная проблема соединения достижений современной научно-технической революции с преимуществами социализма состоит, следовательно, в том, чтобы получить сплав науки и техники, способный повысить качество и эффективность общественного производства путем последовательного развития присущих социализму форм соединения. «Если мы хотим успешно продвигаться вперед, а мы, как страна, строящая коммунизм, должны все время идти впереди, — говорил Л. И. Брежнев, — то следует принять подлинно революционные меры и создать прочный, стойкий сплав науки и производства» [7, с. 25].

Практикой социалистического строительства подтверждается оправданность выработанного партией курса на крутое изменение ориентации и перенесения упора на интенсивные методы ведения хозяйства, обеспечивающего в короткий срок значительное повышение эффективности производства. Последовательное претворение в жизнь достижений современной научно-технической револю-

ции положительно сказалось на выполнении исторических решений XXIV съезда КПСС. Итоги девятой пятилетки свидетельствуют о том, что в успешном выполнении ее задач решающим звеном являлось последовательное соединение науки и производства. Благодаря этому фактору значительно возросла экономическая мощь страны, повысилась эффективность общественного производства. Научно-технический прогресс способствовал ускорению роста производительности общественного труда, укреплению материально-технической базы всех отраслей народного хозяйства, что позволило только в завершающем году пятилетки обеспечить экономию труда около 3 миллионов человек. В 1975 г. в производство внедрено 4 тыс. образцов новых типов машин, оборудования, аппаратов, приборов и средств автоматизации; освоено и начат выпуск 3 тысяч новых видов промышленной продукции. Благодаря широкому внедрению в практику достижений научно-технической революции модернизировано 146 тысяч единиц производственного оборудования; переведено на комплексную механизацию и автоматизацию около 5 тыс. участков, цехов, производств; установлено около 10 тыс. комплектов механизированных поточных и 1,8 тыс. автоматических линий, создано 800 систем автоматизированного учета, планирования и управления производством. Значительно повысилось качество выпускаемой продукции. За 1975 год государственный Знак качества присвоен 12 тыс. изделий [см.: 11].

Несмотря на значительные успехи в производстве, ускорение научно-технической революции остается одной из главных задач как с точки зрения сегодняшнего дня, так и долговременной перспективы. В условиях развитого социализма, когда все в большей мере проявляется роль науки как непосредственной производительной силы, во главу угла ставят уже не отдельные ее достижения, даже самые блестящие, а высокий научно-технический уровень всего общественного производства. Его обеспечение связано с активизацией всех трудящихся на ускорение реализации достижений современной научно-технической революции в производстве. Настоящий вопрос приобретает все большую актуальность, во-первых, потому, что только своевременная реализация может дать высокий эффект, а во-вторых, «несмотря на то, — подчеркивалось на XXV съезде КПСС, — что вопрос этот ставился неоднократно, ставился настойчиво, — узким местом и сегодня остается внедрение в производство достижений науки и техники» [6, с. 47]. В этой связи наряду с количественными показателями, характеризующими достижения науки и техники, необходим упор на их качественную сторону, на изыскание действительных форм и методов соединения науки с производством.

Соединение преимуществ развитого социализма с достижениями современной научно-технической революции ставит задачи первостепенной важности перед учеными общественных наук: концентрация сил и повышение эффективности научных исследований актуальных и перспективных проблем сущности и социально-эко-

номических последствий научно-технической революции, ускоренное внедрение ее достижений в практику коммунистического строительства.

Список литературы

1. Маркс К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857—1858 гг.). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. II, с. 5—406.
2. Ленин В. И. «Научная» система выжимания пота. — Полн. собр. соч. Т. 23, с. 18—19.
3. Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. — Полн. собр. соч. Т. 36, с. 377—386.
4. Ленин В. И. О значении золота теперь и после полной победы социализма. — Полн. собр. соч. Т. 44, с. 221—229.
5. Материалы XXIV съезда КПСС. М., «Политиздат», 1971. 320 с.
6. Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. М., Политиздат, 1976. 111 с.
7. Брежнев Л. И. В едином строю — к новым победам. Пребывание Л. И. Брежнева в Киеве 25—27 июля 1973 г. (Сборник). Киев, Политиздат Украины, 1973. 147 с.
8. Будавей В. Ю., Панова М. И. Экономические проблемы технического прогресса. М., «Мысль», 1974. 286 с.
9. Гвишиани Д. М. Социология бизнеса. (Критический очерк американской теории менеджмента). М., Соцэкгиз, 1962. 195 с.
10. Гвишиани Д. М. Организация и управление. М., «Наука», 1972. 536 с.
11. «Правда», 1976, 1 февр.
12. Экономические и социально-политические проблемы коммунистического строительства в СССР. Материалы научной конференции. М., «Мысль», 1972. 351 с.

Р. С. Павловский, канд. юрид. наук

XXV СЪЕЗД КПСС И РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ НАЧАЛ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

В успешном решении задач десятой пятилетки важную роль играют местные Советы депутатов трудящихся. Они повседневно занимаются развитием подведомственного хозяйства, социально-культурного и коммунально-бытового обслуживания, всеми другими вопросами, связанными с удовлетворением разнообразных запросов советских людей, обеспечивают укрепление законности и общественного порядка.

XXV съезд КПСС определил основные задачи местных органов государственной власти в современных условиях, пути повышения эффективности всей их многообразной деятельности. Одним из важнейших факторов, обеспечивающих возрастание роли местных Советов в зрелом социалистическом обществе, является совершенствование и неуклонное соблюдение демократических начал в их формировании, организационной структуре и работе. Проблема развития социалистического демократизма в деятельности Советов депутатов трудящихся все больше привлекает внимание государ-

ственно-правовой науки. Появились монографические и другие научные исследования, в которых на основе партийных решений, новейшего законодательства и широкого обобщения практики советского строительства освещаются многие актуальные вопросы развития демократических начал в организации и деятельности Советов и их управленческого аппарата [см.: 9—14]. Дальнейшее возрастание роли Советов депутатов трудящихся в осуществлении задач коммунистического строительства, необходимость повышения эффективности всей их деятельности в свете решений XXV съезда КПСС и октябрьского (1976 г.) Пленума ЦК КПСС настоятельно требуют новых широких исследований о развитии социалистического демократизма в советской представительной системе.

Советская социалистическая демократия воплощается, прежде всего, в Советах депутатов трудящихся, охватывающих своей деятельностью различные стороны политической, хозяйственной и культурной жизни, соединяющих все нити государственного управления. Сейчас в Советах свыше 2,2 млн. депутатов, среди которых почти 900 тыс. рабочих, более 600 тыс. колхозников, 245 тыс. представителей интеллигенции. Почти половина (48,1%) депутатов — женщины. В Советах представлены более 100 национальностей. За последние 15 лет общее число депутатов увеличилось на 40%. Состав органов власти постоянно обновляется. В местных Советах нынешнего созыва 44,8% депутатов избраны впервые. За время действия Конституции СССР (1936 г.) школу государственного управления в Советах прошло более 22 млн. человек. В своей работе Советы, их депутаты опираются на многомиллионный актив, на деятельную помощь и поддержку всех граждан. Одной из эффективных форм участия трудящихся в деятельности местных Советов являются, например, внештатные отделы (инструкторские, торговли, культуры, юридические и др.), а также инструкторы и инспекторы, работающие на общественных началах в исполкомах, в их штатных отделах и управлениях. Всего в исполкомах сейчас почти 7700 внештатных отделов. В штатных органах исполкомов работают свыше 426 тыс. общественников. Участие трудящихся в деятельности Советов, осуществлении государственной власти обеспечивает возможность наиболее полно и всесторонне использовать закономерности социализма в интересах развития экономики, удовлетворения материальных и духовных потребностей народа.

Основные начала социалистического демократизма, получившие отражения в формировании, структуре и деятельности местных Советов, сформулированы В. И. Лениным, который раскрыл сущность и особенности демократии социалистического типа как демократии рабочего класса и всех трудящихся и показал, что ее развитие составляет важнейшее условие ускоренного прогресса социалистического общества. Теоретические положения В. И. Ленина о социалистической демократии развиты в решениях съездов партии и других партийных документах, в актах высших государствен-

ных органов, в практике советского строительства. Вытекая из подлинно народной сущности Советской власти, основные начала социалистического демократизма неразрывно связаны между собой и в совокупности составляют ту политическую, правовую и организационную базу, которая определяет характер и направленность деятельности органов государственной власти, пути их развития и укрепления. В. И. Ленин учил, что главной отличительной чертой Советов является их постоянная связь с массами, опора на трудящихся, что это — власть, «исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли» [3, с. 381]. Раскрывая сущность Советской власти, В. И. Ленин показал значение и основные проявления принципа демократического централизма в системе Советов. Он считал, что в условиях советского строя органически сочетается демократически централизованное государственное руководство общественно-политической, хозяйственной и социально-культурной жизнью всей страны с самостоятельностью и инициативой масс, с активным участием широчайших масс в управлении. Большое значение В. И. Ленин придавал развитию различных форм участия масс в работе Советов, приближению органов власти к населению, укреплению законности, установлению и совершенствованию контроля за работой Советов и их управленческого аппарата со стороны трудящихся [см.: 1, с. 196, 199, 203—206; 2, с. 366]. В. И. Ленин неоднократно говорил о важном значении гласности и коллективности в работе Советов, а также их тесного сотрудничества с массовыми общественными организациями.

В условиях развитого социалистического общества совершенствование и неуклонное соблюдение демократических начал в работе Советов остается одной из важнейших задач в области государственного строительства. Л. И. Брежнев указывал на XXV съезде КПСС, что всестороннее развитие политической системы советского общества, охватывающее и социалистическую демократию, является важным направлением коммунистического строительства. Совершенствование социалистической демократии проявляется, прежде всего, в неуклонном обеспечении все более широкого участия трудящихся в управлении всеми делами общества, дальнейшем развитии демократических основ нашей государственности, создании условий для всестороннего расцвета личности. «В этом направлении, — говорил Л. И. Брежнев, — партия работала и будет работать впредь» [4, с. 65]. Направляя развитие социалистической демократии, КПСС исходит из того, что в СССР построено развитое социалистическое общество, наше государство стало общенародным, что в стране сложилась новая историческая общность — советский народ.

В решениях XXIII, XXIV и XXV съездов партии, в постановлениях ЦК КПСС по вопросам советского строительства намечены важные организационные меры по дальнейшему развитию разнообразных и эффективных форм участия трудящихся в работе Советов, укреплению принципа демократического централизма, рас-

ширению коллективности руководства и гласности. Определены условия для регулярной отчетности депутатов и исполнительных органов, усиления контроля за управленческим аппаратом, укрепления социалистической законности. Все это активизировало многогранную деятельность местных Советов, повысило ее эффективность и качество. Только в минувшем году местными органами власти рассмотрено на сессиях свыше 728 тыс. вопросов хозяйственного и социально-культурного строительства. В их обсуждении участвовали 1391215 депутатов (63,3%). На сессиях чаще используется право депутатского запроса — всего за год внесено около 64 тыс. запросов. Успехи, достигнутые местными органами власти в выполнении заданий девятого пятилетнего плана первого года десятой пятилетки, во многом обусловлены последовательным развитием в их работе демократических начал. Последовательному развитию социалистического демократизма в советском строительстве активно служат принятые по инициативе Политбюро ЦК КПСС законы о сельских, поселковых (1968 г.), районных и городских (1971 г.) Советах депутатов трудящихся [см.: 7, 1968, № 16, ст. 131; 1971, № 12, ст. 132—133; 8, 1968, № 28, ст. 177—178; 1971, № 29, ст. 242—243]. Значительную роль в этом выполняет также утвержденный по предложению XXIV съезда партии Закон о статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР (1972 г.) [см.: 7, 1972, № 39, ст. 347].

На XXV съезде КПСС отмечалось, что четкое определение прав и обязанностей депутатов, а также обязанностей государственных и общественных органов по отношению к ним принесло ощутимые результаты. По инициативе депутатов сейчас выдвигается и решается много важных вопросов. Большое значение имеет расширение зонами о местных органах власти их компетенции и материальных возможностей. «Работа местных Советов получила, как говорится, новое дыхание» [4, с. 66].

На основе партийных решений и учета многолетнего опыта советского строительства законодательные акты о местных Советах закрепили демократические принципы в обобщенном виде. В республиканских законах содержится специальная (первая) глава об основных принципах образования и деятельности местных органов власти. Законы четко определяют, что деятельность местных Советов строится на основе коллективности руководства, гласности, регулярной отчетности депутатов перед избирателями, исполнительных комитетов, их отделов и управлений — перед Советами и населением на основе широкого привлечения трудящихся к участию в работе Советов. Особо в законах установлено, что районные, городские Советы работают в тесном контакте с соответствующими органами общественных организаций, а сельские, поселковые Советы — с общественными организациями промышленных и сельскохозяйственных предприятий, колхозов, учреждений и других организаций, расположенных на территории. В соответствии с Законом о статусе депутатов статьи республиканских законов, закрепляющие демократические принципы деятельности местных

Советов, дополнены положением о том, что Советы могут заслушивать сообщения депутатов о выполнении ими депутатских обязанностей, решений и поручений Совета и его органов [см.: 8, 1973, № 45, ст. 402]. В обобщенном выражении демократические принципы деятельности местных Советов закрепляются в законодательном порядке впервые. Им придается особое значение как основе всей организационно-правовой работы органов власти, возрастания ее эффективности. Ранее действовавшие нормативные акты (например, положения о местных Советах) не содержали комплексных статей, специально фиксирующих демократические принципы (последние были отражены в различных статьях этих актов, определяющих порядок образования и формы организационно-массовой деятельности Советов). Законодательное закрепление демократических начал образования и деятельности местных органов власти свидетельствует о развертывании и совершенствовании социалистической демократии, как процессе, который является объективной и постоянной закономерностью развития политической системы советского общества. Законы о местных Советах установили действенные организационно-правовые гарантии, обеспечивающие осуществление и развитие этих принципов в повседневной работе местных органов власти, их управленческого аппарата. Они закрепляют и развивают демократический централизм как основу организационного единства всей системы представительных органов власти, решающего участия трудящихся в их формировании и деятельности, подчинения и подотчетности нижестоящих органов вышестоящим, закрепления за местными органами широких полномочий. Важнейшей гарантией этого служат нормы законов, определяющие, что Совет депутатов трудящихся решает в пределах своих прав все вопросы местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов трудящихся данной административно-территориальной единицы. Совет вправе принимать участие в обсуждении вопросов, относящихся к сфере деятельности вышестоящих органов власти.

Законы расширили компетенцию местных органов власти в планировании и распоряжении бюджетными ассигнованиями, в руководстве подведомственным хозяйством, расстановке кадров, регулировании землепользования и т. п. Возросли финансовые возможности местных органов власти. Так, в Украинской ССР бюджеты местных Советов увеличились с 2827775,7 тыс. руб. в 1961 г. 6508150,2 тыс. руб. в 1977 г. Усилены функции местных Советов в координации и контроле деятельности всех предприятий, учреждений и организаций, независимо от ведомственного подчинения. Наряду с этим законы установили определенную централизацию в системе и деятельности Советов, подчинение нижестоящих органов власти вышестоящим и обязанность последних руководить подчиненными Советами. Указанные гарантии создают надежные предпосылки для того, чтобы каждый местный Совет полностью реализовывал свою компетенцию, проявлял

самостоятельность и инициативу, а соподчинение органов власти характеризовалось подлинным демократизмом.

Для последовательного осуществления принципа широкого привлечения трудящихся к участию в работе местных Советов одной их первостепенных гарантий служит воспроизведение в законах принципов образования местных органов власти, закрепленных Конституцией. Выборы в местные Советы, проводимые на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, являются наиболее массовой формой участия трудящихся в осуществлении государственной власти. Они характеризуются растущей активностью масс, свидетельствующей о непрерывном развитии советской демократии, полном использовании гражданами своих политических прав.

Эффективной юридической гарантией привлечения трудящихся к деятельности местных Советов является также предусмотренная законами обязанность местных органов власти организовывать широкое участие граждан в решении вопросов местного и общественного значения. Наиболее важные вопросы государства Советы обязаны выносить на обсуждение собраний трудящихся по предприятиям, учреждениям и организациям, а также по месту жительства граждан.

Широкое привлечение трудящихся к участию в работе местных Советов достигается на основе их всестороннего контакта с местными органами общественных организаций. Гарантии тесного взаимодействия Советов с общественными организациями состоят в том, что представители общественности участвуют в сессиях, заседаниях исполкомов и постоянных комиссий, а органы общественных организаций представляют предложения к повестке дня сессий. Местные Советы направляют деятельность добровольных обществ и руководят работой органов общественной самодеятельности населения. Они призваны содействовать общественным организациям в осуществлении проводимых ими мероприятий. Обязанностью исполкомов является принятие мер по привлечению населения к участию в управлении государственными и общественными делами через органы общественной самодеятельности.

Значительное внимание в законах уделено обеспечению коллективности в деятельности местных Советов. Как и другие демократические принципы, на основе которых строится деятельность органов власти, коллективность руководства связана с подлинно народной сущностью советской представительной системы, с внутренней структурой Советов. Она проявляется в действенном участии депутатов, актива и широкого круга избирателей в подготовке, обсуждении и принятии решений, в организации их исполнения. Гарантии коллективности состоят в законодательном установлении периодичности проведения сессий, а также срока, в течение которого должна быть созвана первая сессия вновь избранного Совета. Законы определяют, что сессия Совета считается правомочной при наличии не менее двух третей общего количества депу-

татов. Вопросы на рассмотрение Совета вносятся его исполкомом, постоянными комиссиями и депутатами. Включение в повестку дня сессии того или иного вопроса производится только по решению Совета, принятому большинством общего числа депутатов Совета. Коллективность гарантируется также тем, что свои решения Совет принимает простым большинством голосов его депутатов, а в заседаниях могут участвовать депутаты других Советов и приглашение на сессию представители колхозов, совхозов, предприятий, учреждений и иных организаций, граждане. Для усиления коллективности в работе Советов важное значение имеет закрепление в законах их исключительной компетенции. Принцип коллективности руководства присущ не только деятельности Советов. На его основе работают их исполнительные комитеты и постоянные комиссии. Являясь по своей структуре коллегиальными органами, они решают большинство подведомственных вопросов коллегиально, простым большинством голосов общего состава. В законах установлены периодичность проведения заседаний исполкомов, постоянных комиссий, а также условия их правомочности. В заседаниях исполкомов и постоянных комиссий могут принимать участие с правом совещательного голоса депутаты, которые не являются их членами, а также представители государственных и общественных организаций, обществ трудящихся, органов общественной самодеятельности.

Рядом гарантий законы обеспечивают реализацию принципа гласности. Так, установлено, что соответствующие исполкомы в определенный срок сообщают депутатам и доводят до сведения населения время созыва и место проведения сессий, а также вопросы, выносимые на рассмотрение Советов. Заседания Советов проходят открыто и свои решения они принимают открытым голосованием. Исполкомы Советов обязаны довести решения в определенный срок до сведения исполнителей. Гарантией гласности является обязанность каждого Совета информировать население о своей деятельности, работе постоянных комиссий, исполкома путем регулярных выступлений перед трудящимися депутатов, работников исполкома, его отделов и управлений, а также в печати, по радио и телевидению. Исполком обязан знакомить постоянные комиссии с планами своей работы и содержанием решений вышестоящих органов.

В законах предусмотрены эффективные организационно-правовые гарантии регулярной отчетности депутатов перед избирателями, а исполнительных комитетов, их отделов и управлений — перед Советами и населением. Они воспроизводят установленную Конституцией обязанность депутатов отчитываться перед избирателями о своей работе и о деятельности Совета, определяют периодичность проведения отчетов депутатов (не реже двух раз в год), а также их обязанность информировать Совет об отчетах и поступивших предложениях избирателей. Предусмотрено также, что отчет депутата может быть проведен в любое время по требованию коллективов трудящихся и общественных организаций, реко-

мендовавших его кандидатом в депутаты, либо по требованию собраний избирателей по месту их жительства. На исполнительные комитеты законы возлагают обязанность оказывать депутатам необходимую помощь в их работе, в подготовке и проведении отчетов перед избирателями, информировать депутатов о деятельности Совета и его органов, о ходе выполнения планов хозяйственного и социально-культурного строительства, реализации наказов избирателей, о мерах, принятых по критическим замечаниям и предложениям депутатов, содействовать изучению депутатами законодательства, опыта работы Советов. Все это обеспечивает регулярную отчетность депутатов. В 1975 г. дважды выступали с отчетами перед избирателями 2098332 депутата (95,5%), по одному разу более 95 тыс. (4,4%) депутатов. По отчетам депутатов проведено свыше 3 млн. собраний избирателей.

Законы закрепляют обязанность исполкомов отчитываться о своей работе перед соответствующими Советами (не реже одного раза в год), а также на собраниях трудящихся. С отчетами перед Советом и его исполкомом на собраниях трудящихся обязаны выступать отделы и управления исполкомов. В 1975 г. на сессиях отчитались 50260 исполкомов (99,7%). Почти все исполкомы (99,6%) отчитались на собраниях граждан и в производственных коллективах. Всего по отчетам исполкомов проведено около 300 тыс. собраний, на которых присутствовало свыше 51 млн. человек. Кроме того, состоялось 92 тыс. собраний граждан, на которых отчитались отделы (управления) исполкомов (91,1%). В этих собраниях участвовало почти 17 млн. человек. Все это способствовало усилению контроля за деятельностью органов управления, повышению ее эффективности.

Законы содержат ряд гарантий, усиливающих осуществление принципа социалистической законности в деятельности местных Советов. Они четко определили систему правовых актов, которыми руководствуются в своей работе местные органы власти, и расширили их полномочия в области обеспечения социалистической законности, охраны государственного и общественного порядка, прав граждан. Установлено, что Совет в случае невыполнения его предписаний руководителями предприятий, учреждений и организаций вышестоящего подчинения, вправе входить в соответствующие вышестоящие органы с представлениями о привлечении этих руководителей к дисциплинарной ответственности.

Неуклонное соблюдение и последовательное развитие демократических начал в деятельности Советов обеспечивается рядом экономических, политических и идеологических условий. Огромный рост производительных сил страны и усиление ее могущества, развитие процесса стирания классовых различий и сближения наций, упрочение социально-политического и идейного единства общества, рост материального благосостояния и культурного уровня советских людей, неуклонное повышение их политической активности, сознательности и организованности являются основными объективными предпосылками, которые содействуют раз-

витию демократических принципов работы местных органов власти. Особое значение для неуклонного соблюдения и развития социалистической демократии имеет руководящая роль КПСС в Советах. Выработка и осуществление партийными органами мероприятий, направленных на повышение роли, активности и инициативы Советов в коммунистическом строительстве и усиление их связей с массами, укрепление советских органов квалифицированными и инициативными работниками, постоянный контроль за деятельностью органов власти, поддержка их инициативы и активности, внедрение ленинского стиля в советскую работу — все это создает широкую базу для углубления демократических начал в организации и деятельности Советов.

Новым могучим импульсом для дальнейшего углубления демократизма в деятельности Советов служат решения XXV съезда КПСС, наметившие основные задачи партии и направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы. Динамичное и пропорциональное развитие общественного производства, повышение его эффективности, ускорение научно-технического прогресса, неуклонный подъем народного благосостояния, дальнейшее улучшение условий труда и быта советских людей, повышение их культуры — все это объективные предпосылки дальнейшего совершенствования социалистической общенародной государственности и демократии, улучшения деятельности Советов.

Огромное значение для развития демократических начал в работе Советов имеет совершенствование политической системы советского общества. Как отмечалось на XXV съезде партии, в этом направлении сделано много, и теперь настало время обобщить то, что уже совершено в проекте новой Конституции СССР. Она отразит великие победы социализма, зафиксирует не только общие принципы социалистического строя, выражающие классовую сущность Советского государства, но также и основные черты развитого социалистического общества, его политической организации. Л. И. Брежнев указывал, что одной из основных особенностей проекта новой Конституции будет дальнейшее укрепление и развитие социалистической демократии. Намечается, в частности, установить более строгую систему отчетности всех исполнительных органов перед выборными органами власти [см.: 4, с. 104].

На XXV съезде КПСС говорилось о необходимости принять законы, определяющие компетенцию краевых, областных и окружных Советов. Это, несомненно, явится новым шагом вперед в дальнейшем повышении роли местных органов власти в руководстве хозяйственным и социально-культурным строительством, развитии демократических принципов во всей их работе. В документах XXV съезда КПСС указано, что Советы депутатов трудящихся призваны еще более активно влиять на развитие экономики и культуры, уделять неослабное внимание увеличению производства товаров для населения, благоустройству городов и сел, улучшению народного образования, здравоохранения, торговли, общественного питания и бытового обслуживания [см.: 6, с. 93].

Местным органам власти принадлежит активная творческая роль в создании территориально-производственных комплексов. Действенный контроль за строительством производственных предприятий, а также жилья, коммунальных и культурных объектов, школ и больниц, своевременность и синхронность их ввода в эксплуатацию, подготовка квалифицированных кадров специалистов массовых профессий — все это во многом зависит от деятельности советских органов [см.: 5, с. 57].

Развитие демократических принципов в работе местных Советов является одним из важнейших условий успешного выполнения задач, поставленных перед ними XXV съездом КПСС. Оно обеспечивается умело налаженной организаторской работой Советов всех звеньев, усилением руководства ими со стороны высших органов власти, обобщением и распространением передового опыта советского строительства. Вместе с тем полное осуществление демократических принципов в деятельности местных Советов достигается неукоснительным соблюдением требований законодательства. Практика показывает, что местные Советы, усиливая свое влияние на развитие общественного производства и социально-культурного строительства, строго руководствуются нормами законодательства, в том числе и теми, которые непосредственно гарантируют развитие демократических начал. Однако встречаются еще факты, когда некоторые Советы отступают от требований новых законов, неполностью используют свою компетенцию в сфере координации и контроля. Не всегда соблюдаются сроки отчетности депутатов перед избирателями, редко заслушиваются сообщения депутатов о выполнении ими обязанностей, решений и поручений Совета и его органов. Ряд исполкомов не доводит до сведения населения перечень вопросов, выносимых на рассмотрение Совета, не организует предварительное обсуждение проектов наиболее важных решений, недостаточно развивает инициативу органов общественной самодеятельности, слабо информирует население о повседневной работе органов власти. Не единичны и другие факты нарушения или неисполнения отдельных норм законодательства о местных Советах. Анализ показывает, что отступления от требований законов вызваны, прежде всего, отсутствием у ряда депутатов опыта, пробелами в организации контроля за соблюдением законов, слабым знанием их содержания депутатами, работниками управленческого аппарата Советов и руководителями предприятий, учреждений и организаций. Надо сказать и о притуплении чувства ответственности у отдельных руководителей исполкомов, их органов за исполнение требований законов о местных Советах.

Важно усилить требовательность к руководителям управленческого аппарата и депутатам в вопросах исполнений предписания законов, активизировать контроль за тем, как эти предписания соблюдаются, активнее разяснять содержание законов и внедрять передовой опыт советской работы. Представляется, что более эффективным должен быть и надзор прокуратуры за соблюдением законодательства. Депутаты призваны всесторонне опи-

ратся на помощь и поддержку актива Советов, общественных организаций, органов общественной самодеятельности, трудовых коллективов. Необходимо, чтобы государственные органы, предприятия, учреждения и организации, их должностные лица эффективнее содействовали депутатам в осуществлении их полномочий. Несомненно, все это благоприятно скажется на более полном всестороннем осуществлении демократических начал в деятельности местных Советов, позволит внести значительный вклад в выполнение решений XXV съезда КПСС.

Список литературы

1. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти. — Полн. собр. соч. Т. 36, с. 165—208.
2. Ленин В. И. набросок правил об управлении советскими учреждениями. — Полн. собр. соч. Т. 37, с. 365—368.
3. Ленин В. И. К истории вопроса о диктатуре. — Полн. собр. соч. Т. 41, с. 369—391.
4. Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС. М., Политиздат, 1976. 111 с.
5. Косыгин А. Н. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы. М., Политиздат, 1976. 64 с.
6. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы. М., Политиздат, 1976. 95 с.
7. «Ведомости Верховного Совета СССР».
8. «Ведомости Верховного Совета УССР».
9. Авакьян С. А. Правовое регулирование деятельности местных Советов. М., «Юрид. лит.», 1974. 232 с.
10. Азовкин И. А. Местные Советы в системе органов власти. М., «Юрид. лит.», 1971. 272 с.
11. Бутко И. Ф., Шемшученко Ю. С. Местные Советы и обеспечение социалистической законности. Киев, «Наукова думка», 1973. 232 с. (На укр. яз.).
12. Васильев В. И. Демократический централизм в системе Советов. М., «Юрид. лит.», 1973. 231 с.
13. Габричидзе Б. Н. Аппарат управления местных Советов. М., «Юрид. лит.», 1971. 240 с.
14. Местные Советы и неподведомственные организации. М., «Юрид. лит.», 1973. 200 с.

Л. Н. Кривоченко, канд. юрид. наук

КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Классификация преступлений представляет собой деление всех предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний на отдельные категории, обладающие специфическими признаками и влекущие определенные уголовно-правовые последствия. Такая классификация преступлений в Общей части имеет большое теоретическое и практическое значение [см.: 1, 5, 12]. Целью ее, прежде всего, является правильное и единообразное в своей основе применение важнейших институтов Общей части уголовного права к различным по тяжести преступлениям, четкая регламентация предусмотренных законом уголовно-правовых последствий. Анализ действующего законодательства позволяет установить непосредственную зависимость от классификации некоторых институтов назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности и наказания (например, определение видов ИТК, назначение лишения свободы в виде тюремного заключения, освобождение от уголовной ответственности с передачей дела на рассмотрение товарищеского суда или с передачей виновного на поруки; применение принудительных мер воспитательного характера). Четко регламентированная законом классификация преступлений, несомненно, могла бы во многом определять применение и других институтов Общей части, например, влиять на решение вопросов об ответственности за приготовление к преступлению, за прикосновенность к преступлению и пр. Классификация преступлений должна являться основой для индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Однако нельзя согласиться с высказанным в литературе мнением, что классификация преступлений, т. е. отнесение преступления к определенной категории, «влияет на выбор вида ответственности (уголовная, административная ответственность или ответственность перед

общественными организациями») [15, с. 61]. К какой бы категории не относилось преступление, оно находится в рамках общего понятия преступления, обладает всеми присущими ему признаками, и поэтому характерным последствием его является уголовная ответственность и наказание. Лишь при совершении некоторых преступлений, включенных законодателем в определенную категорию, в силу объективных и субъективных обстоятельств конкретного случая действительно возможно освобождение от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия. Так, в действующем законе возможность освобождения от уголовной ответственности с передачей в товарищеский суд или с передачей виновного на поруки связывается с совершением преступлений малозначительных или не представляющих большой общественной опасности (ст. 51 УК УССР, ст. 51, 52 УК РСФСР).

Принципиальное значение классификация преступлений должна иметь и для вопросов Особенной части. Прежде всего, она должна быть основой для построения санкций статей Особенной части, так как именно санкция является законодательной оценкой тяжести данного вида преступления [см.: 12, с. 46]. Кроме этого, предусмотренная в Общей части уголовного права классификация преступлений может определять построение и правильное применение отдельных норм Особенной части (например, ч. 2 ст. 125, ч. 2, ст. 174, ч. 2, ст. 178 УК УССР).

Непосредственное влияние рассматриваемая классификация преступлений оказывает на классификацию преступников, определяя ее содержание. Справедлив вывод В. Д. Филимонова о том, что «классификация преступников прежде всего основывается на классификации преступлений» [19, с. 15].

Обоснованно подчеркивают значение классификации преступлений для вопросов статистики, учета преступности, ее структуры [см.: 3, с. 122—123; 13, с. 72; 20, с. 104].

Наконец, классификация преступлений в Общей части имеет значение и определенного приема законодательной техники, исключающего необходимость использования в законе громоздких перечней преступлений при характеристике отдельных уголовно-правовых институтов. Еще Э. Я. Немировский, анализируя значение классификации, писал, что «проще обозначить одним общим названием все те статьи, при которых применяются одни постановления, чем перечислять их» [11, с. 54].

Однако несмотря на важность проблемы классификация преступлений не получила достаточной регламентации в действующем законодательстве. Прежде всего, следует отметить, что ни в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, ни в уголовных кодексах нет норм, определяющих понятие и значение классификации преступлений, категории преступлений, их уголовно-правовые последствия. Лишь одна категория — тяжкие преступления — получила свое определение

и конкретизацию в перечне преступлений (ст. 7¹ Основ, ст. 7¹ УК УССР).

Остальные категории (особо тяжкие, не являющиеся тяжкими, не представляющие большой общественной опасности, мало-значительные) фактически лишь называются применительно к характеристике отдельных институтов Общей части (см. например, ст. 10, 24, 25, 35, 51 УК УССР). Каких-либо критериев разграничения этих категорий закон не содержит. Все это свидетельствует, что классификация преступлений в действующем законодательстве только лишь намечена и требует серьезного совершенствования [см.: 6, 16].

Недостаточно исследована проблема классификации преступлений в теории уголовного права. Нет ни одной монографии, посвященной этой проблеме. Не рассматривалась она и в диссертационных работах. Лишь в последние годы вопросы классификации преступлений привлекли к себе определенное внимание [см.: 1—8, 12]. Высказано много интересных положений, касающихся как общих вопросов классификации преступлений, так и характеристики отдельных категорий преступлений. Однако и здесь среди юристов нет единства мнений. Достаточно сказать, что спорным является вопрос не только об отдельных категориях преступлений (классификационных единицах), но и об основаниях классификации. Между тем проблема классификации преступлений, как и любой другой классификации, требует, прежде всего, выяснения вопроса об основаниях классификации — классификационных критериях.

В советской юридической литературе предлагаются различные решения этого вопроса. Одни авторы критерием классификации считают степень общественной опасности преступления [см.: 9, с. 175; 17, с. 41]. Другие — общественную опасность определенного вида преступления в целом, т. е. ее характер и степень [см.: 6, с. 141; 16, с. 61, 12, с. 50]. Третьи — характер и степень общественной опасности конкретного, совершенного лицом преступления. Так, С. Степичев писал, что понятие менее тяжкого, тяжкого и особо тяжкого преступления следует определить «исходя не из общественной опасности того или иного преступления вообще, а из общественной опасности данного преступления, нашедшей свое индивидуальное выражение в размере наказания, назначенного судом виновному лицу» [14, с. 15]. Четвертые — в качестве критерия классификации предлагают учитывать общественную опасность как деяния, так и личности преступника [см.: 10 с. 14]. Иногда вообще считают невозможным установить единый критерий классификации, предлагая для отдельных групп преступлений использовать различные критерии. Так, по мнению Е. В. Болдырева, для одной группы преступлений имеет значение только характер общественной опасности, для другой — не только характер, но и ее степень, для третьей — помимо характера и степени общественной опасности преступления должны учитываться харак-

тер и степень общественной опасности личности преступника [см. 1, с. 95, 96; 4, 56, 67].

Очевидно, критерием любой классификации может выступать лишь такой признак, который, во-первых, отражает существо классифицируемых явлений, их единство, во-вторых, не исключает специфики каждого класса явлений, их различия.

Чтобы определить критерий, лежащий в основе классификации преступлений, необходимо исходить из существа преступления как социального явления, из основного материального признака, определяющего его содержание. Таким признаком является, как известно, объективная реальная опасность преступного деяния для социалистических общественных отношений. Деяние потому и признается преступлением, что оно причиняет либо содержит в себе реальную угрозу причинения вреда социалистическим общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Общественная опасность является общим материальным признаком всех преступлений, однако ее характер и степень в различных преступлениях не одинаковы. Это и дает возможность при единой сущности определить различия между отдельными преступлениями по их тяжести, дифференцировать их на определенные группы. В основу такой дифференциации должна быть положена общественная опасность преступления в целом, т. е. ее характер и степень, которые только в совокупности и могут определить действительную тяжесть преступления. При этом в качестве критерия классификации должны выступать общественная опасность не конкретного совершенного лицом преступления, а опасность данного вида преступления, предусмотренного уголовным законом, нашедшая свое отражение в признаках состава преступления. Опасность конкретного деяния, обусловленная не поддающимися обобщению индивидуальными объективными и субъективными обстоятельствами, не может быть положена в основу характеристики той или иной категории преступлений. Обстоятельства, отягчающие или смягчающие ответственность за совершение конкретного преступления, не включенные законодателем в характеристику состава, также не могут влиять на решение вопроса об отнесении преступления к той или иной категории. Поэтому следует согласиться с А. Б. Сахаровым, что законодательная классификация «отражает характер и степень общественной опасности в тех ее пределах, которые обусловлены, главным образом, содержанием признаков состава данного преступления» [12, с. 51].

Определение той или иной категории преступлений при их классификации должно включать общую, типовую характеристику объединяемых видов преступлений и не может исходить из характеристики опасности единичных, конкретных преступлений этого вида. Исходя из того, что «классификация преступлений есть отражение объективно существующего различия между ними» [12, с. 49], следует признать необоснованными предложения учитывать в качестве критериев классификации конкретное

наказание, назначенное приговором суда за совершенное преступление, а также характер и степень общественной опасности личности виновного. И общественная опасность личности преступника, и конкретное наказание, назначенное ему, дают не только объективную, но и субъективную оценку конкретного преступления и не могут поэтому влиять на объективную характеристику опасности других конкретных преступлений этого вида. Отнесение одного и того же вида преступления в зависимости от социально-политической характеристики субъекта в конкретных случаях к различным категориям, как неоднократно отмечалось авторами, было бы прямым нарушением принципа социалистической законности, принципа равенства всех перед законом [см.: 16, с. 69]. Общественная опасность личности преступника не может быть критерием классификации преступления еще и потому, что она сама определяется опасностью тех преступлений, которые совершаются субъектом, является производной от характера и степени этой опасности. Общественной опасности личности не существует вне общественной опасности преступления, «преступление прежде всего является критерием характера общественной опасности личности» [18, с. 225]. История советского уголовного законодательства убедительно показывает, что критерий общественной опасности деяния всегда являлся решающим для характеристики законодателем отдельных групп преступлений. Уже в первых декретах Советской власти направленность и содержание карательной политики, санкции декретов, подсудность дел зависели от отнесения преступлений к одной из двух категорий: 1) к контрреволюционным и приравненным к ним по тяжести другим преступлениям, 2) к преступлениям, являющимся проявлением пережитков прошлого. Такое деление наметилось уже в декрете «О суде» (№ 1) от 24 ноября 1917.

УК РСФСР 1922 г. в ст. 27 установил следующее деление всех преступлений в зависимости от характера и степени их опасности 1) преступления, направленные против установленных Рабочекрестьянской властью основ нового правопорядка, а также признаваемые ею наиболее опасными; 2) все остальные преступления. Не изменился критерий классификации несмотря на изменение круга преступлений, входящих в ту или иную категорию. и по Основным началам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. 2 которых различала преступления: а) направленные против основ Советского строя, установленного в Союзе ССР волею рабочих и крестьян и потому признаваемые ею наиболее опасными; б) все остальные. Так же решался этот вопрос и в уголовных кодексах союзных республик, в частности, УК УССР 1927 г.

Определение характера и степени общественной опасности как основного материального критерия классификации преступлений не исчерпывает рассматриваемой проблемы. Законодательная регламентация классификации преступлений предполагает выяснение определенных формальных критериев, которые являлись бы

конкретными показателями характера и степени общественной опасности и, по удачному выражению А. Б. Сахарова, были бы «сигналами» классификации [см.: 12, с. 49]. В качестве формальных критериев могут выступать только такие признаки, которые: во-первых, являются наиболее точными выразителями общественной опасности в целом, т. е. ее характера и степени; во-вторых, могут отражать специфику характера и степени общественной опасности каждой из предусмотренных классификацией категории преступлений, т. е. иметь определенную градацию; в-третьих, могут быть исчерпывающим образом определены.

Анализ понятия общественной опасности и признаков, в которых она выражается, позволяет сделать вывод, что этим требованиям в наибольшей мере удовлетворяет законодательная санкция. Именно в характере и размере санкции наиболее полно выражается оценка законодателем тяжести преступления определенного вида [см.: 2, с. 178]. С другой стороны, анализ и обобщение санкций конкретных видов преступлений дает возможность наметить такие их пределы, которые являются характерными, типовыми, для определенной группы преступлений в целом. Они-то, являясь отражением характера и степени общественной опасности, типичной для определенной категории преступлений, выделяемой в классификации, выступают ее формальными критериями. Это может быть определенный вид наказания, либо минимальные и максимальные сроки определенного вида наказания, либо сочетание различных видов наказания. Например, в качестве формального критерия для одной категории может быть указано лишение свободы на срок от шести до десяти лет; для другой — лишение свободы на срок до двух лет или другие виды наказания, не связанные с лишением свободы. Первая попытка классификации на основе сочетания материального и формального критериев была установлена в ст. 27 УК РСФСР 1922 г. С 1-й категорией преступлений («направленных против установленных Рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка, или признаваемых ею наиболее опасными») она связывала санкции «не ниже» определенного предела наказания; а со 2-й («все остальные преступления») — санкции «не выше» определенного законом предела.

Однако роль формального классификационного критерия санкция может выполнить тогда, когда она сама есть результат, следствие научно-обоснованной классификации преступлений, результат наиболее точной оценки законодателем характера и степени общественной опасности конкретных видов преступлений. Только в этом случае сама санкция будет служить обоснованным показателем отнесения преступления к определенной категории.

Анализ санкций в действующем законодательстве, как справедливо подчеркивают многие авторы [см.: 1, 3, 6, 12], свидетельствует, что такое соответствие между ними и названными законодателем категориями преступлений в настоящее время не достигнуто. Достаточно указать на санкции некоторых преступлений, отнесенных к категории тяжких. В соответствии со ст. 7¹ УК УССР

к тяжким относятся, например: хищение путем кражи, совершенное в крупных размерах или особо опасным рецидивистом (ч. 3 ст. 81 УК УССР) — санкция от пяти до 15 лет лишения свободы; умышленное уничтожение государственного или общественного имущества при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 89 УК УССР) — санкция до 10 лет лишения свободы; злостное хулиганство (ч. 2 ст. 206 УК УССР) — санкция от одного года до пяти лет лишения свободы; спекуляция при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 154 УК УССР) — до шести лет лишения свободы. Как видно из этих примеров, какой-либо закономерности в пределах санкций выявить нельзя. Не касаясь вопроса о характеристике категорий преступлений, необходимо сказать, что рассмотренные критерии классификации — характер и степень общественной опасности преступления и санкция — должны быть едиными для всех категорий преступлений, выделяемых в законодательной классификации. Необоснованной является попытка построить классификацию на основе различных критериев для каждой категории преступлений [см.: 1, с. 95; 4, с. 56].

Список литературы

1. Болдырев Е. В. Законодательное закрепление классификации преступлений по признаку общественной опасности. — «Учен. зап. Вsesоюз. науч.-исслед. ин-та Сов. законодательства». Вып. 22. М., 1970.
2. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1948. 311 с.
3. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., «Юрид. лит.», 1973. 284 с.
4. Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., «Наука», 1974. 231 с.
5. Кузнецова Н. Ф. Классификация преступлений. — «Сов. государство и право», 1967, № 6, с. 43—50.
6. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., Изд-во Моск. ун-та, 1969. 231 с.
7. Курляндский В. И. Неотвратимость наказания и борьба с преступностью. — «Сов. государство и право», 1972, № 9.
8. Курляндский В. И. Нужен ли кодекс проступков? — «Лит. газ.», 1972, 17 мая, с. 12.
9. Курс советского уголовного права. Часть Общая, Т. 1, Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 642 с.
10. Михлин А. Каким должно быть понятие тяжкого преступления. — «Сов. юстиция», 1969, № 12, с. 14—15.
11. Немировский Э. Я. Советское уголовное право. Часть Общая и Особенная. Одесса, 1925.
12. Сахаров А. Б. О классификации преступлений. — В сб. Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. М., «Юрид. лит.», 1972, с. 42—55.
13. Серебрякова В. Обсуждение проблем уголовной статистики. — «Соц. законность», 1964, № 12.
14. Степичев С. Перечень преступлений или размер наказания. — «Соц. законность», 1968, № 1, с. 14—15.
15. Советское уголовное право. Часть Общая. М., «Юрид. лит.», 1972. 577 с.
16. Советское уголовное право. Общая часть, М., Изд-во Моск. ун-та, 1974. 441 с.
17. Уголовное право БССР. Часть Общая. Минск, Изд-во Белорусского ун-та, 1973. 361 с.
18. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, Изд-во Томского ин-та, 1970. 276.

19. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Томск. Изд-во Томского ун-та, 1973. 153 с.
20. Шляпочников А. С. О создании единого учета преступности — «Сов. государство и право», 1965, № 9.

В. А. Ломано, канд. юрид. наук

ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИ УСЛОВНОМ ОСУЖДЕНИИ

Вопрос о механизме и путях осуществления целей наказания, в том числе и при условном осуждении, сложный и в литературе мало изучен.

Наказание представляет собой меру государственного принуждения, которая применяется на основании закона лишь по приговору суда к лицам, виновным в совершении преступления. Именно в наказании находит свое выражение отрицательная оценка совершенного преступления и лица, которое это преступление совершило. Поскольку условное осуждение предполагает обязательное назначение наказания в виде лишения свободы или исправительных работ, то и здесь оценка совершенного преступления и личности виновного выражается в избранной судом по делу мере наказания.

Применяемое судом наказание направлено на достижение указанных в ст. 22 УК УССР целей. Хотя пути и методы их достижения различны, они могут обеспечиваться только применением тех наказаний, исчерпывающий перечень которых содержит ст. 23 УК УССР. Что же касается условного осуждения, условно-досрочного освобождения и некоторых других институтов уголовного права, то они изменяя в определенной мере механизм воздействия назначенного наказания, лишь способствуют достижению целей наказания. Выяснение этих особенностей предполагает прежде всего анализ целей наказания и путей их осуществления. Проблема целей наказания до сих пор вызывает в литературе полемику [см.: 6, с. 138; 8, с. 52; 12, с. 17—31]. На наш взгляд, предпочтительным является мнение тех авторов, которые, отстаивая двуединую роль наказания (его принудительное и воспитательное воздействие), решают эту проблему комплексно, исходя из того, что функции наказания многогранны. Это защита общества от преступных посягательств, которая немыслима без воздаяния за совершенное преступление; исправление и перевоспитание осужденных, превращение их в безопасных, полезных членов нашего общества. Это, наконец, предупреждение совершения преступлений в будущем. Такая постановка вопроса о целях наказания соответствует известному ленинскому положению о роли и соотношении убеждения и принуждения в социалистическом обществе. Выступая за использование принуждения в качестве необходимого метода перевоспитания, В. И. Ленин никогда не рассматривал его единственным методом борьбы с преступностью, он неоднократно требовал ра-

зумно сочетать его с методом убеждения. «Нам нужно государство, нам нужно принуждение. Органом пролетарского государства, осуществляющего такое принуждение, должны быть советские суды. И на них ложится громадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине» [1, с. 163].

Наказание согласно ст. 22 УК УССР «не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами». Таким образом, являясь наиболее острой формой государственного принуждения, наказание, помимо общей задачи борьбы с преступностью, преследует конкретные цели: кару преступника, его исправление и перевоспитание, частное и общее предупреждение. Такое понимание целей наказания соответствует смыслу ст. 22 УК УССР и самой природе этой меры государственного принуждения. Наказание всегда назначается как ответная мера государства за совершенное преступление, выполняет воспитательную функцию и вместе с тем предупреждает от совершения новых преступлений. Все эти цели находятся в органическом единстве, тесно взаимосвязаны между собой и обуславливают друг друга.

Применяя конкретное наказание, суд преследует цель покарать виновного, что необходимо и для защиты общества и для удовлетворения чувства справедливости потерпевшего и общества в целом [см.: 6, с. 138; 4, с. 27]. Признание кары в качестве цели наказания отнюдь не подрывает воспитательного и предупредительного значения наказания, так как она не является единственной целью наказания. Кара осуществляется путем лишения либо ограничения прав и интересов осужденного, причинения ему различных страданий и лишений (в том числе и моральных). В ней находит выражение отрицательная реакция общества на совершенное виновным преступление. Некоторые авторы отрицают кару как цель наказания, считая, что страдания и лишения причиняются виновному для того, чтобы обеспечить общепредупредительное воздействие наказания или только для достижения других целей [см.: 5, с. 101; 9, с. 40; 11, с. 141]. Такая трактовка умаляет принудительное значение наказания, не учитывает, что цель «кары как раз и превращает наказание в одну из наиболее острых мер государственного принуждения. Без нее вообще не может быть уголовного наказания. Карательное воздействие — обязательный ответ государства на совершенное преступление. Поэтому испытываемые преступником ограничения, лишения и страдания выступают не только как свойство самого наказания и средство достижения других его целей, как утверждает И. С. Ной [см.: 8, с. 62—64], но и причиняются виновному в качестве защитительного воздействия общества в ответ на совершенное виновным преступление с целью удовлетворения морального чувства справедливости.

Однако не всякое принуждение, не всякое лишение и ограничение прав и интересов, применяемое к лицу, совершившему преступление, выполняет цель кары. Так, задержание подозреваемого в совершении преступления, как и применение в ходе предварительного следствия к обвиняемому соответствующей меры пресечения, являются мерами принуждения, но эти процессуальные меры не являются наказанием и поэтому, естественно не могут выполнять его цели.

В литературе высказаны различные суждения о путях осуществления целей наказания. По мнению Н. А. Беляева, признающего кару одной из целей наказания, она достигается только теми страданиями и лишениями, которые причиняются виновному при исполнении наказания [см.: 4, с. 59]. С такой ограничительной трактовкой вряд ли можно согласиться. Кара, как и другие цели наказания, достигается не только при исполнении наказания, ее осуществление начинается на более раннем этапе. Карательное и воспитательное воздействие наказания проявляется уже в самом факте назначения судом конкретного наказания. Назначение наказания — это один из действительных моментов проявления его карательного воздействия. Именно он в ряде случаев оказывает более осязаемое воздействие на осужденного, чем непосредственное исполнение наказания (например, при удержании из заработка, ограничении права места жительства при высылке, взыскании штрафа и т. п.). Само назначение наказания влечет для осужденного моральные страдания и лишения, позор и стыд, которые являясь неотъемлемой частью карательного воздействия наказания, надолго оставляют след в его сознании, одновременно способствуя тому, чтобы он осознал и искупил свою вину перед обществом.

Если принудительный момент присущ санкции уголовного закона, где он носит общий характер и проявляется, как справедливо отмечал В. С. Трахтеров, в угрозе лишения либо ограничения интересов и прав лиц, к которым она обращена [см.: 10, с. 3], то тем более кара проявляется в примененном судом наказании, где она обеспечивается не только исполнением, но и самим его назначением. Наблюдения за поведением многих осужденных в момент и после оглашения обвинительного приговора, их переживания при этом, моральное состояние и стыд перед окружающими подтверждают, что уже при самом назначении наказания проявляется не только воспитательное, но и карательное воздействие, в значительной мере достигается цель кары. Поэтому в одних случаях, например при определении виновному общественного порицания, для достижения цели кары достаточно лишь такого карательного воздействия. В других — при назначении лишения свободы, исправительных работ, ссылки, высылки для этого требуется более длительное воздействие наказания, почему оно и при исполнении продолжает причинять виновному те или иные страдания, лишения и ограничения его прав и интересов. Нельзя не учитывать и того, что уже при назначении наказания в зна-

чительной мере достигается цель удовлетворения чувства справедливости общества, против которого совершено преступление и оказывается большое воспитательное воздействие на осужденного и окружающих.

Однако принудительное воздействие наказания не сводится лишь к осуществлению цели кары. Наказание выступает и в качестве действенного средства достижения исправления и перевоспитания преступника. Исправление и перевоспитание как цель наказания состоит в том, чтобы путем активного принудительного воздействия на сознание преступника ликвидировать те пороки и отрицательные качества, которые привели к совершению преступления, воспитать в осужденном положительные черты характера, приобщить его к честной трудовой жизни [см.: 4, с. 41]. Возможность такого перевоспитания не вызывает сомнения. Человек не рождается нравственно испорченным. Черты его характера и личность в целом могут меняться в продолжение всей его жизни в зависимости от конкретных условий, уровня культуры окружающей его среды и качества воспитательных мер воздействия. Это в полной мере относится и к перевоспитанию осужденных, на формирование личности которых отрицательно сказываются влияние буржуазной идеологии, преступной среды, недостатки и упущения в работе школ и воспитательных учреждений, пьянство, стяжательство, нечестность и пр. Исправление и перевоспитание как раз и ставят задачу путем влияния новых положительных и устранения прежних отрицательных факторов добиться возвращения преступника к полезной трудовой жизни. «В условиях социализма,— указывается в Программе КПСС,— каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к полезной деятельности» [3, с. 106]. Для этого требуется умелое использование всего многообразия средств и приемов, которыми располагают органы, осуществляющие борьбу с преступностью. Одним из таких средств и является наказание, которое применяется не только в зависимости от тяжести содеянного, но и с учетом того, как оно будет способствовать исправлению и перевоспитанию осужденного. В одних случаях эта цель может быть достигнута суровыми мерами, связанными с длительным пребыванием виновного в режимных условиях, в других — путем применения наказаний, исполнение которых не связано с изоляцией осужденного от общества, т. е. не требующих воздействия на него режима мест лишения свободы. Наконец, практика борьбы с преступностью подтвердила, что для определенной части осужденных исправление и перевоспитание равно, как и другие цели наказания, могут быть достигнуты и без исполнения назначенного наказания. Это определяется самой природой наказания и его возможностями оказывать принудительное и воспитательное воздействие на виновных уже с момента назначения наказания. Поэтому для лиц, совершивших менее опасные преступления, нередко можно ограничиться и тем карательным воздействием наказания, которое оказывает сам факт его назначения. В таких случаях суд может уменьшить дальнейшее кара-

тельное воздействие наказания путем применения, например, условного осуждения, при котором сохраняется угроза реального исполнения наказания при нарушении условий испытания и продолжается воспитательное воздействие на осужденного, что способствует его исправлению и перевоспитанию. Аналогичное положение имеет место и при условно-досрочном освобождении или замене наказания более мягким, когда суд, убедившись в исправлении осужденного, в значительной мере уменьшает продолжительность и характер карательного воздействия назначенного наказания.

Цель частного предупреждения заключается в предотвращении совершения новых преступлений со стороны осужденного. Она достигается не только при исполнении наказания, когда лицо поставлено в такие условия, которые в значительной мере препятствуют или полностью лишают возможности совершать новые преступления, но и путем устрашения наказанием. Такое воздействие оказывает сам факт осуждения, а также потенциальная угроза ухудшения участи осужденного в случае совершения нового преступления, в том числе и угроза реального применения наказания, назначенного при условном осуждении. Однако воздействие этих факторов ограничено определенными сроками, а закон требует, чтобы лицо вообще не совершало в будущем новых преступлений. Это возможно лишь тогда, когда будет достигнута цель исправления и перевоспитания осужденного, когда несовершенство преступлений превратится в норму его поведения. В этом, в частности, и находит свое выражение обусловленность целей наказания, их взаимосвязь.

Цель общего предупреждения — предотвратить совершение преступлений другими неустойчивыми лицами. Она достигается путем обнародования уголовных законов, санкции которых предупреждают о наказании всякого, кто нарушит эти законы; публичного осуждения виновного, назначения наказания и его исполнения. Угроза неизбежностью наказания и его реализация в отношении лиц, совершивших преступления, является средством устрашения тех антиобщественных элементов, которые способны совершать преступления. Именно устрашение карой способно удержать таких лиц от совершения преступлений. Причем устрашающее воздействие заключается не только в суровости наказания. Главное, чтобы у людей не сложилось мнение о безнаказанности, чтобы общее предупреждение обеспечивалось любым наказанием независимо от его строгости. В. И. Ленин, говоря, например, о фактах волонкиты, указывал, что такие дела надо «выносить на публичный суд не столько ради строгого наказания (может быть, достаточно будет выговора), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных» [2, с. 71].

Некоторые авторы иногда считают, что одни виды наказания рассчитаны на достижение целей общего предупреждения, другие — на достижение только целей специального предупреждения, что условное осуждение якобы полностью исключает возможность осуществления назначенным наказанием цели общего предупреждения.

дения [см.: 7, с. 79]. С этим трудно согласиться, так как общее и частное предупреждение тесно взаимосвязаны. Всякое наказание независимо от его вида, размера и способа применения обеспечивает все цели наказания, в том числе частное и общее предупреждение, осуществление которых в определенной мере достигается, повторяем, уже в момент его назначения. Этим и определяется возможность достижения целей наказания при условном осуждении. Применение условного осуждения значительно меняет механизм воздействия наказания и обеспечивает экономию карательных средств, используемых при достижении его целей.

Кара при условном осуждении осуществляется первоначально, как и во всех остальных случаях, посредством тех лишений и ограничений, которые причиняются виновному в момент назначения наказания. В дальнейшем карательное воздействие наказания ограничивается и проявляется в виде наличия судимости и существующей угрозы реального применения назначенного наказания. Те лишения, ограничения и страдания, которые причиняются исполнением наказания, исключаются из механизма его воздействия. В этом и находит проявление принцип экономии карательных средств. Особенность карательного воздействия и обеспечения цели кары при условном осуждении проявляется в том, что угроза реальным применением наказания носит более конкретный характер. В отличие от угрозы санкций уголовных законов, она направлена против конкретного лица — условно осужденного.

Таким образом, моральные страдания, стыд и позор перед окружающими, которые испытывает лицо при осуждении, ограничение прав и интересов, которые причиняет ему судимость, и наличие угрозы реального применения, назначенного наказания — это те факторы, посредством которых обеспечивается достижение цели кары при условном осуждении. Вместе с тем они выполняют не только карательную роль, но и влияют на исправление и перевоспитание виновного.

Исправление и перевоспитание условно осужденного достигается в определенной мере посредством того воспитательного воздействия, которое оказывает сам факт назначения наказания. В памяти условно осужденного надолго сохраняется процесс осуждения, что само по себе оказывает серьезное воспитательное воздействие, дисциплинирует его поведение в будущем. Сохранение угрозы реального исполнения назначенного судом наказания, наличие судимости, испытательный срок, влияние коллектива и контроль суда являются дополнительными факторами, способствующими достижению цели исправления и перевоспитания осужденного.

Следовательно, при условном осуждении воздействие наказания проявляется в сочетании цели кары с целью исправления и перевоспитания, причем воспитательному воздействию отводится решающая роль, оно усиливается за счет дополнительных воспитательных факторов. Именно в этом институте находит широкое воплощение политика нашего государства, направлен-

ная на смягчение карательного и усиление воспитательного воздействия на сознание лиц, совершивших менее опасные преступления. При минимальных затратах карательного воздействия, условное осуждение путем дополнительных воспитательных мер содействует искоренению отрицательных черт личности осужденного и воспитанию новых положительных качеств и навыков, помогает приобщить его к честной трудовой жизни без реального исполнения назначенного наказания. В этом и состоят особенности осуществления цели исправления и перевоспитания при условном осуждении.

Применение условного осуждения не исключает также предупредительного воздействия наказания. И в этом случае наказание обеспечивает цели специального и общего предупреждения. Условное осуждение лишь вносит некоторые изменения в средства их достижения. Предупредительное воздействие на условно осужденного в значительной мере оказывает сам факт осуждения, а также угроза реальным исполнением назначенного наказания. Практика воспитательной работы с условно осужденными показывает, что угроза реальным применением наказания выполняет активные предупредительные функции. Это подтверждают и результаты опроса условно осужденных, проведенного в Днепропетровске, Харькове, Запорожье, Полтаве, Николаеве, Кременчуге. Большинство опрошенных объяснили, что угроза отбытия наказания, боязнь оказаться в местах лишения свободы оказывают сдерживающее влияние на их поведение. Такая угроза удерживает осужденных от совершения новых преступлений и одновременно дисциплинирует их, воспитывает привычку вести честный трудовой образ жизни, т. е. способствует достижению цели исправления и перевоспитания. В этом проявляется взаимосвязь цели специального предупреждения с целью исправления и перевоспитания осужденных.

При условном осуждении имеет место и общепредупредительное воздействие наказания. Цель общего предупреждения обеспечивается здесь посредством назначения конкретной меры наказания и гласностью процесса осуждения. Этому способствует также установление испытательного срока и наличие угрозы реального применения наказания. Немаловажна в этом отношении и обязанность суда разъяснять осужденному и присутствующим значение избранной меры наказания, испытательного срока и тех последствий, которые могут наступить, если лицо не оправдает оказанного ему доверия. Угроза назначенным наказанием, а в отдельных случаях и ее реализация показывают, какая участь ожидает того, кто не оправдает доверия коллектива и суда, и удерживает от совершения преступлений неустойчивых граждан.

Помимо угрозы наказанием эффективное воздействие на сознание окружающих оказывают и меры воспитательного характера, которые применяются к условно осужденным. Постоянный контроль за их поведением, периодические обсуждения в коллективе,

влияние товарищей по работе одновременно дисциплинируют и других неустойчивых лиц. В связи с этим следует согласиться с теми, кто связывает общепредупредительное воздействие наказания не только с устрашением, но и с его воспитательным воздействием. Смягчение репрессивной силы наказания и усиление воспитательного воздействия отнюдь не мешает осуществлению цели общего предупреждения, которое, как правильно отмечает Н. А. Беляев, все более будет осуществляться не за счет устрашения тяготами и лишениями, а посредством воспитательного воздействия на сознание граждан [см.: 4, с. 68]. Поэтому и условное осуждение не уменьшает предупредительного воздействия наказания. Это воздействие обеспечивается порицанием от имени государства и сочетанием принудительного и воспитательного влияния на осужденного и окружающих. Однако при условном осуждении для достижения целей общего и специального предупреждения, равно как и других целей наказания, в большей мере используется воспитательное воздействие, а карательному отводится вспомогательная роль.

Применение условного осуждения, таким образом, способствует достижению целей наказания при минимальных затратах карательного воздействия и в то же время сохраняет возможность в предусмотренных законом случаях усилить его воздействие для успешного осуществления тех целей, которые ставятся перед наказанием.

Список литературы

1. Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». — Полн. собр. соч. Т. 36, с. 127—164.
2. Ленин В. И. В. А. Аванесову, Д. И. Курскому, А. Д. Цюрупе. — Полн. собр. соч. Т. 54, с. 71.
3. Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Политиздат, 1974. 144 с.
4. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 186 с.
5. Стручков Н. А. Проблема наказания в проектах общесоюзного и республиканского уголовного законодательства. — «Сов. государство и право», 1958, № 7, с. 99—104.
6. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., «Юрид. лит.», 1973. 286 с.
7. Кадари Х. Х. Условное осуждение по советскому уголовному праву. — «Сов. государство и право», 1956, № 11, с. 77—81.
8. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов. Изд-во Сарат. ун-та, 1973. 192 с.
9. Ременсон А. А. Является ли кара целью наказания. — «Труды Томского ун-та». Серия юридическая. (Сборник работ юридического факультета), 1959, с. 38—43.
10. Трахтеров В. С. О задачах наказания по советскому уголовному праву. «Учен. зап. Харьк. юрид. ин-та», 1955, вып. 6, с. 3—7.
11. Шаргородский М. Д. Вопросы общего учения о наказании в теории советского права на современном этапе. — «Сов. государство и право», 1961, № 10, с. 135—145.
12. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 160 с.

КОНКУРЕНЦИЯ НОРМ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМ
ПОЛОЖЕНИЕМ

Составы хищений путем злоупотребления служебным положением (ст. 84, 85 и 86¹ УК УССР)¹ представляют собой учтенную законодателем идеальную совокупность двух посягательств — хищения и злоупотребления служебным положением. Причем злоупотребление служебным положением введено в формулировки, включено в определения указанных преступлений в качестве обязательного признака их объективной стороны — способа хищения. Таким образом, здесь образуются сложные (составные) составы общественно опасных деяний [см.: 1, с. 26—27].

В тех случаях, когда один состав вводится в другой в качестве его признака, все содеянное, по общему правилу, квалифицируется как единое посягательство — в таких ситуациях первое преступление поглощается вторым.

На отмеченное обстоятельство в отношении хищений путем злоупотребления служебным положением обратил внимание, в частности, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 4 от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества», где предлагается подобные деяния квалифицировать только по статьям об ответственности за хищения. Не указав на необходимость применения дополнительной квалификации по ст. 170 УК РСФСР (ст. 165 УК), он исходил из того, что злоупотребление служебным положением в рассматриваемых составах поглощается хищением [см.: 7, с. 446].

Однако в конструкциях сложных составов во всех случаях должно соблюдаться следующее общее правило: поглощаемый состав (в анализируемом случае злоупотребление служебным положением — ст. 165 УК) не должен быть опаснее тех составов, которыми он поглощается (хищений — ст. 84, 85 и 86¹ УК). Иначе уголовно-правовая оценка посягательства не будет соответствовать фактической опасности содеянного и личности виновного. Это неизбежно вызовет необоснованное смягчение ответственности, создаст впечатление известной безнаказанности таких деяний, вследствие чего применение наказания уже не будет выполнять своего превентивного предназначения. Недопустимо, естественно, положение, когда закон, предусматривая за конкретное преступление определенное наказание, будет уменьшать его, если данное посягательство представляет идеальную совокупность с иным общественно опасным деянием. Более того, надо полагать, что сложный состав всегда имеет повышенную опасность по сравнению с каждым входящим в него преступлением в отдельности. Поэтому

¹ В дальнейшем УК УССР называется УК.

и наказание за сложный состав в законе должно устанавливаться более суровое, чем за каждое из образующих его посягательств, так как «составное преступление по существу является не чем иным, как специальным случаем учтенной законодателем совокупности преступлений» [2, с. 6].

Вот почему, например, устанавливая ответственность за умышленное тяжкое телесное повреждение (ч. 1 ст. 101 УК) в виде лишения свободы на срок от двух до восьми лет и за неосторожное убийство (ст. 98 УК) в виде лишения свободы на срок до трех лет или исправительных работ на срок до одного года, за учтенную законом идеальную совокупность этих деяний, образующих сложный состав умышленного тяжкого телесного повреждения, вследствие которого наступила смерть потерпевшего (ч. 3 ст. 101 УК), предусмотрено и более суровое наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до двенадцати лет.

Тем не менее указанное общее правило, как представляется, не выдержано в составах хищений, совершенных путем злоупотребления служебным положением. Известно, что ответственность за злоупотребление служебным положением наступает тогда (при наличии, разумеется, всех признаков состава), когда это посягательство причинило существенный вред государственным или общественным интересам или охраняемым законом правам и интересам отдельных граждан (ч. 1 ст. 165 УК). Названный ущерб может быть выражен, предположим, в том, что должностное лицо скрывает «хищение социалистического имущества или недостачу, возникшую из-за халатности. В таких случаях существенный вред государственным интересам будет заключаться в сокрытии этих преступлений от разоблачения» [6, с. 55]. Думается, в подобных ситуациях размер сокрытого хищения не может оказывать существенного влияния на признание в действиях должностного лица состава злоупотребления служебным положением. Здесь важен не размер ущерба, который может быть и небольшим, а факт сокрытия преступления, чем и причиняется вред нормальной деятельности советского государственного аппарата. Из сказанного очевидно, что если сокрытие должностным лицом хищения причиняет существенный ущерб государственным интересам, то непосредственное совершение хищения должностным лицом с использованием своего положения по службе тем более влечет за собой такие последствия.

Существенный вред, причиняемый злоупотреблением служебным положением, может, как известно, исчисляться и в упущенной выгоде [см.: там же, с. 64]. В этой связи следует заметить, что при совершении хищения путем злоупотребления служебным положением «возможны случаи, когда виновный, будучи должностным лицом... умышленно запутывает учет и отчетность, нарушает правильную работу предприятия, учреждения или похищает дефицитные и ценные материалы, сырье, оборудование и т. п., что ведет к срывам производства, простоям, невыполнению плана и другим тяжким последствиям, связанным с причинением крупного мате-

риального ущерба государству или общественной организации. В отдельных случаях, когда хищение совершается, например, путем завышения должностным лицом объема выполненных работ, установления в корыстных целях завышенных расценок и т. п., виновный может присвоить сравнительно небольшую сумму, однако общий ущерб, причиненный государству в результате незаконных выплат, может оказаться значительным» [4, с. 246—247]. Последствия, выраженные в упущенной выгоде, в подобных ситуациях не влияют на квалификацию хищения, размер которого может явиться основанием для оценки его, например, как мелкого [см.: 5, с. 10—12]. Однако такая упущенная выгода, без сомнения, соответствует понятию существенного вреда как признаку состава, описанного в ч. 1 ст. 165 УК.

Таким образом, злоупотребление служебным положением, включенное в составы хищений в качестве способа их совершения, в то же время содержит в себе признаки самостоятельного преступления — злоупотребления служебным положением, на что в советской юридической литературе уже обращалось внимание [см.: 3]. Вот почему, если это положение считать бесспорным, а его, по меньшей мере, нельзя отвергать в отношении всех фактов хищения, совершенного в такой форме, становится очевидной недостаточная четкость обрисовки этих посягательств в законе. Они определяются как «мелкое хищение ...путем ...злоупотребления служебным положением» (ч. 1 ст. 85 УК) и как «хищение... путем злоупотребления должностного лица своим служебным положением» (ч. 1 ст. 84 УК). Поэтому можно сделать вывод, что всякое злоупотребление служебным положением, явившееся способом хищения, охватывается составом последнего и самостоятельной квалификации не требует.

Именно так оценивают рассматриваемые деяния судебно-следственные органы. При обобщении практики по делам данных категорий в судах ряда областей Украинской ССР и некоторых районов Молдавской ССР за несколько лет нам не встретилось ни одного случая, когда бы хищения путем злоупотребления служебным положением, в том числе неоднократные мелкие хищения, совершенные должностным лицом, а также хищения этим способом, повлекшие за собой большой ущерб в виде упущенной выгоды, квалифицировались по совокупности преступлений.

Такое положение нельзя признать правильным, так как оно приводит к парадоксальным ситуациям. Ведь злоупотребление служебным положением, повлекшее, предположим, большой ущерб в виде упущенной выгоды, наказывается по ч. 1 ст. 165 УК лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года, а, например, мелкое хищение путем злоупотребления служебным положением, вызвавшее такие же последствия, влечет за собой по ч. 1 ст. 85 УК административное взыскание, либо применение мер административного или общественного воздействия, либо, наконец, может быть наказано лишением свободы на срок до шести месяцев или исправительными

работами на тот же срок или штрафом в размере до 100 руб. При-
чем, уголовная ответственность в последнем случае наступает
лишь при условии, что до совершения мелкого хищения должност-
ное лицо дважды в течение года подвергалось административному
взысканию либо мерам административного или общественного
воздействия за такие же деяния. Иными словами, сложный состав
мелкого хищения путем злоупотребления служебным положением,
который слагается из таких самостоятельных преступлений, как
мелкое хищение и злоупотребление служебным положением,
в законе расценивается как менее тяжкий, чем входящее в него
отдельное посягательство — злоупотребление служебным по-
ложением.

Аналогичная ситуация складывается и при квалификации хи-
щений путем злоупотребления служебным положением в значи-
тельных размерах, максимальное наказание за которое может
быть определено в виде лишения свободы на срок до четырех лет
или исправительных работ на срок до одного года с лишением
права занимать определенные должности или заниматься опреде-
ленной деятельностью на срок до трех лет или без такового (ч. 1
ст. 84 УК). Последствия же при таких хищениях, особенно при
ущербе, приближающемся к 2500 руб. и при наличии большого
вреда в виде упущенной выгоды, могут рассматриваться как зло-
употребление служебным положением приотягчающих обстоятель-
ствах, которое наказывается лишением свободы на срок до пяти лет
(ч. 2 ст. 165 УК). Таким образом, и здесь сложный состав хищения,
совершенного путем злоупотребления служебным положением, сла-
гающийся из таких самостоятельных составов, как хищение и ква-
лифицированное злоупотребление должностным лицом своим по-
ложением, в отдельных случаях признается менее тяжким престу-
лением, чем входящее в него посягательство, ответственность за
которое установлена в ч. 2 ст. 165 УК.

Но ведь очевидно, что хищения путем злоупотребления слу-
жебным положением могут поглощать злоупотребление служеб-
ным положением лишь тогда, когда оно в конкретной ситуации
само по себе не является более опасным деянием, чем указанное
хищение. Это имеет место, например, при совершении данных пося-
гательств в особо крупных и крупных размерах, при хищении
в значительных размерах, если последнее не повлекло большого
ущерба в виде упущенной выгоды, т. е. тяжких последствий и т. п.
В таких случаях все содеянное квалифицируется только по стать-
ям об ответственности за хищение путем злоупотребления служеб-
ным положением. Если же злоупотребление должностного лица
своим положением как способ хищения само по себе представляет
большую общественную опасность, чем это хищение, то виновный
должен нести ответственность по совокупности преступлений в со-
ответствии со статьей, предусматривающей наказуемость хищения
и ч. 1 или 2 ст. 165 УК.

В упоминавшемся Постановлении Пленума Верховного Суда
СССР по вопросам квалификации рассматриваемых посягательств

дается следующая рекомендация: «Злоупотребление должностного лица служебным положением, заключающееся в незаконном безвозмездном обращении с корыстной целью государственного или общественного имущества в свою собственность или собственность других лиц, должно рассматриваться как хищение и квалифицироваться по ст. 92 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик» [7, с. 446]. Из этой формулировки, как уже отмечалось, видно, что злоупотребление служебным положением всегда поглощается хищением, с чем, по изложенным выше основаниям, согласиться нельзя. Вот почему представляется целесообразным упомянутую рекомендацию Пленума дополнить указанием на ст. 96 УК РСФСР (ст. 85 УК), поскольку в ней предусмотрена ответственность за мелкое хищение путем злоупотребления служебным положением. Кроме того, следует указать, что хищение, совершенное путем злоупотребления служебным положением, квалифицируется только по ст. 96 или 92 УК РСФСР (ст. 85 или 84 УК) лишь тогда, когда само по себе злоупотребление служебным положением в конкретном случае совершения хищения этим способом, не представляет большей общественной опасности, чем данный вид хищения (мелкое или в значительных размерах). Если же злоупотребление служебным положением, выступающее в качестве способа хищения, представляет большую опасность, то оно не может поглощаться составом хищения и содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений ст. 86 или 92 и соответствующей части ст. 170 УК РСФСР [ст. 85 или 84 и соответствующей части ст. 165 УК]. Представляется, что подобное дополнение приведет к более правильной уголовно-правовой оценке данных преступлений, к применению наказания по правилам о совокупности преступлений, т. е. в полном соответствии с характером и степенью общественной опасности совершенного деяния и личности виновного.

Список литературы

1. Брайнин Я. М. Основные вопросы общего учения о составе преступления. Киев. Изд-во Киевского ун-та, 1964 (на украинском языке). 188 с.
2. Галиакбаров Р., Ефимов М. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права. — «Сов. юстиция», 1967, № 2, с. 6—7.
3. Здравомыслов Б. Должностные злоупотребления и хищение социалистического имущества — «Сов. юстиция», 1973, № 6, с. 18—20.
4. Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., «Юрид. лит.», 1974. 360 с.
5. Пинаев А. А. Преступления против социалистической собственности. Текст лекций. Харьков, 1973. 40 с.
6. Светлов А. Я. Борьба с должностными злоупотреблениями. Киев, «Наукова думка», 1970. 188 с.
7. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973. Изд-во «Изв. Советов депутатов трудящихся», 1974. 688 с.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ
В СОСТОЯНИИ СИЛЬНОГО ДУШЕВНОГО ВОЛНЕНИЯ

В статье 95 УК УССР устанавливается, что умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, внезапно возникшего вследствие противозаконного насилия или тяжкого оскорбления со стороны потерпевшего, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

1. Рассматриваемое преступление представляет собой менее опасный вид умышленного убийства. Ответственность в этих случаях смягчается с учетом особого психического состояния виновного, обусловленного поведением самого потерпевшего. Так, например, Н. совершила убийство своего мужа, который систематически пьянствовал, не давал денег, избивал ее, приводил домой других женщин. Однажды, напившись пьяным, он стал требовать, чтобы Н. удовлетворила его половую страсть противоестественным способом, а когда она отказалась, ударил ее ногами в живот. В ответ на это Н. кухонным ножом нанесла ему удар в грудь, причинив смертельное ранение. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УССР признала необходимым квалифицировать действия Н. по ст. 95, указав, что осужденная совершила убийство в состоянии сильного душевного волнения, внезапно возникшего в результате тяжкого оскорбления и противозаконного насилия со стороны потерпевшего [см.: 16, с. 85].

В соответствии с общими положениями советского уголовного законодательства совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, является обстоятельством, смягчающим ответственность (п. 4 ст. 40 УК УССР). В ст. 95 это общее положение конкретизируется — обстоятельство, по общему правилу смягчающее ответственность, превращается в обязательный признак данного состава преступления. Помимо этого признака для применения ст. 95 законодатель требует наличия еще ряда условий.

2. Состояние сильного душевного волнения, о котором говорится в ст. 95, — это состояние физиологического аффекта, представляющего кратковременную интенсивную эмоцию, занимающую господствующее положение в сознании человека, утрачивающего при этом в значительной мере (хотя и не полностью) контроль над своими поступками и способность руководить ими.

От физиологического аффекта следует отличать аффект патологический, при котором человек утрачивает способность сознавать свои поступки или руководить ими. При патологическом аффекте, являющимся одним из видов временного расстройства душевной деятельности, исключается вменяемость субъекта. Поэтому лишение жизни другого человека субъектом, находящимся в таком состоянии, уголовной ответственности в силу ст. 12 УК УССР влечь не может. Для решения вопроса о том, совершено ли деяние

в состоянии физиологического или патологического аффекта, следует назначать судебно-психиатрическую экспертизу. Любой аффект предполагает не вообще состояние волнения, а сильное душевное волнение. Отсутствие его исключает состояние физиологического аффекта и тем самым возможность применения ст. 95. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР не нашла состава рассматриваемого преступления в действиях Л., совершившего умышленное убийство своей сожительницы Я. Как было установлено, между Л. и Я. возникла ссора из-за того, что Я. поздно пришла домой и сказала, что встречалась с прежним сожителем. В процессе ссоры Л., решив убить Я., сходил на кухню, взял столовый нож, возвратился в комнату, закрыл дверь комнаты на ключ, а затем нанес Я. несколько ударов ножом, в результате которых Я. тут же скончалась. Верховный Суд признал, что все обстоятельства дела не дают оснований для вывода о том, что Л. действовал в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. В приведенном примере не вызывает сомнения, что Л. в момент ссоры и убийства испытывал определенное волнение. Однако элементы сильного душевного волнения установлены не были.

3. Для применения ст. 95 необходимо, чтобы сильное душевное волнение было вызвано противозаконным насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего. Только наличие этих поводов может свидетельствовать о том, что налицо данный состав. Если такое волнение было обусловлено другими обстоятельствами, состав рассматриваемого преступления отсутствует. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР не нашла состава рассматриваемого преступления в действиях Ч., убившей своего мужа Х. Как видно из материалов дела, Х., будучи в нетрезвом состоянии, заснул на берегу реки. Увидев его в таком виде и убедившись, что при нем нет денег, полученных им в тот же день, и часов, Ч. нанесла ему по голове множество ударов, от которых он скончался. Верховный Суд мотивировал свой вывод тем, что потерпевший никаких насильственных и иных противозаконных действий к осужденной не проявил [см.: 9, с. 7]. Верховный Суд РСФСР признал необоснованной квалификацию действий Г., убившего в состоянии опьянения А., как убийства в состоянии сильного душевного волнения, поскольку «...причиной возникновения между ними ссоры, а затем драки явилось не насилие со стороны потерпевшего и не тяжкое оскорбление с его стороны, а состояние алкогольного опьянения, в котором находились и осужденный и потерпевший» [10, с. 6].

4. Насилие может быть как физическим (нанесение ударов, побоев, причинение телесных повреждений, лишение свободы и т. д.), так и психическим (угроза причинить физический, моральный, имущественный вред и т. д.). Пленум Верховного Суда СССР признал противозаконным насилием действия Д., неожиданно дважды ударившего по лицу Е., который в связи с этим произвел в Д. несколько выстрелов [см.: 7, с. 14, 25, 94].

Насилие должно быть значительным, т. е. способным по своему характеру вызвать сильное душевное волнение, а также существовать реально, а не быть мнимым, существующим лишь в воображении субъекта.

Ст. 95 может быть применена лишь при условии, что насилие, вызвавшее сильное душевное волнение, было незаконным, противоправным. Умышленное убийство в состоянии физиологического аффекта, вызванного правомерными действиями в отношении виновного, не содержит состава рассматриваемого преступления. Так, совершение представителем власти или другим должностным лицом или даже отдельными гражданами законных действий, по необходимости сопряженных с насилием, но насилием правомерным (например, при задержании опасного преступника) не может рассматриваться как повод для возникновения сильного душевного волнения (см.: ст. 95).

5. Состояние физиологического аффекта может возникнуть и во время драки, будучи вызванным насилием со стороны одного из дерущихся. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 июня 1960 г. разъяснил, что «убийство в драке или ссоре само по себе не исключает возможность наличия обстоятельств, дающих основание рассматривать убийство как совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения» и что при наличии этого убийство в драке или ссоре должно квалифицироваться по ст. 95 [см.: 17, с. 475].

6. Противозаконное насилие по своему характеру может создавать у субъекта право на необходимую оборону. В этой связи возможны ситуации совершения убийства при превышении ее пределов и к тому же при наличии у виновного состояния физиологического аффекта, вызванного противозаконным насилием — нападением. Эти случаи необходимо отличать от тех, в которых имеются признаки только ст. 95. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне» говорится, что суды при отграничении убийства при превышении пределов необходимой обороны от умышленного убийства в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения должны иметь в виду, что «для преступлений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, характерно причинение вреда потерпевшему не с целью защиты и, следовательно, не в состоянии необходимой обороны. Кроме того, для преступлений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, обязательным признаком является причинение вреда потерпевшему именно в результате внезапно возникшего сильного душевного волнения... тогда как при совершении преступлений с превышением пределов необходимой обороны состояние сильного душевного волнения не является обязательным признаком» [17, с. 362—363].

Убийство, хотя и совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, но явившееся результатом

превышения пределов необходимой обороны следует квалифицировать не по ст. 95, а как убийство при превышении пределов необходимой обороны по ст. 97. Это объясняется тем, что законодатель считает убийство, предусмотренное ст. 97, менее опасным, чем рассматриваемое преступление. Поэтому в тех случаях, когда совершено убийство в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противозаконным физическим насилием, для квалификации действий виновного по ст. 95 необходимо, прежде всего, исключить возможность применения ст. 97. Если же лицо, находясь в состоянии необходимой обороны, лишает жизни того, кто совершил противозаконное физическое насилие, и не превышает при этом пределов необходимой обороны, уголовная ответственность в силу ст. 15 исключается вовсе. Так, Верховный Суд УССР не нашел состава преступления в действиях Б., осужденного за убийство Я. в состоянии сильного душевного волнения. Верховный Суд мотивировал это тем, что Б. действовал правомерно, защищаясь от угрожающего его жизни нападения группы хулиганов, среди которых находился Я. [см.: 15, с. 98].

7. Тяжким оскорблением является унижение чести и достоинства личности, выраженное в такой неприличной форме, которая с позиций социалистического правосознания (а не субъективной оценки самого виновного) считается особенно оскорбительной. Оскорбление может быть нанесено в устной или письменной форме или же путем действия. Как правило, тяжкое оскорбление сопровождает противозаконное насилие со стороны потерпевшего.

Не всякое оскорбление, предусмотренное ст. 126 УК УССР, является тяжким. Так, Президиум Верховного Суда РСФСР не нашел состава рассматриваемого преступления в действиях К., который нанес смертельные ранения П. за то, что последний в ответ на его приветствие заявил, что не желает знать «с мусором». Верховный Суд указал, что такое оскорбление не может быть признано тяжким [см.: 18, с. 93]. Вопрос о том, какое оскорбление считать тяжким, — это вопрос факта, разрешаемый судом в каждом отдельном случае с учетом всех конкретных обстоятельств дела. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении по делу С. указала, что «для правильного решения вопроса, явилось ли нанесенное оскорбление тяжким, вызвавшим сильное душевное волнение, должны быть исследованы все обстоятельства дела в их совокупности» [4, с. 38]. При этом следует учитывать и индивидуальные особенности личности виновного, например, его повышенную нервную возбудимость, связанную с состоянием здоровья.

8. Для наличия состава рассматриваемого преступления необходимо, чтобы противозаконное насилие или тяжкое оскорбление исходило именно от потерпевшего, т. е. от того, кто был убит. Действия лица, совершившего умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения, не могут быть квалифицированы по ст. 95, если душевное волнение было вызвано не потерпевшим, а действиями других лиц.

В случае, если виновный в состоянии физиологического аффекта умышленно убивает лицо, которое не совершило действий, вызвавших такое состояние виновного, и последний сознавал это, ответственность за убийство должна наступать на общих основаниях. От такого рода случаев следует отличать ситуацию, когда виновный, намереваясь убить лицо, вызвавшее у него своими противоправными действиями состояние сильного душевного волнения, по неосторожности убивает другого человека. Ответственность в этих случаях должна наступать по совокупности преступлений — за покушение на умышленное убийство в состоянии аффекта и за убийство по неосторожности, т. е. по ст. 17, 95 и 98. Именно так Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР квалифицировала действия К-на, покушавшегося на убийство К-ва и О. в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения и по неосторожности убившего невинную Ш. Как установлено по делу, О. и К-ов встретили К-на и избили его. Он вырвался от них и прибежал домой, однако О. и К-во, преследуя К-на, пришли к его дому, стали вызывать его для расправы, разбили стекло в окне дома. Находившаяся в доме больная мать К-на, услышав звон разбитого стекла, упала. К-н разволновался, схватил ружье, выбежал на улицу выстрелил в убежавших в сторону оврага О. и К-ва. В это время по склону оврага поднималась группа молодежи и среди них Ш., которая картечью была убита [см.: 11, с. 9—10].

Ответственность по ст. 95 не исключается, если виновный ошибся в личности потерпевшего, приняв его за то лицо, которое совершило противоправные действия, приведшие виновного в состояние физиологического аффекта. Так, Президиум Верховного Суда РСФСР признал наличие данного состава преступления в действиях Г., который в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения убил Ч., ошибочно приняв его за человека, пытавшегося перед этим изнасиловать его жену [см.: 11, с. 8—9].

9. Ст. 95 может быть применена и в тех случаях, когда противоправное насилие или тяжкое оскорбление, вызвавшее сильное душевное волнение у лица, совершившего убийство, были направлены не в его адрес, а совершены в отношении третьих лиц. Это могут быть лица, близкие виновному (например, лицо совершает убийство в состоянии аффекта, вызванного неправомерным насилием в отношении его ребенка), или даже для него посторонние (например, убийство в состоянии аффекта хулигана, избившего незнакому виновному беременную женщину).

10. Необходимым условием применения ст. 95 является внезапность сильного душевного волнения и умысла совершить убийство. Внезапность сильного душевного волнения означает, что оно возникает как немедленная ответная реакция на противозаконное насилие или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении по делу П. указал, что сильное душевное волнение виновного, вызванное неправомерными действиями потерпевшего, может быть признано смягчающим от-

ветственность обстоятельством при убийстве только в том случае, если это состояние возникло внезапно [см.: 1, с. 27; 6, с. 40; 13, с. 127]. Умысел совершить убийство у лица, находящегося в состоянии физиологического аффекта, должен также возникнуть внезапно. В связи с этим убийство в состоянии сильного душевного волнения не может быть заранее обдуманым. Нет состава рассматриваемого преступления в случаях, когда убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, было виновным задумано заранее, и этот умысел в создавшейся ситуации был осуществлен. Вместе с тем необходимость внезапности возникновения физиологического аффекта и умысла на убийство для применения ст. 95 вовсе не исключает существование неприязненных, враждебных отношений между убийцей и потерпевшим, относящихся к более раннему времени. Важно, чтобы умысел убить возник внезапно, в состоянии сильного душевного волнения, спровоцированного конкретными противозаконными действиями потерпевшего.

11. Состав преступления, предусмотренного ст. 95, имеет место лишь в том случае, когда внезапно возникший в состоянии аффекта умысел на убийство был немедленно приведен в исполнение. Имеется в виду то, что умысел убить реализуется в момент, когда виновный еще находится в состоянии сильного душевного волнения. Если же внезапно возникший в момент сильного душевного волнения умысел совершить убийство был реализован не сразу, а спустя определенный промежуток времени, когда состояние физиологического аффекта прошло, ст. 95 применена быть не может. В этом случае виновный действует уже не в состоянии аффекта, а по мотивам мести. Так, Пленум Верховного Суда СССР не признал наличие состава рассматриваемого преступления в действиях С., осужденного за убийство Г. в состоянии сильного душевного волнения. Пленум мотивировал это тем, что С. на неправомерные действия обидчика непосредственно не ответил насилием, а совершил целенаправленные подготовительные действия: забежал домой, рассказал жене, что его избили, собрал ружье, зарядил его патронами, выйдя из дома, прошел значительное расстояние, произвел предупредительный выстрел, а вторым выстрелом убил Г. «При таких обстоятельствах следует признать, что С. совершил убийство Г. с целью мести (за нападение на него) в состоянии простого возбуждения, а не в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения» [8, с. 9].

При определении продолжительного разрыва во времени между обстоятельствами, вызвавшими сильное душевное волнение, и убийством необходимо учитывать конкретные обстоятельства дела [см.: 5, с. 28]. Решающее значение имеет наличие состояния аффекта, которое может иметь место, несмотря на некоторый разрыв во времени между противоправными действиями потерпевшего и совершенным убийством. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала наличие убийства в состоянии сильного душевного волнения в действиях Д., убившего своего соседа Ф. Между Д. и Ф. сложились неприязненные отноше-

ния в связи с тем, что Ф. систематически наносил оскорбления Д., пытался изнасиловать его жену. Непосредственно перед убийством Ф., будучи пьяным, стал приставать к Д. Он заставлял Д. вернуть электрическую лампочку в коридоре коммунальной квартиры, цинично мотивируя свое требование тем, что ему, Ф., в темноте неудобно совершать половой акт с женой Д. После этого Д. вошел в свою комнату, зарядил охотничье ружье и, возвратившись на кухню, убил Ф., выстрелив ему в грудь одновременно из двух стволов. Верховный Суд согласился с заключением судебно-психиатрической экспертизы, признавшей, что «...Д. совершил преступление в состоянии сильного душевного волнения, обусловленного длительной психотравмирующей ситуацией, приведшей к невротическому срыву и завершившейся убийством Ф.» [12, с. 6—7].

12. При убийстве предусмотренном ст. 95, умысел может быть прямым или косвенным. Примером совершения рассматриваемого преступления с косвенным умыслом служит дело Г. Он убил В., который, будучи в нетрезвом состоянии, совершал хулиганские действия. Г. потребовал от В. прекратить хулиганить. В ответ В. ударил Г. два раза грязной фуражкой по лицу, Г., возмущившись, оттолкнул от себя В. и, когда он упал, ударил его ногой, поломав пятое ребро, что вызвало шок сердца и смерть. Народным судом Г. был осужден за умышленное убийство по ст. 94. По протесту заместителя Генерального Прокурора СССР президиум Донецкого областного суда переквалифицировал действия Г. по ст. 95, признав, что Г. совершил убийство в состоянии сильного душевного волнения, возникшего вследствие противозаконного насилия со стороны потерпевшего [см.: 19, с. 83—84].

13. Умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, не может квалифицироваться как убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, хотя бы в действиях виновного и содержались отдельные, указанные в законе, отягчающие обстоятельства [см.: 2, с. 35; 3, с. 39; 14, с. 91]. Так, например, если убийство в состоянии физиологического аффекта совершено с особой жестокостью, способом, опасным для жизни многих людей, женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, двух или более лиц, либо лицом ранее совершившим убийство, предусмотренное ст. 93, 94, особо опасным рецидивистом, то такое убийство следует квалифицировать по ст. 95.

Может возникнуть ситуация, когда виновный в состоянии сильного душевного волнения совершает умышленное убийство двух лиц: лица, совершившего в отношении виновного противоправные действия, и находившегося вместе с ним, человека, который никаких действий в отношении виновного не совершил. Ответственность в этом случае наступает по совокупности преступлений: убийство первого лица квалифицируется по ст. 95 и второго — по ст. 93 или 94.

1. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 3.
2. Там же, 1965, № 3.
3. Там же, 1966, № 5.
4. Там же, 1967, № 6.
5. Там же, 1969, № 5.
6. Там же, 1970, № 5.
7. Там же, 1973, № 3.
8. Там же, 1974, № 1.
9. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962, № 6
10. Там же, 1967, № 9.
11. Там же, 1973, № 1.
12. Там же, 1973, № 8.
13. «Радянське право», 1960, № 5.
14. Там же, 1966, № 10.
15. Там же, 1967, № 5.
16. Там же, 1968, № 1.
17. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1973. М., 1974. 540 с.
18. «Социалистическая законность», 1959, № 6.
19. Там же, 1963, № 1.

В. Я. Т а ц и й, канд. юрид. наук

ОТГРАНИЧЕНИЕ ЧАСТНОПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В практике применения ст. 150 УК УССР довольно часто возникают трудности, вызванные сложностью разграничения частнопредпринимательской деятельности со смежными преступлениями. К ним относятся, прежде всего, хищения государственного и общественного имущества и причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Сходство частнопредпринимательской деятельности и хищений государственного и общественного имущества определяется многими обстоятельствами. Как частнопредпринимательская деятельность, так и хищения государственного и общественного имущества являются корыстными преступлениями, поскольку совершаются с прямым умыслом и преследуют цель нетрудового дохода. Субъекты этих преступлений также могут совпадать — ими могут быть не только частные, но и должностные лица. Определенное сходство имеется и в признаках, характеризующих их объективную сторону. Эти обстоятельства вызывают затруднения в разграничении частнопредпринимательской деятельности и хищений социалистического имущества, в особенности в тех случаях, когда лица, работающие в социалистических организациях по обслуживанию населения, принимают заказы, выполняют работу, а деньги полностью или частично присваивают.

Решая здесь вопрос о квалификации преступления, необходимо исходить из того, что хищение имеет место только при изъятии государственного или общественного имущества из социалистических

фондов. Если же ущерб социалистической собственности причиняется иным путем, а не в результате противоправного и безвозмездного изъятия этого имущества из социалистических фондов, ответственность за хищение исключается.

Поэтому очень важно определить момент, когда получаемая работниками организаций или предприятий оплата за оказанные гражданам услуги поступит в социалистические фонды, и, таким образом, становится социалистической собственностью.

В литературе распространено мнение, что имущество следует считать поступившим в социалистические фонды с того момента, когда деньги были переданы в кассу организации или предприятия или уполномоченному на их прием лицу, и, следовательно, присвоение этих денег должно рассматриваться во всех случаях как хищение [см.:4, с. 87]. Действительно, внесение гражданами денег в кассу организации, оказавшей определенные услуги, свидетельствует, что эти деньги уже поступили в социалистические фонды. Но нельзя согласиться с тем, что передача этих денег уполномоченному лицу во всех случаях означает их поступление в социалистические фонды. До того момента, пока факт получения работником социалистической организации денег за оказанные гражданам услуги не оформлен документально (например, путем выписки соответствующей квитанции, оформления бухгалтерской ведомости и т. д.), они не могут рассматриваться как поступившие в социалистические фонды. Именно факт документального оформления (оприходования) поступающих от граждан денег определяет правовой статус этого имущества, означает, что оно принято и учтено государственной или общественной организацией. Присвоение в этом случае денег образует хищение государственного или общественного имущества и подпадает под признаки ст. 84 УК УССР. До момента же оприходования имущества оно не может считаться поступившим в фонды социалистической собственности, и его присвоение нельзя рассматривать как хищение.

Если при хищении ущерб отношениям социалистической собственности причиняется в результате изъятия имущества из социалистических фондов, то при частнопредпринимательской деятельности он в конечном счете, причиняется тем же отношениям социалистической собственности, однако, наступает лишь как следствие недополучения должного либо уменьшения хозяйственных и экономических свойств социалистического имущества. Таким образом, в рассматриваемых случаях эти преступления различны и по механизму причинения ущерба отношениям социалистической собственности.

Следовательно, присвоение работниками полученных от граждан денег за оказанные под прикрытием социалистических организаций услуги охватывается составом частнопредпринимательской деятельности только в том случае, если поступление этих денег не было оформлено документально. Ответственность по ст. 150 УК УССР наступает тогда, когда работник присваивает полученные за оказанные услуги от граждан деньги полностью, а равно, когда он

часть выполненной работы и полученной оплаты оформляет документально, а остальную сумму присваивает. Присвоение же полученных от граждан и оформленных документально денег необходимо квалифицировать как хищение государственного или общественного имущества по ст. 84 УК УССР. Так, Бойко и Саралин были признаны виновными в том, что они, работая фотографами Ковельского комбината бытового обслуживания, значительную часть заказов документально не оформляли, а полученные за выполненную работу деньги присваивали. Народный суд обоснованно квалифицировал их действия по ст. 150 УК УССР, так как они присваивали деньги, еще не поступившие в фонд предприятия, а для совершения преступления использовали форму социалистического предприятия [см.: 7].

Ответственность по ст. 150 УК УССР должна наступать независимо от того, имелась ли договоренность между заказчиком и исполнителем о том, что выполненная работа не будет документально оформлена, или виновный лично определил такой порядок оплаты. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 11 июня 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» разъяснил, что, как хищение, должны квалифицироваться и случаи «обращения в свою собственность денежных средств работником сферы обслуживания населения, полученных от заказчика по прејскуранту, за выполненную им работу с использованием сырья или материалов предприятия...» [1, с. 474]. Поэтому, если в действиях лица, занимающегося частнопредпринимательской деятельностью, одновременно содержатся и признаки хищения социалистической собственности, ответственность должна наступать по совокупности преступлений, т. е. по ст. 150 УК УССР и соответствующей статье гл. II Особенной части УК УССР.

Частнопредпринимательская деятельность и хищения социалистического имущества различны между собой также и по характеру получаемого виновным обогащения. Так, при хищении лицо получает доход без затрат собственного труда за счет противоправного безвозмездного обращения этого имущества в свою пользу по корыстным мотивам. При частнопредпринимательской же деятельности виновный выполняет определенную работу организационного или производственного характера с использованием форм социалистических организаций, предприятий или учреждений, что позволяет ему получать частнопредпринимательскую прибыль, т. е. такой доход, который явно не соответствует количеству и качеству вложенного труда. В отличие от хищений, уголовная ответственность по ст. 150 УК УССР наступает лишь при наличии не единичного (эпизодического) случая, а определенной системы (совокупности) действий, позволяющей рассматривать их как частную предпринимательскую деятельность.

Большое сходство имеет частнопредпринимательская деятельность и с таким преступлением против социалистической собственности, как причинение имущественного ущерба путем обмана или

злоупотребления доверием, ответственность за которое предусмотрена в ст. 87 УК УССР.

Сложность разграничения этих преступлений определяется значительным сходством форм и способов преступного поведения, механизмом причинения ущерба охраняемым законом объектам, характером субъективной стороны, свойствами субъектов и пр. Вместе с тем, вопрос о таком разграничении возникает практически не во всех случаях, а только при совершении преступления, предусмотренного ст. 87 УК УССР, в определенных формах. В юридической литературе нет единства в определении форм совершения рассматриваемого преступления [см.: 5, с. 158—163, с. 145—149]. Наиболее правильным представляется утверждение, что причинение имущественного ущерба с объективной стороны может быть совершено в трех формах: 1) незаконное использование социалистического имущества; 2) уклонение от уплаты обязательных платежей; 3) обращение в личную пользу платежей, которые должны были поступить от отдельных граждан государству или общественным организациям [см.: 6, с. 15].

Уклонение от уплаты обязательных платежей имеет место в тех случаях, когда сам виновный с помощью обмана или, злоупотребляя оказанным доверием, уклоняется от передачи социалистическим организациям своего собственного имущества, которое он обязан был им передать (например, уклоняется от уплаты налога, обязательных сборов, оплаты за пользование газом, электроэнергией и пр.). В то же время при совершении частнопредпринимательской деятельности у виновного подобного рода обязательства перед государством не возникают. Поэтому здесь отличительные признаки частнопредпринимательской деятельности и указанной формы причинения имущественного ущерба настолько очевидны, что трудностей в их разграничении практика не испытывает.

Значительно сложнее решается вопрос, когда причинение имущественного ущерба совершается путем незаконного использования социалистического имущества или путем обращения в личную пользу платежей, которые должны были поступить от отдельных граждан государству или общественным организациям. Ведь и при частнопредпринимательской деятельности виновные во многих случаях также используют (эксплуатируют) социалистическое имущество (например, станки на трикотажной фабрике для изготовления продукции в созданном для преступной деятельности специальном цехе). Равным образом при совершении преступления, предусмотренного ст. 150 УК УССР, субъект, как указывалось ранее, обращает в свою пользу платежи, которые должны были поступить от отдельных граждан социалистическим организациям (например, мастер радиотелье присваивает полученные от заказчиков деньги за выполненную в мастерской и не оформленную соответствующими документами работу).

Основное различие между частнопредпринимательской деятельностью и указанными формами причинения имущественного ущерба

необходимо проводить по признакам, характеризующим их объективную сторону. Решая этот вопрос, иногда исходят лишь из того, что частнопредпринимательская деятельность, в отличие от причинения имущественного ущерба, совершается с использованием форм социалистического предприятия, учреждения или организации и всегда предполагает «систему» действий, причиняющих вред социалистической системе хозяйства [см.: 2, с. 307].

Будучи правильными по существу, эти признаки во многих случаях не могут считаться достаточно универсальными для правильной квалификации рассматриваемых преступлений. Так, не только при частнопредпринимательской деятельности, но и при причинении имущественного ущерба деятельность виновных может быть скрыта формой социалистической организации. Действия кондуктора автобуса, который, например, выдает некоторым пассажирам уже использованные в рейсе билеты, а полученные за это деньги присваивает, необходимо квалифицировать по ст. 87 УК УССР, хотя его преступное поведение скрыто формой социалистической организации. Кроме того, и при причинении имущественного ущерба преступное поведение может характеризоваться совершенным целой системы действий. Так, например, проводник железнодорожного вагона может постоянно на протяжении длительного времени заниматься безбилетным провозом пассажиров, обращая полученные за это деньги в свою пользу, и его действия будут квалифицированы по ст. 87 УК УССР.

Изложенное заставляет отыскать и другие отличительные признаки, совокупность которых позволяет во всех случаях правильно решать вопрос о разграничении указанных преступлений.

Прежде всего, необходимо отметить, что в отличие от преступления, предусмотренного ст. 87 УК УССР, частнопредпринимательская деятельность всегда связана с выполнением определенной работы, которая позволяет виновному получать неосновательный доход. При причинении же имущественного ущерба деятельность субъекта преступления лишь в редких случаях связывается с выполнением определенной работы, а если виновный обращает в личную пользу платежи, которые должны были поступить от отдельных граждан государству или общественным организациям, он всегда получает доход без каких-либо затрат труда.

Исходя из этих соображений, трудно согласиться с распространенным в литературе мнением, что действия шофера такси, присваивающего деньги за перевозку пассажиров без включенного счетчика, необходимо квалифицировать по ст. 87 УК УССР [см.: 7, с. 164]. В данном случае лицо использует свое место работы в социалистической организации для получения незаконного дохода. Деятельность эта скрыта формой социалистической организации и внешне выглядит как вполне правомерная (лицо наделено функциями по обслуживанию пассажиров и расчету с ними, машина имеет специальные отличительные признаки и пр.). Вознаграждение, которое он получает за проделанную работу по перевозке пассажиров, не

эквивалентно затраченному труду. В действиях шофера имеются все признаки более тяжкого преступления — частнопредпринимательской деятельности. Не исключает ответственности по ст. 150 УК УССР и использование государственной техники для получения частнопредпринимательской прибыли. Более того, судебная практика подтверждает, что использование инструментов, оборудования, различных машин, принадлежащих социалистическим предприятиям, как раз и характерно для многих форм частнопредпринимательской деятельности. Так, стоматолог, совершающий рассматриваемое преступление, использует, например, необходимое медицинское оборудование учреждения, портной — швейные и раскройные машины, мастер радиоателье — станки для перемотки катушек трансформаторов и пр.

Кроме того, при причинении имущественного ущерба виновный получает доход не как результат платы за выполненную работу, а посредством обмана или злоупотребления оказанным доверием. Обман или злоупотребление доверием являются здесь обязательными признаками объективной стороны и выступают как своеобразные способы совершения этого преступления. При частнопредпринимательской деятельности виновные также могут использовать обман или злоупотребление доверием при совершении преступления. Однако в большинстве случаев обман или злоупотребление доверием используется при частнопредпринимательской деятельности не для получения неосновательного обогащения, а для осуществления преступления, его сокрытия и пр. Поэтому, например, действия проводника железнодорожного вагона должны квалифицироваться по ст. 87 УК УССР, а не по ст. 150, так как он никакой работы не выполнял, а неосновательный доход получил путем злоупотребления оказанным ему доверием. В то же время действия сапожника, допускающего бесквитанционную работу в ателье, необходимо квалифицировать по ст. 150 УК УССР, поскольку незаконный доход виновный получает за выполненную работу под прикрытием формы социалистической организации.

Обязательным признаком объективной стороны причинения имущественного ущерба является общественно опасное последствие, и в связи с этим преступление считается окончательным с момента наступления конкретного материального ущерба. При частнопредпринимательской же деятельности такой материальный ущерб во многих случаях отсутствует, а сами общественно опасные последствия этого преступления не являются обязательным признаком объективной стороны его состава. Так, например, такие материальные последствия отсутствуют в случае, когда лицо, занимающееся частнопредпринимательской деятельностью с использованием форм социалистической организации, выполняет работу по частным заказам, в нерабочее время, без использования оборудования, инструментов и материалов организации.

Частнопредпринимательская деятельность от причинения имущественного ущерба путем незаконного использования социалистического имущества отличается и тем, что она, являясь корыст-

ным преступлением, во всех случаях совершается за вознаграждение. И при незаконной эксплуатации социалистического имущества виновный его использует либо для выполнения определенной работы за вознаграждение, либо для изготовления продукции, реализация которой позволяет получить ему неосновательное обогащение в будущем. Незаконная же эксплуатация социалистического имущества при причинении имущественного ущерба может быть совершена и безвозмездно. Например, действия бульдозериста, причинившего существенный ущерб государственной организации в результате незаконной эксплуатации машины по выполнению работ для частных лиц, необходимо квалифицировать, при наличии других необходимых признаков, по ст. 87 УК УССР, хотя он и выполнял эту работу безвозмездно.

Только учет отмеченных признаков в их совокупности позволяет правильно решить вопрос о разграничении частнопредпринимательской деятельности от причинения имущественного ущерба и, следовательно, правильно применить закон при квалификации преступных действий виновных. Вместе с тем, не исключается и совокупность преступлений, предусмотренных ст. 87 и 150 УК УССР. Такая совокупность имеется там, где виновный в разное время или даже одновременно занимается и частнопредпринимательской деятельностью и совершает причинение имущественного ущерба. Например, лицо, занимающееся частнопредпринимательской деятельностью, причиняет существенный вред предприятию, используя его технику для изготовления продукции, ее перевозки и пр. Однако квалификация таких действий по совокупности необходима только в том случае, когда существенный ущерб организации наступил в результате поломки этой техники, ее значительного износа или других аналогичных действий, так как эти последствия не охватываются признаками ст. 150 УК УССР. В то же время, если ущерб социалистической организации выражался лишь в недополучении должного от эксплуатации техники в интересах частнопредпринимательской деятельности, такие действия полностью охватываются ст. 150 УК УССР и дополнительной квалификации по ст. 87 УК УССР не требуют.

Правильная квалификация рассмотренных в статье преступных действий позволяет не только дать правильную юридическую и социально-политическую оценку содеянному, определить справедливое наказание, но и верно решить вопрос о взыскании неосновательного обогащения или причинения ущерба, что не всегда учитывается в судебной практике. Так, в соответствии со ст. 440 ГК УССР ущерб, причиненный социалистической организации при совершении преступления в результате хищения или причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, должен быть взыскан в пользу этой организации, а размер неосновательного обогащения, полученный лицом, занимающимся частнопредпринимательской деятельностью, в соответствии со ст. 49 ГК УССР должен быть взыскан в доход государства.

1. Архив нар. суда г. Ковеля Волынской обл., 1968, дело № 375.
2. Лысов М. Д. Ответственность за частнопредпринимательскую деятельность по советскому уголовному праву. Казань, Изд-во Казанского ун-та, 1969.
3. Матышевский П. С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР. Киев, Изд-во Киевского ин-та, 1972. 201 с.
4. Панов Н. И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Харьков, 1973.
5. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1973 гг., М., Изд-во «Изв. Советов депутатов трудящихся», 1974.
6. Сирота С. И. Преступления против социалистической собственности и борьба с ними. Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1968.
7. Уголовное право. Часть особенная. М., «Юрид. лит.», 1968.

В. П. Тихий, канд. юрид. наук

КВАЛИФИКАЦИЯ ХИЩЕНИЙ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Успешная борьба с хищениями огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ (в дальнейшем данное преступление именуется хищением оружия), ответственность за которые предусмотрена в ст. 223 УК УССР и в соответствующих статьях УК других союзных республик, имеет важное значение в предупреждении других тяжких преступлений. В связи с тем, что в судебной практике отсутствовало единство в применении закона, Пленум Верховного Суда СССР впервые принял 20 сентября 1974 г. постановление «О судебной практике по делам о хищении огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, незаконном ношении, хранении, приобретении, изготовлении или сбыте оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ и небрежном хранении огнестрельного оружия» [см.: 1, с. 7—10]. В статье рассматриваются вопросы квалификации хищения оружия в соответствии с указаниями Пленума.

В литературе часто утверждается, что хищение оружия является двуобъектным преступлением, посягающим как на общественную безопасность, так и на социалистическую или личную собственность [см.: 4, с. 385]. Исходя из этого, некоторые авторы делают практический вывод, что отсутствие в деянии посягательства на отношения собственности и непричинение ей материального вреда исключает возможность квалификации деяния по ст. 223 УК УССР [см.: 6, с. 25—26]¹. Однако такое решение вызывает сомнение, так как хищение оружия, как правило, не связано с посягательством на отношения собственности. Например, отсутствует в уголовно-правовом смысле посягательство на собственность, когда стоимость похищенного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ чрезвычайно незначительна (например, похищено несколько патронов или граната либо списанное оружие, подлежащее уничтожению). Так по делу П., осужденного за хищение взрывчатых веществ, было установлено, что он совершил кражу одного патрона аммуниции стоимостью менее трех копеек. Если учесть, что стоимость ору-

¹ В дальнейшем будем называть УК УК УССР.

жия, боеприпасов и взрывчатых веществ, как правило, невелика, материальный ущерб при хищении данных предметов большей частью отсутствует. Нет также посягательства на собственность, когда оружие похищается у лиц, незаконно изготовивших или незаконно хранящих его после изготовления. Государство не признает за этими лицами права собственности на такие предметы. Эти предметы не являются и социалистической собственностью. Следовательно, при хищении оружия социалистической или личной собственности не всегда причиняется ущерб. Поэтому она при совершении анализируемого преступления может выступать лишь как факультативный объект, являющийся необязательным признаком преступления.

В то же время при прочих равных условиях очевидно, что хищение оружия, сопряженное с причинением ущерба собственности всегда опаснее, нежели такое же преступление, не связанное с посягательством на собственность. Потому это обстоятельство должно учитываться при назначении наказания. Хищение оружия в крупном или особо крупном размере (например, хищение ценного музейного или дорогостоящего охотничьего оружия) следует квалифицировать по совокупности преступлений, т. е. по ст. 223 УК и соответствующей статье об ответственности за хищение социалистического имущества в крупных или особо крупных размерах, так как именно такой квалификацией дается полная юридическая и социально-политическая оценка содеянному, что играет существенную роль при назначении виновному наказанию. Мы имеем в виду квалификацию хищения оружия, являющегося социалистической собственностью или личной, но находящегося на ответственном хранении у социалистических организаций. Хищение оружия, находящегося у граждан и принадлежащего им на праве личной собственности, независимо от его стоимости должно квалифицироваться только по ст. 223 УК.

Необходимым признаком состава рассматриваемого преступления является его предмет — огнестрельное оружие, боевые припасы и взрывчатые вещества. Они имеют специальное назначение, так как предназначены либо для поражения живой силы, либо для разрушения окружающей среды. Чтобы отвечать указанному требованию, эти предметы должны быть в момент хищения объективно пригодны для использования. Под пригодностью следует понимать такое их состояние, вследствие которого они могут быть использованы по своему назначению либо для этого могут быть приведены в надлежащее состояние (например, путем доделок, ремонта). Пленум Верховного Суда СССР в связи с этим указал, что при хищении неисправного оружия (боеприпасов или взрывчатых веществ) действия виновного могут быть квалифицированы по ст. 223 УК лишь в том случае, если виновный имел намерение и реальную возможность привести их в пригодное состояние [м.: 1, с. 8]. Поэтому правильно был осужден по ст. УК Д., за похищение из шахты трех кг. аммонита, хотя и неспособного к взрыванию ввиду большой его влажности, но обладавшего такой

возможностью при его подсушке. Подсудимый сознавал данное обстоятельство, так как по роду работы имел доступ к взрывчатым веществам, знал правила обращения с ними и рассчитывал именно таким образом привести похищенный им аммонит в пригодное для взрыва состояние. Если признаком пригодности в указанном значении предметы не обладают, то их использование не представляет угрозы общественной безопасности, и они не могут рассматриваться в качестве предмета анализируемого нами преступления. Хищение таких предметов может быть квалифицировано как преступление против собственности.

Перечень предметов преступления, предусмотренный ст. 223 УК, является исчерпывающим. Однако в практике наблюдались случаи необоснованного его расширения, в связи с чем Пленум Верховного Суда СССР в названном постановлении указал, что пневматические ружья, сигнальные, стартовые, стронтовые, газовые пистолеты, ракетницы, взрывпакеты и иные имитационно-пиротехнические и осветительные средства не относятся к предмету данного преступления [см.: 1, с. 8]. Естественно, что не могут рассматриваться в качестве предмета хищения оружия пугачи, детское игрушечное оружие, пистолеты-зажигалки и другие предметы, имеющие лишь внешнее сходство с оружием, но не обладающее признаком огнестрельности.

Специального внимания заслуживает вопрос об ответственности за хищение составных частей и деталей оружия. Хищение запасных частей к оружию, которые похищены одновременно с оружием, затруднений в квалификации вызвать не может. Части оружия в этом случае связаны единым назначением с самим оружием, предполагается их использование для бесперебойной работы последнего. Так, правильно по ст. 223 УК были квалифицированы действия М., который одновременно похитил три пистолета системы «ТТ» и три запасных обоймы к ним.

Сложнее решается вопрос при похищении частей оружия как самостоятельных предметов. Здесь надо различать три случая. Два из них решает Пленум Верховного Суда СССР. В первом — когда виновный похищает отдельные части и детали, представляющие необходимый комплект для сборки пригодного к использованию оружия, содеянное надлежит квалифицировать по ст. 223 УК [см.: 1, с. 9]. При этом не имеет значения, мог ли виновный с учетом его квалификации или мастерства собрать пригодное к использованию оружие. Дело в том, что для сборки оружия из похищенных частей виновный может обратиться к помощи других лиц, обладающих соответствующими знаниями, или же приобрести такие знания при чтении литературы, изучении чертежей, получении консультаций, разборке и сборке оружия и т. п. Поэтому правильно осуждены по ст. 223 УК, как за оконченное преступление, Б. и К., одновременно похитившие несколько стволов от малокалиберных винтовок, курки и другие части к малокалиберному оружию, из которых, по заключению экспертизы, можно собрать пригодные для стрельбы малокалиберные винтовки.

Второй случай, заключающийся в хищении составных частей, отдельных деталей оружия и в последующем изготовлении недостающих деталей, необходимых для сборки годного к стрельбе оружия, Пленум предлагает квалифицировать как совокупность хищения иного государственного или общественного имущества и незаконного изготовления оружия [см.: 1, с. 9]. По ч. 1 ст. 222 УК должны быть квалифицированы действия виновного и тогда, когда он похищает отдельные части оружия с тем, чтобы привести в пригодное состояние путем ремонта имеющегося у него оружия или сделать его более эффективным. Здесь за хищение деталей (частей) оружия виновный также может быть привлечен к ответственности еще и по статьям о преступлениях против социалистической или личной собственности.

Наконец, в практике встречаются такие ситуации, когда виновный, похищая те или иные части оружия, намеревается несколькими действиями похитить необходимый комплект и собрать из него пригодное к использованию оружие. Думается, такие действия должны квалифицироваться по ст. 17 и ст. 223 УК как покушение на хищение оружия.

Мнение о том, что к предмету рассматриваемого преступления не относится оружие кустарного производства, так как оно не находится на государственном учете и контроле, неправильно [см.: 3, с. 55—56]. Во-первых, к такому оружию может относиться, например, музейное оружие кустарного изготовления или такое же оружие, находящееся в криминалистических кабинетах и т. п. Так, правильно был осужден К. (по ст. 223 УК), совершивший кражу самодельного пистолета («самопала»), являющегося вещественным доказательством по уголовному делу.

Во-вторых хищение кустарно изготовленного оружия также посягает на общественную безопасность, поскольку оно может быть использовано для совершения преступления, и обращение с ним может стать источником несчастных случаев. Поэтому Пленум Верховного Суда СССР в п. 2 названного Постановления указал, что предметом хищения, предусмотренного ст. 223 УК, могут быть: оружие, боевые припасы и взрывчатые вещества как заводского производства, так и самодельного [см.: 1, с. 8]. В этом же Постановлении Пленум отметил, что уголовная ответственность по ст. 223 УК наступает в случаях хищения огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ как из государственных учреждений или общественных организаций, так и у отдельных граждан, владеющих ими правомерно или незаконно [см.: 1, с. 9]. Это решение представляется единственно правильным. Ответственность по ст. 223 УК за хищение оружия у лиц, владеющих им незаконно, вытекает из того, что такое хищение также посягает на общественную безопасность, осложняет, если не полностью исключает, сдачу оружия органам власти или его изъятие, существенно увеличивает возможность совершения преступления и наступления несчастных случаев. Хищение оружия у лиц, неправомерно им владеющих, обладает в принципе такой же общественной опасностью, как

и совершение предусмотренных ст. 223 УК хищений из правомерного владения. Оно создает возможность причинения вреда именно тем интересам общественной безопасности, ради охраны которых и введена в УК ст. 223.

Хищение оружия, как правило, является безвозмездным. Однако даже возмездное завладение им следует квалифицировать по ст. 223 УК. Возмездность при хищении может иметь место, например, при самовольном обмене непригодного оружия на пригодное, при уплате его стоимости и т. п.

Хищение оружия предполагает противоправное обращение его в свою пользу или в пользу других лиц. При этом формы хищений, перечисленные в ст. 81—84, 86 УК, характерны и для хищения, предусмотренного ст. 223 УК. Формы хищения как раз и позволяют отличить данное преступление от случаев вымогательства оружия. Вымогательство государственного или общественного имущества даже в тех случаях, где оно предусмотрено в качестве самостоятельного преступления (например, в ст. 95 УК РСФСР), не рассматривается в качестве отдельной формы хищений. УК УССР и УК ряда других союзных республик вообще не устанавливают ответственности за такое преступление в самостоятельной статье, исходя из того, что если такое вымогательство будет иметь место, возможно сконструировать ответственность по правилам стадий совершения преступления или соучастия в хищении государственного или общественного имущества. Применительно к УК РСФСР В. Д. Малков предложил случаи вымогательства оружия квалифицировать по ст. 95 УК РСФСР [см.: 5, с. 91]. Однако такая точка зрения игнорирует объект и предмет данного посягательства. При вымогательстве оружия виновный посягает на общественную безопасность и по ст. 95 УК РСФСР, где преступление направлено против собственности, на наш взгляд, отвечать не может. Вымогательство огнестрельного оружия, принадлежащего социалистическим организациям, следует квалифицировать как приготовление к хищению данного предмета. Если же лицо, владеющее оружием или ведающее им, передало его вымогателю, то оно выступает как исполнитель хищения, а вымогатель как подстрекатель. Ответственность в этом случае наступает для обоих лиц по ст. 223 УК. По иному должен быть решен вопрос при вымогательстве огнестрельного оружия, принадлежащего отдельным гражданам. Действия вымогателя в этих случаях должны быть квалифицированы по ст. 144 УК. Если же вымогателю удалось получить таким образом оружие, он должен дополнительно отвечать еще и по ч. 1 ст. 222 УК.

Хищение оружия может быть совершено только с прямым умыслом. Поэтому, если оружие было изъято вместе с другим имуществом, но виновный не знал, что похищает оружие (например, кража у гражданина чемодана, в котором оказался пистолет), совершенное им в этом случае не может быть квалифицировано по ст. 223 УК. В подобных случаях в действиях виновного независимо от его дальнейшего поведения состав рассматриваемого преступления отсутствует, так как у него не было умысла на хищение оружия.

Если же виновный оставляет себе или передает другим лицам обнаруженный им после изъятия пистолет, то он совершает преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 222 УК.

В полном соответствии со ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в ст. 10 УК предусмотрено, что за хищение оружия путем кражи, грабежа или разбоя ответственность наступает с 14-летнего возраста, а в остальных случаях — с 16 лет. Согласно же ст. 10 УК РСФСР ответственность за хищение оружия наступает с 14-летнего возраста независимо от формы хищения. Данное положение ст. 10 УК РСФСР не соответствует Основам. Поэтому, представляется, эта статья должна быть истолкована ограничительно, а в будущем целесообразно внести в нее соответствующие уточнения.

Специального внимания заслуживают некоторые обстоятельства, квалифицирующие хищение оружия. Наиболее опасной формой совершения рассматриваемого преступления является разбойное нападение. В основу характеристики этой формы хищения должно быть положено законодательное определение разбоя, данное в ч. 1 ст. 86 и ч. 1 ст. 142 УК. Хотя, в отличие от разбоя с целью завладения государственным, общественным или личным имуществом, законодатель в ч. 2 ст. 223 УК говорит не о нападении с целью завладения оружием, а о хищении его путем разбойного нападения, Пленум в п. 12 предложил хищение оружия путем разбойного нападения считать оконченным с момента нападения [см.: 1, с. 10].

До недавнего времени в примечании к ст. 81 УК, где дается понятие повторности хищения государственного и общественного имущества, говорилось и о повторности преступления, предусмотренного ст. 223 УК. Повторным в соответствии с этим примечанием считалось хищение оружия, если ему предшествовало совершение не только такого же преступления, но любого другого хищения. Автором этой статьи еще в 1972 г. предлагалось считать повторным хищение оружия лишь в том случае, если ему предшествовало совершение такого же преступления. Это обосновывалось тем, что повторность одного и того же деяния (так называемая повторность тождественных преступлений) как раз и свидетельствует о повышенной опасности преступника, который повторением именно данного преступления обнаруживает укоренившиеся у него антиобщественные взгляды, упорное нежелание соблюдать законы и правила по обращению с оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами [см.: 7, с. 14—15]. Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 17 июня 1974 г. «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Украинской ССР» текст примечания к ст. 81 УК изменен, и в настоящее время хищение оружия признается повторным лишь при условии, если ему предшествовало также хищение оружия, ответственность за которое предусмотрена ст. 223 УК. Ранее совершенное хищение другого имущества не образует признака повторности, предусмотренного в ст. 223 УК [см.: 2, 9].

Для признания повторности не имеет значения, совершил ли виновный в первом и последующем случае окончательное хищение оружия или же приготовление к нему либо покушение. Повторность такого хищения имеет место и тогда, когда виновный при совершении первого преступления является, например, исполнителем, а при совершении последующего выполнял роль подстрекателя или пособника. Предлагаемое решение общепринято в судебной практике применительно к другим категориям дел и вызвано тем, что преступлением признается как предварительная преступная деятельность, так и оконченная; как деятельность исполнителя преступного деяния, так и деятельность других соучастников.

Признаки повторности хищения оружия имеются как в тех случаях, когда лицо совершает дважды хищение одного и того же предмета (например, боеприпасов), так и тогда, когда совершается хищение различных предметов, указанных в ст. 223 УК (например, в первый раз оружия, во второй — взрывчатых веществ). Это объясняется тем, что эти предметы в уголовно-правовом смысле равнозначны, и хищение любого из них охватывается ст. 223 УК.

Для наличия признака повторности также не имеет значения, в каких формах и в какой последовательности совершены хищения оружия. Так хищение оружия путем кражи будет повторным, если ранее было совершено его хищение, например, путем мошенничества и т. п. Повторным является хищение оружия как в случаях, когда лицо не было осуждено за ранее совершенное хищение, так и тогда, когда оно имеет судимость за такое преступление [см.: 1, с. 9]. Если совершению преступления, предусмотренного ст. 223 УК предшествовало преступление, квалифицируемое по иной статье УК, но объективная сторона которого выразилась в хищении оружия (например, бандитизм), налицо повторность, указанная в ч. 2 ст. 223 УК.

При трактовке такого квалифицирующего обстоятельства, как хищение оружия по предварительному сговору группой лиц, очень важно установить, что при этом имелся предварительный сговор на хищение оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, а не другого имущества. Поэтому в тех случаях, когда участники группы предварительно договорились совершить хищение какого-либо другого имущества, а исполнитель совершил хищение оружия, нельзя говорить о наличии преступления, совершенного по предварительному сговору группой лиц. В данном случае имеет место эксцесс исполнителя, так как им совершено такое хищение, которое не охватывалось умыслом других соучастников, и потому из действия вообще не могут быть квалифицированы по ст. 223 УК.

Список литературы

1. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1974, № 5, с. 8—10.
2. Ведомости Верховного Совета УССР, 1974, № 27, с. 7—10.
3. Кардава А. Н. Ответственность за похищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ. — «Вестник Моск. ун-та», 1971, № 6, с. 65—66.

4. Курс советского уголовного права. Т. VI. М., «Наука», 1971. 560 с.
5. Малков В. Д. Ответственность за хищение огнестрельного оружия. — «Сов. милиция», 1969, № 4, с. 91—95.
6. Погребняк И. Г. Квалификация составных преступлений. — «Сов. юстиция», 1970, № 13, с. 25—26.
7. Тихий В. П. Ответственность за хищение огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ по советскому уголовному праву. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1972. 20 с.

С. А. Альперт, канд. юрид. наук

РОЛЬ ОБВИНЕНИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ

Совершенствование деятельности милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции, о котором говорил на XXV съезде КПСС Генеральный Секретарь ЦК товарищ Л. И. Брежнев, ставит перед советской правовой наукой, в том числе и наукой уголовного процесса, задачу всестороннего исследования деятельности каждого из этих органов в их взаимодействии и разработки на этой основе предложений по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

К числу актуальных вопросов теории и практики советского уголовного судопроизводства относится соотношение различных процессуальных функций, в особенности обвинения и правосудия. В юридической литературе каждая из этих процессуальных функций подвергалась обстоятельному исследованию. Однако вопрос об их взаимосвязи часто рассматривался в одном плане, а именно — осуществляет ли прокурор-государственный обвинитель надзор за деятельностью суда или же такой надзор несовместим с процессуальным положением государственного обвинителя как стороны в процессе [см.: 11, с. 37; 15, с. 33]. Не умаляя важности исследования данного вопроса в указанном смысле, необходимо подчеркнуть, что есть и другие стороны соотношения и взаимосвязи этих функций. Речь, в частности, идет о значении, роли обвинения в успешном осуществлении правосудия по уголовным делам. Такой подход к исследованию функции обвинения не получил еще должного развития в процессуальной науке, и только в последнее время отдельные авторы стали уделять ему определенное внимание [см.: 14, с. 149—153].

Выяснению связи обвинения с другими процессуальными функциями, его роли в осуществлении правосудия в значительной мере препятствовала ошибочная концепция, согласно которой советский уголовный процесс не знает разграничения процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела, ему чужда состязательность [см.: 18, с. 32, 72, 85—86; 7, с. 127, 130; 10, с. 31, 36]. Сама постановка вопроса о связи обвинения с другими процессуальными функциями, в том числе правосудием, возможна лишь там, где признается наличие этих функций и их разграничение.

Исследование вопроса связи обвинения с другими процессуальными функциями важно, прежде всего, потому, что оно позволяет

глубже осмыслить природу обвинения, выявить его задачи, роль и место в уголовном судопроизводстве.

К. Маркс обращал внимание на то, что «свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...» [1, с. 67]. Это положение имеет принципиальное, методологическое значение и для разрешения рассматриваемого вопроса. Роль и значение обвинения более полно и всесторонне раскрываются именно в его отношении с другими процессуальными функциями, во взаимодействии с ними. Обвинение органически связано со всей системой уголовного процесса, со всеми функциями, которые в нем осуществляются. Оно вызывает к жизни некоторые из этих функций, оказывает прямое или косвенное влияние на них. Следует, однако, учитывать, что связь обвинения с иными процессуальными функциями не является односторонней. Она взаимная, ибо и другие процессуальные функции, и прежде всего, функции защиты и правосудия, в свою очередь, оказывают влияние на обвинительную деятельность, на условия, в которых она осуществляется. Речь, следовательно, идет о взаимодействии указанных функций.

Общим для обвинения (имеется в виду обвинение государственное) и правосудия является то, что эти функции имеют ярко выраженный правоохранительный характер. Правоохранительная деятельность прокуратуры и суда, целеустремленность и взаимодействие этих органов — необходимые условия, обеспечивающие социальную эффективность советского уголовного судопроизводства. Действуя как органы правоохранительные, осуществляя в сфере уголовного судопроизводства общие для них задачи, прокуратура и суд выступают как органы, процессуально самостоятельные, которые при решении этих задач имеют свое особое направление, осуществляют, иначе говоря, свои процессуальные функции.

Обвинение как процессуальная деятельность предшествует функции правосудия и обуславливает ее возникновение. Этим, однако, роль обвинения не ограничивается. Обвинение — не самоцель, оно органически связано со всеми другими сторонами процессуальной деятельности и, прежде всего, с правосудием, ибо способствовать успешной деятельности суда при рассмотрении им уголовного дела — важнейшая задача обвинения, и государственного в особенности.

Вопрос о процессуальном статусе обвинителя и суда, об их взаимоотношениях в судебном разбирательстве большой. В настоящей статье автор рассматривает лишь некоторые стороны этой проблемы.

Поскольку в советском уголовном процессе функция обвинения отделена от функции правосудия, неизбежным является требование: тот, кто предъявляет обвинение, не может быть судьей по этому делу, недопустимо рассматривать суд как орган обвинения [см.: 12, с. 38]. Попытки некоторых авторов изобразить советский суд как орган, который также, как и прокурор, обвиняет, изобличает подсудимого, противоречат закону и потому должны быть от-

вергнуты. Такие взгляды основаны на том, что отождествляются связанные между собой, но различные понятия — «обязанность доказывания» и «обязанность доказывания обвинения». Суд, как прокурор и следователь, — лицо, производящее дознание, является субъектом доказывания и в этом смысле обязан полно, всесторонне и объективно исследовать все обстоятельства дела (ст. 22 УПК УССР, ст. 20 УПК РСФСР), обязан оценить имеющиеся в деле доказательства (ст. 67 УПК УССР, ст. 71 УПК РСФСР). Но из этого никак не следует, что на суде лежит обязанность доказывать обвинение. В отличие от обвинителя, который в ходе судебного процесса ясно выражает свою обвинительную позицию, изобличает подсудимого, суд ни при каких условиях не вправе до постановления приговора высказывать свое мнение о доказанности обвинения, а тем более изобличать подсудимого.

Утверждение о виновности лица является существенным элементом обвинительной деятельности, причем на всем ее протяжении. Такое утверждение может, однако, исходить и от суда, но лишь как итоговый вывод последнего, как результат его деятельности, получающий отражение в обвинительном приговоре. Если утверждение о виновности лица, исходящее от субъектов обвинения, имеет своей целью убедить суд в правильности такого утверждения, добиться осуждения подсудимого, то утверждение о виновности, содержащееся в судебном приговоре — это не акт обвинения, а акт правосудия, влекущий за собой иные, установленные законом, последствия.

В процессе осуществления своих функций обвинитель независим от суда, равно как суд независим от обвинителя. В отличие от англо-американской системы процесса, где отказ от обвинения влечет за собой обязательное прекращение производства по делу, в советском уголовном процессе отказ прокурора от поддержания обвинения не влечет за собой таких последствий. Поскольку дело поступило в суд, прокурор уже не вправе «распоряжаться» предметом обвинения, изменять что-либо, решать его судьбу. Решение этих вопросов зависит уже от суда, поставлено под его контроль, так как суд в сфере своей деятельности обладает полнотой власти. Кроме того, сформулированное на предварительном расследовании и поддерживавшееся в суде обвинение с момента судебного разбирательства становится предметом гласного рассмотрения. Поэтому необходимо обеспечить его гласную проверку, сочетаемую с такой формой разрешения вопроса о виновности подсудимого, которая, во-первых, гарантировала бы этому решению высокую степень авторитетности (ведь оно исходит от суда — органа правосудия), во-вторых, свидетельствовала бы о его полной убедительности в глазах граждан и, наконец, являясь, в случае признания подсудимого невиновным, актом полной и притом публичной его реабилитации.

Государственное обвинение (а оно является основным видом обвинения в советском уголовном процессе) лишь тогда сможет выполнить стоящие перед ними задачи, если будет опираться на

достоверные знания об обстоятельствах рассматриваемого дела, если выводы, которые отстаивает прокурор в суде, будут истинными.

В ряде высказываний В. И. Ленина мы находим указания на требования «солидарности обвинения», «точности», его «полнейшей доказанности», требование поставить его «правильно» [см.: 3, с. 110; 2, с. 127; 4, с. 88]. Эти требования ориентируют на необходимость обеспечения истинности обвинения. Лишь истинное по своему характеру обвинение содействует успешному осуществлению правосудия.

В сфере взаимодействия прокурора — государственного обвинителя и суда возникает вопрос о доказывании и его значении в деятельности каждого из этих субъектов процесса.

По мнению А. Л. Ривлина, связь обвинения и доказывания выражается в том, что последнее предшествует обвинению и является его основой, а потому оперирование доказательствами не составляет сущности обвинения [см.: 13, с. 257—258]. Как полагает автор, суть обвинения — это не обоснование виновности лица, а лишь утверждение о его виновности. В содержание обвинительной деятельности, конечно, входит и утверждение о виновности данного лица, но ограничить сущность обвинения только этим нельзя. Суд ждет от государственного обвинителя обоснования своих утверждений, т. е. деятельности по изобличению лица, в виновности которого прокурор убежден. Вне такой деятельности обвинения нет и быть не может. Если считать, что обвинение — это лишь утверждение о виновности данного лица, только результат доказывания, то логично было бы признать, что во время судебного следствия обвинения нет, прокурор не обвинитель, а обвинение имеет место лишь в судебных прениях, поскольку здесь формулируются определенные утверждения о виновности подсудимого. Но ведь, возникнув на предварительном расследовании в момент привлечения лица в качестве обвиняемого, обвинение не «обрабатывается». Оно осуществляется непрерывно (как и функция защиты) на протяжении ряда последующих стадий. Вместе с ним происходит и доказывание. Будучи тесно связанными между собой, обвинение и доказывание не поглощают друг друга. Доказывание является универсальным средством, с помощью которого выполняются все процессуальные функции, в том числе и обвинение. Выступая как единственное средство обоснования обвинения, доказывание приобретает здесь ярко выраженный удостоверительный характер [см.: 16, с. 288—289]. Оно направлено на то, чтобы обвинительные выводы, в правильности которых убеждены следователь и прокурор, были подтверждены, удостоверены в ходе последующей процессуальной деятельности, и стали убедительными как для суда, так и других лиц. «В уголовном судопроизводстве адресатом доказывания является не только субъект познания (соответствующие процессуальные инстанции), но и общее в целом» [см.: 16, с. 289], ибо общество должно убедиться в правильности позиции обвинителя, в справедливости обвинительного приговора. Удостоверительный характер деятельности обвинителя усиливает

воспитательную роль судебного процесса, содействует формированию у присутствующих социалистического правосознания, укрепляет глубокое уважение к закону.

В юридической литературе иногда отрицают, что прокурор в судебном разбирательстве осуществляет функцию обвинения [см.: 6, с. 5; 8, с. 81; 9, с. 282—283; 17, с. 20—21]. Сторонники этого взгляда полагают, что он выполняет в суде функцию надзора за законностью. Высказывая такие суждения, отдельные авторы исходят из того, что в противном случае неизбежны предвзятость, односторонность в деятельности прокурора, которые несовместимы с его положением как органа надзора за законностью. Так, С. А. Емельянов полагает, что «позиция, рассматривающая прокурора как обвинителя, предопределяет предубежденность в виновности подсудимого еще до окончания судебного следствия». Такая постановка вопроса неправильна в своей основе. Прежде всего, нельзя смешивать понятие убежденности прокурора и его предубежденности. Природа государственного обвинения в советском суде не имеет ничего общего с предубежденностью в виновности подсудимого, являющейся крайним проявлением односторонности, обвинительного уклона, решительно противоречащими требованиям советского уголовно-процессуального закона. Приступая к исполнению своих обязанностей государственного обвинителя, прокурор, конечно, должен быть убежден в виновности подсудимого, иначе его участие в процессе было бы лишено всякого смысла и противоречило бы закону. Требованиям полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела должна отвечать деятельность как органов расследования и суда, так и прокурора, в том числе и в случаях, когда он поддерживает государственное обвинение. Поэтому прокурор должен учитывать, что позиция, в правильности которой он был убежден, приступая к поддержанию обвинения, может измениться в ходе судебного следствия. Именно результатами судебного следствия должна определяться окончательная позиция государственного обвинителя. Только ими он должен руководствоваться в судебных прениях, высказывая мнение о виновности подсудимого.

Никто не отрицает, что прокурор в любой стадии процесса осуществляет надзор за законностью, но в каждой из них он осуществляет его в специфических формах. В судебном разбирательстве такой формой является поддержание государственного обвинения, хотя, конечно, деятельность прокурора в суде этим не исчерпывается. Но несомненно, что именно поддержание обвинения составляет здесь основное содержание его деятельности. Иные формы надзора прокурора за законностью возникают в судебном разбирательстве лишь в результате поддержания им обвинения. Так, например, предъявление прокурором гражданского иска или поддержание им иска, предъявленного истцом (ч. 5 ст. 264 УПК УССР, ч. 5 ст. 248 УПК РСФСР), есть конкретные формы осуществления прокурором надзора за законностью, которые могут иметь место лишь тогда, когда суд рассматривает дело по обвинению

поддерживаемому прокурором. Вне этой деятельности предъявление или поддержание прокурором гражданского иска в уголовном процессе невозможно. Правильно поэтому суждение В. М. Савицкого, что «обвинение возникает из функции надзора за исполнением законов непосредственно, а обязанность обеспечить законность в судебном разбирательстве всегда опосредствована процессуальной функцией обвинения и может возникнуть только после того, как обвинение сформулировано и передано на разрешение суда» [14, с. 35].

Важное теоретическое и практическое значение имеет вопрос о соотношении доказывания, осуществляемого в судебном разбирательстве прокурором, с одной стороны, и судом — с другой. Рассматривая его, В. Д. Арсеньев считает, что «...содержание обязанности доказывания у прокурора в судебном разбирательстве значительно уже, чем на предварительном следствии и дознании, и имеет вспомогательный характер по отношению к соответствующей обязанности суда... Основная обязанность доказывания (исследования и оценки доказательства по делу) в стадии судебного разбирательства возложена на суд» [5, с. 59—60]. Разумеется, деятельность прокурора на предварительном расследовании протекает в иных формах, нежели в судебном разбирательстве, поскольку различны конкретные задачи, условия этих стадий и процессуальное положение, занимаемое в них прокурором. Но из этого не следует, что в суде обязанности доказывания у прокурора уже, чем на предварительном расследовании. В каждой из этих стадий его обвинительные выводы должны быть результатом полного и всестороннего исследования единого предмета доказывания, очерченного законом (ст. 64 УПК УССР, ст. 68 УПК РСФСР). Различны не содержание обязанности доказывания, не объем его, а характер выводов, прокурора в каждой из этих стадий на основе доказывания.

Вызывает возражение и высказывание В. Д. Арсеньева о том, что в судебном разбирательстве лежащая на прокуроре обязанность доказывания имеет вспомогательный характер по отношению к соответствующей обязанности суда. С этим тезисом можно было бы согласиться, если бы он рассматривался автором в плане соотношения процессуальных функций обвинения и правосудия, при котором первое носит в известном смысле служебный по отношению ко второму характер. Учитывая, что именно суд разрешает дело по существу на основе непосредственного исследования всех доказательств по делу, можно было бы говорить, что обязанность прокурора осуществлять доказывание имеет здесь вспомогательный характер. Однако В. Д. Арсеньев говорит об ином, о том, что основным субъектом доказывания в этой стадии является суд и что на нем лежит основная обязанность доказывания. Как представляется, такой подход к данному вопросу может объективно привести к серьезной недооценке правовой обязанности прокурора обосновывать обвинение и в результате снизит его активность в ходе судебного разбирательства.

В стадии судебного разбирательства прокурор и суд как основные субъекты процесса выполняют ряд общих обязанностей, в том числе и в осуществлении доказывания. В этой деятельности они руководствуются общими для них указаниями закона относительно предмета доказывания, методов оценки доказательств и равной для них обязанности полно, всесторонне и объективно исследовать обстоятельства каждого уголовного дела.

Будучи самостоятельными субъектами доказывания, и прокурор, и суд обязаны сделать все от них зависящее, чтобы обстоятельства уголовного дела, прежде всего, относящиеся к вопросу о виновности подсудимого, были полно, всесторонне и объективно исследованы.

Убеденный в виновности подсудимого, прокурор не вправе ослаблять усилия по доказыванию обвинения в расчете на то, что суд сам обязан тщательно исследовать все обстоятельства данного дела. С другой стороны, суд не вправе полагаться на одни лишь утверждения прокурора и обязан самостоятельно проверить все доводы как в пользу обвинения, так и против него. Даже отказ прокурора от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжать исследование дела и разрешить его по существу (ч. 4, ст. 264 УПК УССР; ч. 4, ст. 248 УПК РСФСР).

Правильное понимание роли и задач государственного обвинения в суде — необходимая предпосылка эффективного взаимодействия прокуратуры и суда, важное условие успешного осуществления социалистического правосудия.

Список литературы

1. Маркс К. Капитал. Т. I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
2. Ленин В. И. Об ответственности за голословные обвинения. — Полн. собр. соч. Т. 35, с. 127.
3. Ленин В. И. Предложение в Политбюро ЦК РКП(б) о предании суду Унгерн. — Полн. собр. соч. Т. 44, с. 110.
4. Ленин В. И. П. А. Богданову. — Полн. собр. соч. Т. 54, с. 2—3.
5. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., «Юрид. лит.», 1964. 179 с.
6. Басков В. И. Прокурор в суде первой инстанции. М., «Юрид. лит.», 1968. 200 с.
7. Голунский С. А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. — В кн.: Вопросы судопроизводства и судостройства в новом законодательстве Союза ССР. М., Госюриздат, 1959, с. 122—160.
8. Даев В. Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе. — «Правоведение», 1970, № 1, с. 76—86.
9. Емельянов С. А. Некоторые вопросы участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции. — Проблемы борьбы с преступностью. Материалы научной конференции аспирантов и соискателей. Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М., 1968.
10. Мокичев К. А. Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве. М., Изд-во Всесоюз. юрид. заоч. ин-та., 1959.
11. Перлов И. Д. Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1957. 203 с.

12. Ривлин А. Л. Понятие и система принципов советского правосудия. — «Учен. зап. Харьк. юрид. ин-та». Вып. 16. Харьков, 1962.
13. Ривлин А. Л. Понятие обвинения и его место в советском уголовном судопроизводстве. — В сб.: Вопросы государства и права. М., «Юрид. лит.», 1970, с. 254—262.
14. Савицкий В. И. Государственное обвинение в суде. М., «Наука», 1971. 344 с.
15. Строгович М. С. Прокурор — государственный обвинитель. — В сб.: Советская прокуратура на страже законности. Саратов, 1973.
16. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., «Юрид. лит.», 1973. 735 с.
17. Цыпкин А. Л. Сущность уголовно-процессуальной функции прокурора. — В сб. Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Саратов, Изд-во Сарат. ун-та, 1974, с. 14—21.
18. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., Госюриздат, 1962. 503 с.

В. С. Зеленецкий, канд. юрид. наук

ПРИНЯТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В СИТУАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО РАВНОВЕСИЯ

Принятие решения о виновности или невиновности конкретного лица зависит от того, в каком соотношении находятся обвинительные и оправдательные доказательства. Такое соотношение существует объективно, и следователю, прокурору или суду остается лишь познать его. Сделанные на основе такого познания выводы должны быть истинными, так как они определяют принятие истинного или, напротив, ложного решения. Отсюда очевидна важность выяснения характера объективно существующего соотношения между обвинительными и оправдательными доказательствами, чему и посвящена данная статья.

Следует, прежде всего, отметить, что в уголовном деле и обвинительные и оправдательные доказательства представляют собой определенные объединения качественно разнородных доказательств образующих самостоятельные совокупности, на основании которых (в единстве с другими доказательствами) и принимается судебное решение [см.: 3, с. 74]. Совокупности доказательств, имея различное функциональное назначение, противостоят и, следовательно, противодействуют друг другу. Такого рода взаимодействие носит конкурирующий характер, представляя собой информационное отражение объективно существующего соотношения функций обвинения¹ и защиты в уголовном процессе [см.: 4, с. 33—50]. Сказанное позволяет назвать эти совокупности конкурирующими совокупностями доказательств. Такое их обозначение, отражая качественную определенность и характер указанного соотношения, позволяет также более точно проследить механизм и специфику познания в уголовном процессе.

Каждая совокупность доказательств отличается от другой конкурирующей совокупности присущей только ей качественной

¹ От функции обвинения, осуществляемого следователем (следственное обвинение) и прокурором (государственное обвинение) необходимо отличать возбуждение государственного обвинения как самостоятельную стадию советского уголовного процесса. В общей системе стадий она занимает промежуточное положение между стадией предварительного расследования и стадией предания обвиняемого суду.

и количественной определенностью. Даже в тех случаях, когда количественная определенность совокупности обвинительных и оправдательных доказательств совпадает, информационная емкость их остается различной. Ту совокупность, которая обладает большей информативной емкостью и, следовательно, повышенной конкурентноспособностью, назовем доминирующей. Поскольку *доминировать* означает «господствовать, преобладать, возвышаться» [11, с. 226], то применительно к нашему вопросу это означает, что доминирующая совокупность по своей информативной емкости преобладает и возвышается над другой конкурирующей совокупностью доказательств. Поэтому и основанное на ней мнение о виновности или невиновности лица является господствующим в сравнении с другим мнением, которое, возможно, сформировалось с учетом информации, предъявляемой в деле второй конкурирующей совокупностью.

В уголовном деле может сложиться такая информационная ситуация, при которой ни одна из конкурирующих совокупностей не занимает в общей системе доказательств доминирующего положения. При такой ситуации конкурирующие совокупности в равной мере воздействуют на сознание субъекта познания, не позволяя принять вполне определенное решение относительно виновности или невиновности конкретного лица. Такое «равнодействие противоположностей проявляется на определенной стадии развития противоречия, когда наступает равенство противодействующих сил, тенденций» [9, с. 186]. Эту ситуацию, в которой конкурирующие совокупности обвинительных и оправдательных доказательств в равной мере противодействуют друг другу, отражая противоположные тенденции в развитии процесса доказывания, назовем состоянием информационного равновесия. Может показаться, что здесь создается тупиковая ситуация, исключающая какой-либо выбор вариантов возможных решений. Однако это не так. Изучение таких ситуаций показывает, что они могут быть разрешены на основе анализа состояния информационного равновесия.

Это состояние в уголовном судопроизводстве может иметь как количественное, так и качественное выражение. Объективное существование такого двойного выражения информационного равновесия обусловлено тем, что каждое явление, в том числе и совокупность доказательств, имеет как качественную, так и количественную определенность.

Количественное выражение информационного равновесия проявляется в равном количестве элементов каждой конкурирующей совокупности доказательств. На практике такое выражение информационного равновесия имеет место в редких случаях, но сам факт возможного его существования определяет теоретическую обоснованность его исследования. Изучение конкретных уголовных дел показывает, что информационное равновесие в его количественном выражении никогда не предопределяет характер принимаемого решения, ибо никогда равное количество элементов двух конкурирующих совокупностей не несет равное количество инфор-

мации и поэтому не может свидетельствовать о равенстве их доказательных возможностей. Определяющее воздействие на сознание лица, принимающего решение, оказывает качественная определенность той или иной совокупности доказательств. Точнее говоря, лишь единство количественной и качественной определенности доказательств предопределяет ее доказательственные возможности.

Если рассматривать состояние информационного равновесия в генетическом плане, прослеживая его возникновение в развитии процесса доказывания на отдельных этапах познания, то его можно назвать периодическим состоянием информационного равновесия, поскольку на всем протяжении доказывания оно может неоднократно возникать и устраняться до тех пор, пока не будет закончен процесс познания и полностью не будет выяснено доказательственное значение той или иной конкурирующей совокупности доказательств.

Возникновение информационного равновесия не устраняет доказательственного значения конкурирующих совокупностей доказательств. Каждая совокупность продолжает обладать определенными, присущими ей доказательственными возможностями, но их точное определение для принятия правильного решения невозможно.

В силу неопределенности знания создается проблемная ситуация, требующая своего разрешения. Именно поэтому каждый раз с возникновением в процессе доказывания состояния информационного равновесия появляется производная от этого необходимость его преодоления. Достижение этой цели предполагает продолжение процесса доказывания. Однако следователь, прокурор и суд должны прежде всего решить, существует ли в реальной действительности объективная возможность продолжения процесса доказывания и каковы направления возможного изменения состояния информационного равновесия. Естественно, последний вопрос должен быть решен прежде всего, ибо, не зная вариантов направления процесса доказывания, нельзя решить вопрос о возможности изменения состояния информационного равновесия. Необходимо исходить из того, что в уголовном судопроизводстве доказывание осуществляется в связи с обвинением определенного лица в совершении конкретного преступления, и в силу объективно существующей презумпции невиновности процесс доказывания должен привести либо к опровержению презумпции невиновности в отношении конкретного лица и установлению его виновности, либо к опровержению предъявляемого обвинения и реабилитации этого лица. Поэтому изменение состояния информационного равновесия может и должно осуществляться в двух направлениях: полном установлении виновности конкретного лица в предъявленном ему обвинении или полном его опровержении. Только при осуществлении доказывания в этих направлениях возможно достижение истины. Третьего не дано. Такое решение вопроса полностью согласуется с принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, предполагающего установление как

уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также отягчающих и смягчающих его вину обстоятельств (ст. 20 УК РСФСР, ст. 22 УПК УССР). Следует, однако, отметить, что знание направлений процесса доказывания еще не является достаточным основанием, обеспечивающим выполнение поставленной задачи. Сложность состоит в том, что преодоление информационного равновесия, а, следовательно, и продолжение процесса доказывания зависит от ряда объективно существующих обстоятельств, наличие которых обуславливает возможность или невозможность его осуществления. Поэтому первоочередным является выяснение, во-первых, того, что следует понимать под возможным и невозможным в процессе доказывания, и, во-вторых, каковы причины возникновения и условия существования информационного равновесия.

В марксистско-ленинской философии возможное рассматривается как осуществимое [см.: 8, с. 150], как «то, что может наступить при соответствующих условиях» [см.: 9, с. 168]. В этом определении возможного содержатся такие признаки, которые оказывают на реальную осуществимость определенной задачи или деятельности от наличия соответствующих условий, которые и «представляют собой совокупность факторов, необходимых для превращения какой-либо возможности в действительность» [см.: 9, с. 171]. На основании этих положений может быть дано следующее «рабочее» определение возможности преодоления информационного равновесия в уголовном судопроизводстве применительно к теме настоящего исследования.

Под возможностью преодоления информационного равновесия следует понимать такое состояние процесса доказывания, в котором информация, необходимая для устранения возникающей неопределенности знания о виновности или невиновности лица, может быть введена в уголовное судопроизводство при условии ее существования в реальной действительности и выполнения с этой целью следователем или судом в установленном законом порядке всех необходимых гносеологических операций. В определении, прежде всего, обращается внимание на то, что информационное равновесие гносеологической системы обусловлено определенным состоянием процесса доказывания. Необходимость же его преодоления вызывается неопределенностью знания, которая не позволяет решить в полном объеме задачи уголовного судопроизводства. Из этого, следует, что для практической реализации поставленной цели — решения вопроса о путях преодоления информационного равновесия и устранения неопределенности знания, прежде всего, необходимо проанализировать весь процесс доказывания и только таким образом выяснить его реальное состояние. Без анализа процесса доказывания невозможно выяснить причины возникновения информационного равновесия невозможно наметить пути их преодоления.

Устранение информационного равновесия связано с необходимостью удовлетворения информационных потребностей гносеологической системы. Поэтому в приведенном определении обращено

внимание на прямую зависимость превращения возможности в действительность от объективного существования необходимой информации в реальной действительности. При этом, если появление информационного равновесия связано со взаимодействием двух конкурирующих совокупностей, то для его преодоления необходима информация об обстоятельствах, подтверждающих виновность конкретного лица или опровергающая ее. Следует, однако, отметить, что как бы ни была доступна информация, необходимая для устранения информационного равновесия, она может быть введена в уголовное судопроизводство лишь в процессе доказывания. Именно поэтому в нашем определении подчеркивается «деятельный момент», ориентирующий на активность субъекта познания в возникшей ситуации информационного равновесия. Это имеет непосредственное практическое значение, поскольку обращается внимание на осуществимость поставленной гносеологической задачи. Но какой бы важной ни была задача, которую необходимо разрешить, и как бы близка ни была цель, к достижению которой стремится следователь, прокурор или суд, добиваться устранения информационного равновесия в нарушение установленного законом порядка недопустимо. Именно это обстоятельство учтено в определении путем указания на необходимость совершения всех гносеологических операций в установленном законом порядке.

Вводя в таком порядке в уголовный процесс информацию, следователь должен известным образом ее классифицировать, включив в совокупность обвинительных или оправдательных доказательств. Поскольку состояние информационного равновесия причинно обусловлено, введение новой информации влияет на изменение, а при наличии достаточной информации, приводит к полному устранению причин возникновения и условий существования информационного равновесия. Характер и направление информационных изменений, происходящих в гносеологической системе, аналогичны тем изменениям, которые изложены в формулировке принципа Ле Шателье: если изменить одно из условий, при которых система находится в состоянии равновесия, то она ответит сдвигом равновесия в сторону, противодействующую производимому изменению [см.: 2, с. 81]. Применительно к рассматриваемому вопросу это означает, что изменение одного из условий, предопределивших в единстве с другими возникновение информационного равновесия, ответит сдвигом равновесия конкурирующих совокупностей в сторону, соответствующую функциональному назначению дополнительной информации. Иначе говоря, если предъявленное лицу обвинение основывалось на доказательствах, опровергнутых дополнительной информацией, то ее введение в процесс повлечет изменение знания о его виновности и вынесение судом оправдательного приговора. При изменениях информационного фонда такого рода информация, лежащая в основе обвинения, теряет доказательственное значение в отношении конкретного лица.

Состояние информационного равновесия обуславливается действием лишь существенных условий. Для изменения информацион-

ного равновесия необходимо изменение именно таких условий. При этом полное устранение неопределенности знания о виновности или невиновности лица предполагает не частичное изменение условий информационного равновесия, а их полное устранение. Только в таком случае можно установить истину и вынести законное и обоснованное решение по уголовному делу. Может оказаться, что по конкретному уголовному делу невозможно устранить информационное равновесие. Поэтому важно выяснить, какие последствия наступают в связи с этим для процесса доказывания.

Из данного выше определения возможности преодоления информационного равновесия вытекает, что под невозможностью его преодоления следует понимать такое состояние процесса доказывания, в котором информация, необходимая для устранения неопределенности знания о виновности или невиновности лица не может быть введена в уголовное судопроизводство ввиду объективных, не зависящих от следователя или суда обстоятельств, а все выполненные с этой целью необходимые и возможные гносеологические операции не дали и не дадут в будущем положительных результатов.

Существование возможного и невозможного в преодолении информационного равновесия и является объективным основанием для выделения двух видов информационного равновесия. Первый — информационное равновесие, которое может быть устранено, т. е. преодолимое информационное равновесие. Второй — информационное равновесие, которое не может быть устранено, т. е. непреодолимое информационное равновесие. Последний вид информационного равновесия характеризуется абсолютной невозможностью его преодоления и поэтому может быть также назван состоянием абсолютного равновесия.

Характеризуя состояние абсолютного информационного равновесия, следует, прежде всего, отметить, что при нем ни отдельное следственное действие, ни вся их совокупность не могут ввести в уголовный процесс необходимую и достаточную информацию для изменения доказательственных возможностей одной из конкурирующих совокупностей и преодоления информационного равновесия, позволяющего принять решение о виновности или невиновности конкретного лица. При этом состоянии объективно существуют обстоятельства, обуславливающие невозможность преодоления информационного равновесия и делающие возможным продолжение процесса доказывания, что влечет за собой в стадии предварительного расследования прекращение уголовного дела. Фактические основания прекращения дела выражены в абсолютном информационном равновесии, а юридические — предусмотрены в законе. Очевидно, и фактические и юридические основания существуют как объективная реальность которая требует своего познания. Для этого требуется совершение гносеологических операций лишь мыслительного характера, которые и должны привести следователя к правильному решению вопроса о прекращении дела.

Не вызывает сомнения, что юридические основания прекращения уголовного дела должны адекватно отразить ситуацию информационного равновесия. Для принятия истинного решения из всего многообразия юридических оснований необходимо найти такое, которое адекватно отразит сложившуюся информационную ситуацию. При установлении состояния абсолютного информационного равновесия единственно верным является принятие решения о прекращении уголовного дела за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления, т. е. в соответствии с п. 2 ст. 213 УПК УССР (п. 2 с. 208 УПК РСФСР). Именно реально существующее абсолютное информационное равновесие, преодоление которого невозможно, и представляет собой информационную основу решения следователя о прекращении дела по указанной норме закона.

Изложенное показывает, что информационная ситуация, обусловившая прекращение уголовного дела, характеризуется таким состоянием, при котором процесс доказывания не может изменить параметры двух конкурирующих совокупностей доказательств и тем самым преодолеть сложившееся абсолютное информационное равновесие. Именно невозможность изменения информационного равновесия в ту или другую сторону с объективной необходимостью обуславливает принятие следователем решения о прекращении уголовного дела за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления. Принятие иного решения не будет соответствовать объективно сложившейся информационной ситуации. Его игнорирование приведет к принятию не объективных, неверных по существу решений. Следовательно, принятие решения о прекращении дела представляет собой объективно существующую необходимость, выражаемую информационным равновесием гносеологической системы, которое не позволяет принять решение о виновности или невиновности конкретного лица и делает бессмысленным дальнейшее продолжение процесса доказывания. Очевидно, в анализируемой информационной ситуации «необходимость выступает как процесс неизбежный, обязательный, неодолимый» [10, с. 26].

Характеризуя аналогичную ситуацию, Н. В. Пилипенко указывает, что «в данном случае мы имеем как бы абсолютную необходимость, развитие которой приводит лишь к одному результату, другого результата быть не может. Такая необходимость может быть отождествлена с неизбежностью» [7, с. 33]. В связи с этим правильно считать «неизбежность высшей ступенью развития необходимости, осуществление которой приводит только к одному определенному следствию» [6, с. 19]. В нашем случае таким единственным следствием, логически вытекающим из сложившейся информационной ситуации, является решение о прекращении уголовного дела.

1. Воробьев Г. Г. Документ. Информационный анализ. М., «Наука», 1973. 254 с.
2. Голованов В. Н. Законы в системе научного знания. М., «Мысль», 1970. 230 с.
3. Зеленецкий В. С. Понятие и классификация совокупности доказательства в советском уголовном процессе. — «Радянське право», 1971, № 1, с. 74—78.
4. Зеленецкий В. С. Конкурирующие потоки судебной информации. — В сб.: Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности в деятельности следственного аппарата. Харьков, 1974, с. 33—50.
5. Коршунов А. М. Теория отражения и творчество. М., Политиздат, 1971. 254 с.
6. Куценко В. И. Социальная задача как категория исторического материализма. Киев, «Наукова думка», 1972. 370 с.
7. Пилипенко Н. В. Необходимость и случайность. М., «Наукова думка», 1965. 230 с.
8. Петров Ю. А. Логическая функция категорий диалектики. М., «Высшая школа», 1972. 270 с.
9. Шептулин А. П. Философия марксизма-ленинизма. М., Политиздат, 1970.
10. Яхот О. О. Необходимость и случайность. М., «Наука», 1956. 183 с.
11. Словарь иностранных слов. М., «Сов. энциклопедия», 1964.

Ю. М. Грошевой, канд. юрид. наук

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОПЫТА СУДЬИ В ФОРМИРОВАНИИ ЕГО УБЕЖДЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Процесс формирования убеждения профессионального судьи обусловлен наряду с другими факторами уровнем его профессионального правосознания, его навыками и опытом по правильному применению материального и процессуального закона [см. 2]. Нельзя не учитывать, что восприятие доказательственной информации, всего происходящего в судебном разбирательстве фиксируется, запоминается, мысленно обрабатывается судьей в существующей у него системе общеполитических, этических, профессиональных и житейских знаний, которые закрепляются в его профессиональном опыте.

Профессиональный опыт систематизирует, обобщает правовые знания судьи, его навыки и умение, помогает ориентироваться в доказательственной информации и «извлекать» из нее то, что действительно необходимо для правильного разрешения дела. Опыт судьи обуславливает особое профессиональное видение тех фактических обстоятельств дела, которые являются существенными для установления события преступления, виновности подсудимого, квалификации преступления, индивидуализации наказания.

Влияние профессионального опыта на формирование судьейского убеждения — проблема большая. В настоящей статье рассматриваются лишь некоторые вопросы, менее полно разработанные в литературе.

Судья, как известно, обладает известной системой правовых знаний и опытом разрешения уголовных дел, запечатлевшихся в его сознании в виде личностных типичных моделей — образов преступного поведения. Систематизация разрешенных под его председательством уголовных дел раскрывает судье содержание материальной нормы и требований процессуальной формы, которые фиксируются не только в субъективных оценках справедливости, эффективности, правильности нормативного предписания, но и выражаются в понимании им признаков состава преступления, описанных в законе, и тех правил ведения дела, которые установлены процессуальным законом. При этом, как подчеркивает Славин А. В., «относительно одинаковые, общезначимые, унифицированные образы формируются у людей одинаковых и смежных специальностей... Совокупность таких систем знаний определяет для каждого субъекта особое видение мира и соответствующие действия в определенных ситуациях» [3, с. 202].

Значение этих типичных моделей-образов (их еще называют иконическими моделями, функция которых заключается в наглядном представлении чувственно не воспринимаемых явлений) правомерно усматривать в некотором смысле в том, что они положительно влияют на процесс доказывания по уголовному делу, на формирование вывода и убежденности судьи в правильности принимаемого им решения. Эти модели являются своеобразным фильтром, через который «просеивается» доказательственная информация и актуализируется та, которая, по мнению судьи, позволяет сделать обоснованный вывод о наличии или отсутствии обстоятельств, устанавливаемых соответствующим процессуальным актом. Включаясь в мыслительный процесс судьи, эти модели «увеличивают» правдоподобие (не достоверность, а именно правдоподобие) воспринимаемой информации по рассматриваемому им делу.

Возрастание объема профессиональных знаний, серьезная ориентация в тех рекомендациях, которые вырабатываются, например, в криминалистике, судебной психологии, приводят к тому, что указанные модели повышают свою надежность, способствуют более рациональному получению доказательственной информации, что обеспечивает не только полноту, объективность, всесторонность судебного следствия, но и быстроту рассмотрения дела в суде.

В процессуальной литературе одни авторы рассматривают быстроту процесса в качестве принципа только предварительного следствия, другие — считают ее условием предварительного расследования, третьи — полагают, что она — принцип советского уголовного процесса [см.: 4—8]. Не рассматривая подробно эти точки зрения, отметим только, что быстрота уголовного судопроизводства закреплена в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, где она сформулирована в качестве одной из задач уголовного судопроизводства. Поэтому требование быстроты относится в равной мере как к производству предварительного расследования, так и к рассмотрению дел в суде.

Одним из выражений быстроты процесса в судебном разбирательстве уголовных дел является процессуальная экономия средств доказывания. Последняя в значительной степени обусловлена профессиональным опытом судьи и предполагает, во-первых, непрерывность судебного разбирательства, во-вторых, обнаружение и процессуальное закрепление с максимальной быстротой дополнительной доказательственной информации о фактах совершенного преступления, в-третьих, обеспечение в этой ситуации процессуальных прав и законных интересов участников судебного разбирательства. Достоверность информации во многом зависит от оперативности и своевременности производства процессуального действия в судебном следствии, посредством которого эта информация может быть получена и процессуально закреплена. Поэтому, располагая сведениями, достаточными для принятия конкретного решения по производству процессуального действия (например, о вызове дополнительных свидетелей), судья обязан немедленно поставить этот вопрос в судейской коллегии и обсудить его с участниками судебного разбирательства, выполнить данное действие в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Несвоевременное принятие решения о соответствующем действии, а также промедление в его непосредственном исполнении либо нарушение процессуальной формы при его производстве часто приводят к искажению самой информации. Как в этом, так и в другом случае суд вынужден использовать другие средства доказывания, не обеспечивающие максимально быстрого получения информации об исследуемых обстоятельствах, что отрицательно сказывается на адекватности установления искомых по делу фактов, вызывает сомнение в их доказанности.

Профессиональный опыт способствует правильной оценке собранных по делу доказательств, а тем самым влияет на формирование судейского убеждения о доказанности обстоятельств, имеющих существенное значение для разрешения дела. Это подтверждается практикой Верховного Суда СССР. Так, отменяя приговор по делу Живаева, признанного виновным в нанесении умышленных тяжких телесных повреждений Акшевскому, от которых последний скончался, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отметила, что представляется маловероятным, чтобы Акшевский, находясь в тяжелом состоянии после нанесенных ему ударов, мог пройти пешком большое расстояние, а провалившись под лед наполовину, держаться на поверхности и звать на помощь [см.: 9, с. 69]. Пленум Верховного Суда СССР, отменяя приговор по делу Пачека, обратил внимание на то, что при новом рассмотрении дела необходимо критически отнестись к показаниям свидетелей Гуменного и Стрепко, которые четыре раза меняли показания [см.: 10, с. 31]. По делу Богачевой Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР не признала достоверным вывод суда о совершении осужденной хищения, поскольку ее замещали на складе другие лица и «не исключено, что указанные обстоятельства

могли в какой-то мере повлиять на образование недостачи у Богачевой» [9, с. 113].

Из приведенных примеров можно сделать вывод, что именно профессиональный опыт судей (надзорной инстанции) помог им правильно оценить установленные по делу факты. Так, в первом случае состояние и поведение потерпевшего после нанесения ему телесных повреждений не исключали того, что смерть могла наступить и от иных причин. Во втором деле профессиональный опыт судей подсказал, что, если свидетель несколько раз меняет свои показания, необходимо сопоставить их с имеющимися по делу доказательствами, установить причины изменения и после этого признать показания достоверными либо не заслуживающими доверия. И, наконец, в третьем примере профессиональный опыт судей в рассмотрении дел о хищениях дает основание сказать, что недостача у материально ответственных лиц может быть вызвана и тем, что к ценностям имели доступ иные лица.

Судебная практика подтверждает наличие типичных, более или менее устойчивых способов совершения преступных посягательств. В связи с этим профессиональный опыт дает определенный ориентир для правильного рассмотрения конкретного уголовного дела, но не может подменять собою доказанность вывода о совершении преступления данным лицом. При сходстве, типичности обстоятельств рассматриваемого преступного события с подобного рода делами, разрешенными ранее, судья мысленно переносит на исследование фактических обстоятельств по данному делу версии, тактические приемы и пр., примененные им ранее и приведшие к постановлению законного и обоснованного приговора либо к иному решению (обращение дела к доследованию). Однако, рассматривая уголовное дело, судья не должен рассуждать таким образом: «При исследовании совершенного Н. преступления я не установил таких-то фактов. Нужно ли их устанавливать, если мой опыт свидетельствует, что подобные обстоятельства всегда имеют место». Иными словами, судья не вправе в основу своего убеждения при вынесении приговора включать так называемые фактические аналогии и заменять ими «разрыв» в системе доказательств. Положительная роль фактических аналогий заключается в том, что они активно воздействуют на ликвидацию сомнений в доказанности тех или иных обстоятельств («в ходе исследования по данному делу я установил такие-то факты, из которых вытекают определенные следствия, мой опыт свидетельствует о том же»), «выбирают из профессионального опыта судьи информацию, наиболее ценную для полноты, объективности и всесторонности исследования фактических обстоятельств рассматриваемого уголовного дела, помогают выдвинуть и проверить судебные версии.

Профессиональный опыт судьи помогает систематизировать типичные ситуации при рассмотрении уголовных дел определенных категорий, опосредствующим образом способствуя выработке своеобразных личностных стандартов процессуального поведения судьи. При наличии типичной ситуации судья имеет в своем опыте определенную комбина-

цию процессуальных (следственных) действий, позволяющих достоверно установить искомые по делу факты и определенный «набор» судебных версий, которые могут быть выдвинуты при данной ситуации. На значимость этой систематизации для профессиональной деятельности влияют как усвоенные рекомендации криминалистики, так и собственная оценка самой типичности.

При оценке типичности той или иной ситуации по делу важно установить не только ее сходство с прежним опытом, с ранее рассмотренными судьей уголовными делами, но и их различие, что, по-видимому, является главным, так как расширяет возможности выдвижения судебных версий и их проверку. Сходство в ситуациях само по себе, не подменяя доказанности вывода по делу, в психологическом плане может усиливать категоричность вывода о готовности к практическому действию в том варианте поведения, правильность которого подтверждается прежним опытом судьи. Например, сходство в симуляции подсудимыми потери памяти дает возможность судье при рассмотрении дела собрать необходимые данные для обоснованного назначения судебно-психиатрической экспертизы. Вместе с тем фактическая аналогия, например, заключающаяся в сходстве способов совершения преступления, не является доказательством по делу. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, отменяя приговор по делу Исраилова, в частности, исходила из того, что сходство способов совершения преступления само по себе не может рассматриваться как доказательство по делу [см.: 11, с. 25].

Т. Г. Морщакова и И. Л. Петрухин, исследуя соотношение между стажем работы судьи и количеством отмененных и измененных приговоров, вынесенных под его председательством, отметили, что в целом качество отправления правосудия по мере увеличения стажа работы, а следовательно, и профессионального опыта, возрастает, но не так интенсивно, как можно было предположить [см.: 12]. Таким образом, эта связь не прямолинейна и не всегда правилен вывод, что при большем стаже работы улучшается профессиональная деятельность, поскольку здесь проявляются причины, «ослабляющие рассматриваемую связь». К их числу можно отнести личностные отрицательные сдвиги в профессиональной деятельности судьи, явления так называемого «профессионализма», когда действуют шаблоны оценок без учета конкретных обстоятельств исследуемого преступления. В. И. Ленин резко осуждал тех, кто составлял «убеждения» раньше проверки фактов [см.: 4, с. 226].

В правоприменительной деятельности судьи, когда суд каждый раз изучает индивидуально-неповторимые обстоятельства совершенного преступления, шаблоны и порождаемые ими косвенные стереотипы ведут к неполноте исследования фактических обстоятельств дела.

Результаты анкетирования судей свидетельствуют о том, что с продолжительностью стажа повышается «удельный вес» влияния прошлой преступной деятельности или аморального поведения подсудимого на формирование решения судьи. Так, из 800 судей, при-

нявших участие в анкетировании, этот фактор отметило 63% судей, избранных впервые, 68% — избранных во второй раз, 73% — в третий раз и 75% — в четвертый раз и более. Совершение подсудимым в прошлом преступления суд должен принимать во внимание при избрании меры наказания (ст. 41 УК УССР) и в известных случаях при квалификации преступления. Наряду с этим прошлая преступная деятельность не должна влиять на формирование убеждения судьи в отношении доказанности события преступления и виновности подсудимого, «сковывать» полноту, всесторонность и объективность познания обстоятельств преступления в судебном разбирательстве.

Благодаря профессиональному опыту организуется и вновь поступающая информация, под его влиянием усваиваются и переосмысливаются правовые знания, в частности, в связи с постановлениями Пленума Верховного Суда СССР и Верховных судов союзных республик, решениями кассационных и надзорных инстанций.

Свои выводы по делу судья соотносит с кассационной и надзорной практикой вышестоящего суда. Однако может случиться так, что выводы судьи вступают в противоречие с практикой кассационной инстанции. Перед судьей в этом случае стоит альтернатива — принять решение по своему убеждению либо поступить так, как этого требует вышестоящий суд, но тогда принятое им решение не будет соответствовать его убеждению. Анализируя подобную ситуацию, В. В. Лазарев сформулировал положение, что социалистическое правосудие представляет собой единую систему, и потому любое действующее решение одного суда «в известном смысле» должно связывать решение другого [см.: 13, с. 103]. И. Д. Перлов, В. Я. Трубников, напротив, развивают мысль о несвязанности суда, постановляющего приговор, практикой вышестоящего суда [см.: 14, с. 16; 15, с. 226]. Действительно, в силу ч. 1 ст. 51 Основ уголовного судопроизводства указания суда, рассматривающего дело в кассационном порядке или в порядке судебного надзора, обязательны при дополнительном расследовании и вторичном рассмотрении дела. Вместе с тем ч. 2 ст. 51 Основ уголовного судопроизводства определяет пределы обязательности этих указаний: вышестоящий суд не вправе приводить факты, не установленные в приговоре или отвергнутые им, а также не вправе предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, о достоверности или недостоверности того или иного доказательства и о преимуществах одних доказательств перед другими, о применении судом первой инстанции того или иного закона и о мере наказания.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 17 декабря 1971 г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке» отметил, что вышестоящие суды не вправе давать указания, предрешающие выводы органов расследования и суда. При повторном рассмотрении дела суд первой инстанции обязан решить вопросы виновности или невиновности подсудимого, применения уголовного закона и назначения наказания, «исходя

из оценки доказательств по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием». Однако материалы анкетирования судей свидетельствуют о влиянии практики вышестоящего суда на формирование их убеждения при рассмотрении дела по первой инстанции. Так, этот фактор отметило 20,4% судей, избранных впервые, 12,8% — во второй раз, 16,7% — в третий раз и 12,5% — в четвертый и более раз. Таким образом, можно предположить, что с увеличением стажа работы значимость практики вышестоящего суда в формировании убеждения судей уменьшается. Это можно объяснить тем, что судьи с продолжительным стажем работы либо действуют так, как этого требует вышестоящий суд, или «приспосабливаются к практике суда второй инстанции и не осознали (субъективно не восприняли) правильность этих требований.

Приведенные данные анкетирования локальны, но они дают некоторые ориентиры для решения поставленного вопроса. Видимо, практика вышестоящего суда не может не оказывать влияния на формирование убеждения судей первой инстанции в силу однотипности профессионального правосознания, одинаковости понимания требований процессуального и материального законов. Вышестоящий суд, имея опыт рассмотрения значительно большего количества уголовных дел, чем суд первой инстанции, обобщает и наиболее типичные ошибки, ориентируя на недопущение их нижестоящими судами. В этом случае практика вышестоящего суда дает как бы направление полного, объективного и всестороннего рассмотрения обстоятельств совершенного преступления, не предвешая выводов суда первой инстанции. Профессиональный долг судьи состоит в том, чтобы во всех случаях соотносить свое решение с практикой вышестоящих судебных инстанций и, естественно, с надзорной практикой Верховного Суда СССР, в первую очередь.

Список литературы

1. Ленин В. И. Лутовину Ю. Х. — Полн. собр. соч. Т. 52, с. 226.
2. Бородин С. В., Белозеров Ю. Н. Дознание и предварительное следствие. МООП РСФСР, 1965. 282 с.
3. Бекешко С. П. К вопросу о понятии и системе общих условий предварительного расследования. — В кн.: Проблемы совершенствования советского законодательства и деятельности государственных органов. Минск, Изд-во Белорусского гос. ун-та, с. 28—32.
4. Грошевой Ю. М. Факторы, формирующие внутреннее убеждение судей по уголовным делам (на материалах конкретно-социологического исследования). — В сб.: Вопросы государства и права. Вып. 2. М., «Юрид. лит.», 1974, с. 306—316.
5. Гродзинский М. М. Укрепление законности и вопросы уголовного процесса. — «Сов. государство и право», 1955, № 9, с. 58—62.
6. Гуляев А. П. Быстрота уголовного процесса. — В сб.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 18. М., «Юрид. лит.», 1973, с. 38—52.
7. Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1972. 174 с.

8. Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Социологические аспекты изучения эффективности правосудия. — В кн.: Право и социология. М., «Юрид. лит.», 1973, с. 253—390.
9. Перлов И. Д. Приговор в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1960. 261 с.
10. Славин А. В. Наглядный образ в структуре познания. М., Политиздат, 1971. 271 с.
11. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., «Наука», 1970. 516 с.
12. Трубников В. Я. Пересмотр решений в порядке судебного надзора. М., «Юрид. лит.», 1974. 215 с.
13. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946—1962. М., «Юрид. лит.», 1964. 335 с.
14. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1973, № 5.
15. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1967, № 3.

СОДЕРЖАНИЕ

Правовые проблемы научно-технического прогресса

Бару М. И. Технический прогресс и совершенствование норм трудового права	3
Процевский А. И. XXV съезд КПСС и повышение эффективности действия норм трудового права	13
Красько И. Е., Гайворонский В. Н. Научно-технический прогресс и новые правовые формы организации промышленного производства	25
Подопригора З. А., Попов В. К. Новые организационно-правовые формы ускорения научно-технического прогресса в сельском хозяйстве	32
Азимов Ч. Н. Влияние научно-технического прогресса на юридическую природу договоров	39
Гончарова Г. С. Гарантии трудовых прав рабочих и служащих в условиях научно-технического прогресса	45
Прокопенко И. Ф., Задыхайло А. М. Социально-экономические вопросы научно-технической революции в условиях развитого социализма	51
Павловский Р. С. XXV съезд КПСС и развитие демократических начал в деятельности местных Советов депутатов трудящихся	58

Проблемы борьбы с правонарушениями

Кривоченко Л. Н. Критерии классификации преступлений	69
Ломако В. А. Цели наказания и особенности их обеспечения при условном осуждении	76
Пинаев А. А. Конкуренция норм при квалификации хищений, совершенных путем злоупотребления служебным положением	84
Стахис В. В. Ответственность за умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения	89
Тацкий В. Я. Отграничение частнопредпринимательской деятельности от преступлений против социалистической собственности	96
Тихий В. П. Квалификация хищений огнестрельного оружия	103
Альперт С. А. Роль обвинения в осуществлении правосудия	110
Зеленецкий В. С. Принятие процессуальных решений в ситуации информационного равновесия	117
Грошевой Ю. М. Роль профессионального опыта судьи в формировании его убеждения по уголовному делу	124

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Республиканский межведомственный
тематический научный сборник

Выпуск 1

Редактор *Л. В. Яричевская*, обложка художника *В. А. Овчинникова*, художественный редактор *А. С. Романова*, технический редактор *Л. Т. Момот*, корректоры *Е. И. Шевкунова*, *А. В. Евлахова*.

Сдано в набор 4/VI 1976 г. Подписано в печать 30.XI 1976 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 8,25. Уч.-изд. л. 10. Тираж 1400. Изд. № 338. Заказ 1119. БЦ 50249. Цена 63 коп.

Издательство издательского объединения «Вища школа»
при Харьковском государственном университете.

310003, Харьков, 3, Университетская, 16.

Харьковская городская типография № 16 Областного
управления по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. Харьков, 3, Университетская, 16.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Начиная с 1976 г. в Издательстве издательского объединения «Вища школа» при Харьковском государственном университете начинает выпуск республиканский межведомственный тематический научный сборник «Проблемы социалистической законности».

На его страницах будут обсуждаться актуальные проблемы государственного и правового строительства, вопросы, связанные с дальнейшим совершенствованием действующего законодательства и деятельности Советов, органов МВД, прокуратуры, предварительного расследования и суда в борьбе с правонарушениями, вытекающие из решений XXV съезда КПСС.

Редакционная коллегия планирует также помещать на его страницах разделы научно-практических комментариев действующего законодательства и рецензии на новые научные публикации.

Особое внимание будет уделяться вопросам научного и научно-практического анализа состояния борьбы различных правоохранительных государственных органов и общественности. Редакционная коллегия обращается ко всем научным и практическим работникам органов, ведущих борьбу с правонарушениями, с просьбой принять активное участие в составлении последующих выпусков. Объем представляемых статей не должен превышать 0, 5 п. л.

Статьи, отзывы, предложения и заказы направлять по адресу: 310024, Харьков, 24, ул. Пушкинская, 77, юридический институт, редакционной коллегии сборника «Проблемы социалистической законности».